

Ал. Аф. Потебня.

— — — — —

I.

О НѢКОТОРЫХЪ СИМВОЛАХЪ ВЪ СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

II.

О СВЯЗИ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВЪ ЯЗЫКЪ.

III.

О КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЯХЪ И СРОДНЫХЪ СЪ НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХЪ.

IV.

О ДОЛЪ И СРОДНЫХЪ СЪ НЕЮ СУЩЕСТВАХЪ.

— — —
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.
— — —

Учебнымъ Комитетомъ М. Н. П. одобрена къ приобрѣтенію въ фундамен-
тальная библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ХАРЬКОВЪ.
Издание М. В. Потебня.
1914.

Слово выражает не все содержание понятия, а один из признаковъ, именно тотъ, который представляется народному возврѣнію важнѣйшимъ. Принявъ за данное известное число корней, равное числу основныхъ представленій въ известной семье языковъ, мы можемъ предположить, что ходъ лексического развитія состоить приблизительно въ слѣдующемъ. Новые понятия, входя въ мысль и языкъ народа, обозначались звуками, уже прежде имѣвшими смыслъ, и основаніемъ при этомъ служило единство основныхъ признаковъ въ новыхъ и прежде известныхъ понятияхъ. Такъ-какъ въ природѣ нѣть полнаго сходства, то известный признакъ въ каждомъ новомъ словѣ получалъ особенные оттѣнки, независимые отъ вносимыхъ суффиксовъ, и звукъ, сживааясь съ новымъ понятиемъ, тоже измѣнялъ первоначальное значеніе. Новые слова роднились уже со словами не первичнаго, а позднѣшаго образованія, и въ свою очередь удалялись отъ первого значенія признака. Такъ вмѣстѣ съ лексическимъ ростомъ языка затѣнялось первоначальное впечатлѣніе, выраженное словомъ, подобно тому, какъ теряли и теряютъ смыслъ грамматической формы, по мѣрѣ удаленія отъ времени полнаго своего развитія. Но жизнь языка состоитъ не въ одной только утратѣ изобразительности и грамматической стройности: языкъ въ настоящемъ своемъ видѣ есть столько-же произведеніе разрушающей, сколько и возсозидающей силы. Соответственно замѣнѣ обеташившихъ звуковъ и формъ новыми, собственный смыслъ

слова поддерживается въ памяти народной сопоставлениемъ этого слова съ другимъ, имѣющимъ сходное съ нимъ основное значеніе. Отсюда постоянные эпитеты и другія тавтологическія выраженія, наприм. бѣлый свѣтъ, ясный—красный, косу чесать, думать—гадать. Та-же потребность возстановлять забываемое собственное значеніе словъ была одною изъ причинъ образования символовъ. Близость основныхъ признаковъ, которая видна въ постоянныхъ тождественныхъ выраженіяхъ, была и между названіями символа и обозначающаго предмета. Калина стала символомъ дѣвицы потому же, почему дѣвица названа красною; по единству основнаго представленія огня—свѣта въ словахъ: дѣвица, красный, калина. На основаніи связи символовъ съ другими эпическими выраженіями, можно бы называть символами и тѣ предметы и дѣйствія, которые, изображая другіе предметы и дѣйствія, нисколько при этомъ не одухотворяются. Зная, напримѣръ, что гніеніе обозначается въ языкѣ огнемъ, можно бы огонь назвать символомъ гніенія.

По мѣрѣ, какъ забывается упомянутое соотвѣтствие между значеніемъ корней словъ объясняемыхъ и объясняющихъ, ослабляется и связь между ними: постоянные эпитеты и пр. переходятъ къ словамъ, которые означаютъ то же понятіе, но по другому признаку. Такъ, въ выраженіи „черная грязь“ прилагательное не имѣть ничего общаго съ корнемъ грязь—грязь, по которому было бы приличнѣе называть грязи топучими, чѣмъ и встрѣчаемъ въ произведеніяхъ народной поэзіи; „черный“ перешло, вѣроятно, къ сл. „грязь“ отъ другаго слова, напр. отъ сл. калъ, выражающаго впечатлѣніе чернаго цвѣта.

Въ тѣхъ способахъ выражать символъ, какіе застаемъ въ народной поэзіи, видно тоже стремленіе къ потерѣ изобразительности слова и связи поэзіи съ языкомъ. Простыя формы смѣняются сложными, но не замѣняются ими вполнѣ. Главныхъ отношеній символа къ опредѣленному три: сравненіе, противоположеніе и

отношение причинное. а) Сравнение выражается въ народной поэзии или такъ, что символъ вполнѣ соответствуетъ своему предмету, или такъ, что между тѣмъ и другимъ полагается иѣкоторое различие. Въ полномъ сравненіи символъ является то приложеніемъ (конь—соколь), то обстоятельствомъ въ творит. пад. (зегзицею кычеть), то развитымъ предложеніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ сравниваемое можетъ подразумѣваться, или—быть развито до такой степени, какъ и символъ. Примѣромъ первого можетъ служить пѣсня Краледворской ркп. „Ach ty róže, krasna róže! Čemu si rano rozkwetla, rozkwetawši pomrzla, pomrzawši uswědla, uswědewši opadla?“ и вслѣдь за тѣмъ слова дѣвицы, которая сравнивается съ розою; примѣромъ второго—двустишие: „Грушице моя! чомъ ты не зеленая? Милая моя! чомъ ты не веселая?“ въ которомъ каждому слову первой половины соответствуетъ слово второй. Символъ, какъ приложеніе, сливаются съ обозначаемымъ въ одно цѣлое, а творительный падежъ напоминаетъ превращенія: то и другое можетъ быть отнесено къ тому времени, когда человѣкъ не отдѣлялъ себя отъ вѣнчаной природы. Сравнительно позже появился параллелизмъ выраженія: онъ указываетъ на затемнѣніе смысла символовъ, потому что если эти пѣлѣдніе понятны, то и объяснять ихъ не-зачѣмъ. Еще болѣе позднимъ кажется выраженіе символа въ видѣ полнаго или сокращенного придаточнаго предложенія съ сравнительнымъ союзомъ (напр. въ Кр. ркп. jako zora, jako luna); присутствіе союза доказываетъ, что между сравниваемыми предметами ставится большее различіе, и напоминаетъ пріемы искусственнаго языка.

Формъ отрицательного сравненія тоже иѣсколько. Въ Сербскихъ пѣсняхъ довольно часто употребляется такой оборотъ: предполагается символъ въ видѣ положенія или вопроса, и вслѣдъ затѣмъ отрицаются, а на мѣсто его ставится обозначаемый предметъ, напр. Надви се облак изнад дјевојакъ; То не био облак изнад дјевојакъ, Већ добар јувак тражи дјевојакъ, (Срп. пјес I. 2);

Шта се сјаји кроз гору зелену? Да л'је сунце, да л'је јасан месец? Нит'је сунце, ни ти јасан месец, Већ зет шури на војводство доће (ib. 13.). Сербскія, а особенно Великорусскія пѣсни опускають сравненіе положительное и начинаютъ съ отрицанія: „не...а“. Безъ сомнѣнія такое сравненіе съ отрицаніемъ предполагаетъ положительное, а потому новѣе послѣдняго.

b) Противоположеніе символа предмету не чуждо Влкр. пѣснямъ, но, если не ошибаюсь, чаще встречается въ Малорусскихъ. Обыкновенная форма такая-же, какъ и въ развитомъ положительномъ сравненіи, и отношение сопоставленныхъ предложенийъ, при отсутствіи союза, можетъ легко быть принято за сравнительное, какъ напр. въ слѣдующихъ мѣстахъ: „Надъ горою високою голуби літаютъ: я роскоши не зазнала, а літа минаютъ“ (Нар. Южнор. п., изд. Метл. 59); „Ой гиля, гиля, сизі голубоньки на високе літання: Та уже важко, мое серденько, та зъ тобою горювання“ (ib. 102); „Ой з за гори из-за кручи орли вилітаютъ: Не зазнаю я роскоши,—вже и літа минаютъ“ (ib. 106). Высокое летанье птицъ имѣть смыслъ ничѣмъ не стѣсняемой свободы; Чеш. *vi jeti*, Пол. *vi jać*, Русс. ширять, парить, значать не только высоко, но и привольно летать. Такому ширянью противополагается горе, стѣсненное положеніе человѣка, отсутствіе роскоши, т. е. раздолья, свободы, что, разумѣется, предполагаетъ сравненіе счастливаго человѣка съ высоко летящимъ птицею. И этотъ приемъ позже сравненія. Кромѣ сложности формы, можно думать такъ и потому, что въ противоложеніи таится мысль о равнодушіи природы къ страданіямъ человѣка, о разладѣ послѣдняго съ дѣйствительностью, мысль естественная въ устахъ современнаго намъ поэта, но слишкомъ печальная для первобытной эпической поэзіи.

c) Причинное отношеніе тоже рождается изъ сравненія. Такъ, во многихъ народныхъ медицинскихъ средствахъ можно распознать символы выздоровленія, или болѣзни: пораженное сибирскою язвою мѣсто очерчи-

ваютъ выпавшимъ изъ сухой сосны сучкомъ, чтобы уроки, призоры и пр. посыхали, какъ сучья и коренья у сухой сосны (Этн. оч. Ю. С. Гул. 53); рожу лѣ-
чать высѣканьемъ огня и прикладываньемъ краснаго
сукна на болѣвое мѣсто, потому что рожа сближается
въ языкѣ съ огнемъ и краснымъ цвѣтомъ. Вообще
символизмъ доживаетъ свой вѣкъ въ подобныхъ слож-
ныхъ формахъ; онъ долго живеть въ примѣтахъ, сим-
патическихъ лѣченьяхъ и другихъ предразсудахъ, по-
слѣ того, какъ исчезнетъ въ высшихъ формахъ народ-
ной поэзіи.

Такъ-какъ символизмъ есть остатокъ незапамятной
старинѣ, то встрѣтить его можно преимущественно
тамъ, где медленнѣе происходитъ отданіе мысли отъ
языка, куда медленнѣе проникаетъ новое. Какъ ни
стары и нынѣ былины, пѣсни юнацкія, все-же онъ, съ
немногими исключеніями, всѣмъ своимъ содержаніемъ
относятся ко временамъ историческимъ. Жизнь, въ нихъ
изображенная, есть жизнь столкновенія и борьбы наро-
довъ, жизнь прогресса, быстро приводящая въ забвеніе
старину, и возсоздающая ее въ новыхъ формахъ. Во-
обще мысль мужчины шире, подвижнѣе, измѣнчивѣе,
въ силу новыхъ, входящихъ въ нее, стихій, чѣмъ мысль
женщины, заключенной въ кругу медленно измѣняю-
щагося домашняго быта, болѣе близкой къ природѣ и
неподвижному разнообразію ея явленій. Женщина—
преимущественно хранительница обрядовъ и повѣрьевъ
давно застывшаго и уже непонятнаго язычества. От-
того связь съ языкомъ и символизмъ, характеризую-
щіе женскія пѣсни, встрѣчаются въ мужскихъ въ го-
раздо меньшей степени. Символизмъ находится въ об-
ратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а
потому онъ необходимъ и яснѣе у Русскихъ и Сербовъ,
чѣмъ въ пѣсняхъ Чеховъ, Лужичанъ, Хорутанъ, Поля-
ковъ. Эстетическое достоинство произведений народной
поэзіи падаетъ вмѣстѣ съ символизмомъ и отъ тѣхъ-же
причинъ: между прочимъ—отъ уменьшения числа людей,
для коихъ языкъ и произведенія народной словесности

главные средства развитія. Правда, превосходныя Сербскія историческія пѣсни и нѣкоторыя Млр. думы доказываютъ, что и при отсутствіи символовъ возможны высокія народныя произведенія, если между классами народа нѣтъ рѣзкаго различія и если вся масса народа достигнетъ извѣстной степени воодушевленія; но воодушевленіе проходитъ, масса народа разъединяется, и снова начинается процессъ паденія народной словесности.

Въ настоящее время многія Малороссійскія пѣсни, еще прекрасныя по частностямъ, не представляютъ никакого внутренняго единства. Онѣ, очевидно, механически сшиты изъ отдѣльныхъ двустишій и четверостишій, которые встрѣчаются въ другихъ пѣсняхъ, поются и сами по себѣ. Однѣ изъ этихъ короткихъ пѣсенекъ — параллельныя выраженія съ правильно-употребленнымъ символомъ; въ другихъ символъ поставленъ случайно, по привычкѣ; въ третьихъ опущенъ символъ или его объясненіе, которое теперь было бы вовсе не лишнимъ. Пол. краковъяки, кажется, были прежде параллельными выраженіями, какъ Малорусскія „уличныя“ и „коломыйки“, но теперь представляютъ гораздо большую степень разложенія, чѣмъ эти послѣднія. Нѣкоторые изъ нихъ — наборъ словъ, утративший всякий смыслъ: „Kamieñ na kamieniu, na kamieniu kamieñ, A na tém kamieniu jeszcze jeden kamieñ“.

Приводя въ порядокъ немногіе собранные мною материалы, я старался не упускать изъ виду символики съ языкомъ, и располагалъ символы по единству основнаго представленія, заключенного въ ихъ названіяхъ. Въ частныхъ случаяхъ я могъ ошибаться, но вѣрно то, что только съ точки зрѣнія языка можно привести символы въ порядокъ, согласный съ воззрѣніями народа, а не съ произволомъ пишущаго.

V **Огонь. Свѣтъ.** Еслибы мы не знали, что божества огня и свѣта занимали важное мѣсто въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, то могли бы убѣдиться въ этомъ изъ обилія словъ, имѣющихъ въ основаніи представленія огня и свѣта.

Какъ душа и жизнь, такъ и частныя проявленія жизни: голодъ, жажда, желаніе, любовь, печаль, радость, гнѣвъ представлялись народу и изображались въ языкѣ огнемъ. Слова, первоначально примѣняемыя къ нѣсколькимъ понятіямъ, напр. и къ желанію, и къ печали, съ течениемъ времени становятся опредѣленіе, начинаютъ обозначать одно извѣстное понятіе. Диссимилирующая сила языка дѣйствуетъ при этомъ по правиламъ часто совершенно для насъ непонятнымъ. Примѣромъ этого, какъ кажется, произвольного разграничія тождественныхъ по основному признаку словъ могутъ служить названія пищи и питья, голода и жажды. Что пища и питье роднятся между собою въ языкѣ, видно изъ слѣдующаго: сл. пища происходит отъ пи—ти съ суффиксомъ, ставшимъ согласно корня. Отъ предполагаемой формы питити—Млр. питимий, кормящій Млр. „питимая матінка“ можно буквально перевести: „кормилица матушка“. Суф.—имый имѣть здесь действительное значеніе, какъ въ родимый. Отъ соути, лить, происходятъ: сытый, накормленный, отличаемое обыкновенно отъ пьяный и сопоставляемое съ симъ послѣднимъ, и сыта (медовая), слово, означающее собственно жидкость и по такимъ-же неизвѣстнымъ причинамъ отнесенное къ меду, какъ слова квасъ (ср. киснуть, мокнуть, Серб. кипа, дождь) и пиво къ своимъ понятіямъ. Въ одной Лужицкой пѣснѣ, наоборотъ, вода названа сѣстрицей: Póséel jeho po wodu, po tu wodu jadomii (Haupt. I. 145). Средство голода и жажды видно въ нѣсколькихъ словахъ. Ст.-Слв. жльдѣнь, тождественное по корню съ Русс. голоденъ, въ Серб. жудан получаетъ значеніе жаждущаго. Смага, близкое къ смажить, жарить, значитъ въ Смол. губер. жажда, а въ Псков.—позывъ на пищу.

Пол. *pragnąć*, *pragnienie*, жажды, Стар. Русс. пра-жу, жажду (Азбук. въ Ск. Р. Н.), образовалось отъ значенія Пол. *prążyć*, Млр. прягти (гдѣ я указыва-етъ, можетъ быть, на старинное *ѧ*), жарить. Самое жажды (кор. жад) можетъ быть сродно съ кор. жег. То-же подтверждаютъ выраженія: „ѣсть хочется, а пить — какъ душу выжгло“ (Бусл. Посл. въ Арх. Кал. кн. II. ч. 2); „Ты бѣ жаждущимъ утробъ охлажденіе (Илар. о Зак. благ.); „гладомъ таати“ (Варл. и Іосафъ приб. къ Лит. Ист. Стар. пов. и пр. Пып.). Таять, кромѣ обыкновенного значенія, имѣть и теперь еще на Сѣверѣ другое, горѣть; совершенно такъ, какъ топить: „затаяли свѣцу воску ярово (Пам. и обр. 414); отсюда Млр. потала (въ выраженіи „звірю на поталу“)—пожраніе, жертва. Какъ жратъ, єсть—од-ного корня съ горѣть, такъ Пол. *rojuć*, єсть, по связи жизни съ огнемъ, можетъ въ основаніи имѣть представлениe огня, который, по пословицѣ, хуже вора, потому что „воръ воруетъ, хоть стѣны оставитъ, а по-жаръ все пожираетъ“ (Бусл. Посл.). Нѣкоторыя сло-ва, означающія желаніе, прямо примыкаютъ къ поня-тию голода и жажды, а черезъ нихъ къ горящему вну-три человѣка огню. Таковы Ст.-Слв. жаждати, Пол. *żądać*, *pragnąć*, желать. Другія—не имѣютъ видимой связи съ голодомъ и жаждою, но относятся къ огню.

Желать сродно съ жалить, жалѣть и горѣть, о чемъ память сохранилась въ пословицѣ: „Ярко же-лаютъ, да руки поджимаютъ“ (Бусл. Посл.). Млр. и Влр. бажать, сильно желать, имѣть при себѣ Млр. багатья, горячіе угли, жарь. Даже горѣть могло принимать значеніе желать, какъ можно заключить изъ слѣдующаго. Въ^{*} Млр. дѣвичьей игрѣ „въ горю-дуба“ (или „въ горю пня“, Псков. огарыши, горѣлки), дѣ-вушка, ставшая горѣть, говоритъ: „горю, горю дубъ (или пень)“. Одна изъ двухъ, ставшихъ противъ нея, спрашиваютъ: „чого-жъ ты горишь?—„Красної пан-ни!“—„Якои“—„Тебе молодои“ и пр., за тѣмъ тѣ бѣгутъ, а горѣвшая ловить (Дни и мѣс. Укр. посел.,

Максимовича, Русс. Бес. 1856 г. III.). Родительный п. при горѣть показываетъ, этотъ глаголъ значитъ здѣсь не ловить—бѣгать, какъ можно думать по связи огня и быстроты, а скорѣе желать, любить. Любовь есть желаніе, почему Псков. жаланный—любезный, желанный—любезный, милый (Орл. Туль.), ласковый, добрый (Моск. Олон.); Твер. жадный, милый; во многихъ Сѣв. губ. бажоный, миленький. Костр., Олон. Тамб. бажать-ка—крестный отецъ, крестная мать, можетъ быть потому, что излюблены, выбраны, въ противоположность роднымъ. Связь любви съ огнемъ выводится и изъ сближенія красоты съ огнемъ, о чёмъ —ниже. Въ названіяхъ печали я не замѣтилъ доказательствъ связи этого чувства съ жаждою—голодомъ; связь съ огнемъ—ясна. Печаль отъ печь, слово неупотребительное въ Млр., въ замѣнѣ чего Млр. журба имѣеть постоянный эп. пекуча. Журба, слово близкое по формѣ къ Ченл. *zuiiti*, свирѣпѣть, одного корня съ горѣти—жрѣти: *у* есть усиленіе глухаго звука (ср. муравей—мѣравій). Жаль—горе тоже однородны съ горѣть, равно какъ обл. на-зола, грусть, близкое къ зола, (ср. пепель—удвоенная форма отъ плати, но и безъ предл. по—всестаки продуктъ горѣнія), золь, имѣющему другую форму горшій. Скорбь имѣеть при себѣ заскорбнуть, засохнуть, скорблый, сухой. Сухота (Моск. и Млр.), забота, печаль отъ сухъ, откуда довольно рѣдкій Млр. гл. сушувать, горевать (Ѣтн. Сбор. I. 357), и обыкновенное Млр. сушить—вялить (о горѣ). Какъ въ языкахъ, такъ и въ народной поэзіи понятія желанія, любви, печали сродны между собою потому что выражаются въ однихъ и тѣхъ-же образахъ внутренняго и внѣшняго огня. Какъ сл. утолить, напр. голодъ, жажду, имѣеть въ основаніи понятіе огня (тлѣть, обѣ огнѣ), хотя выражаетъ его утишеніе, усмиреніе; такъ питье и ъда, усмиряющія жажду и голодъ, служатъ символами упомянутыхъ сродныхъ съ огнемъ чувствъ.

а) **Питье.** Пить воду значитъ желать, стремиться, какъ можно догадываться изъ слѣдующаго: „Край тихого броду пье сивий кінь воду; Просилася мила та до своего рода“ (Метл. 244). Конь пьеть отъ жажды, какъ просьба—слѣдствіе желанія; „край броду“, потому что бродъ—средство сообщенія раздѣленныхъ рѣкою. Болѣе примѣровъ можемъ представить для питья въ значеніи любви. Вода—дѣвица, женщина (см. ниже); хотѣть пить—жаждать любви: „Жедно момче горомъ јездиша, Жедно воде, а жељно ћевојке“ (Срп. пјесм. 416). „Що утятя—лебедята летять до криниці. Прилетѣли до криниці, не пили водици; Та йшовъ козакъ до дівчини, зайдшовъ до вдовиці“ (Метл. 53), т. е. какъ утки—лебеди прилетѣли къ водѣ, да не пили ее, такъ козакъ разлюбилъ дѣвицу, потому что шелъ къ ней, да не зашелъ. Менѣе выдержано сближеніе въ слѣдующемъ: „Чи се тая криниченька, що голубка пила? Чи се тая дівчинонька, що мене любила?“ (Метл. Ср. 63, 72). Замѣчательно слѣдующее мѣсто, гдѣ питье—блудъ: „Вопросъ: сыне, пей воду отъ своихъ источниковъ и отъ студенецъ, да не прольются своя воды. Толкъ: не сотвори блуда съ чюжею женю, да твоя жена съ чюжими не соблудитъ“ (Приб. къ рѣчи Пр. Бусл. „О нар. поэз. въ др. Р. Литт.“. Актъ Моск. Унив. за 1859). Сербское љубити, цѣловатъ, тоже сближается съ питьемъ; напр. въ пѣсенкѣ помочанамъ (моби, т. е. мольбѣ, прошенымъ): „На крај, на крај, моja силна мобо, На крају је вода и девојка, Вода ладна, а девојка млада: Воду пијте, девојку љубите“ (Срп. пјесм. I. 169); Я се напих жубер—воде, Намирисах жуте дуње, А наљубих младе моме“ (ib. 362). Какъ любоваться, смотрѣть съ наслажденіемъ, относится къ любить, такъ Млр. дивиться, въ смыслѣ любоваться —къ символу любви питью: „Добри—вечіръ, удівоњко! дай води напиться! Хорошую дочку маешъ, хочь дай подивиться!“—Стоить вода на відничку, такъ ты и напийся; Сидить дочка въ віконечка, такъ ты и подивися!“ Символь известнаго явленія можетъ, какъ

сказано выше, быть средствомъ произвести это явленіе, или его причиною. Пить воду значитъ и любить, и быть любимымъ; напиться воды представляется средствомъ внушить къ себѣ любовь: Чи я, мати, не хорішъ, чи я, парень, не дорісъ? Чому мене, моя мати, дівчата не люблять?—Піди, синку, до криниці, напийся водиці: Будутъ тебе дівки любить ище й молодиці“.

‘Пить вино—тоже любить: Лепо ме је сетовала мајка, Да не пијем црвенога вина, Да не носимъ зеленога венца, Да не љубим тућина јунака’ (Срп. цјес. I. 335, 334); „Ил'ћу пити кондир вина? Ил'ћу љубиш младу мому (ib. 331). Вода сближается со вдовою, а вино съ дѣвицей, потому что послѣдня весела, а первая печальна (ib. 228). Поить—женить: Не ћу брата женит' удовицом, Нит' ћу брата појити водицом... Већ ћу брата женити дјевојкомъ, И појити вином руменијем: Од вина јелице руменије, У дјевојке срце веселије“ (ib. 229). Отсюда питье—свадебный пиръ, т. е. пиръ по преимуществу: Срб. пир—свадьба, пирник—свадебный гость, пироватисе—жениться и выходить за-мужъ, пировати—пировать именно на свадьбѣ, а потомъ—вообще; у Лужичанъ Сербскому пир соответствуетъ kwas, свадьба, собственно питье, (ср. Срб. киша, дождь: понятія питья и изливанья совмѣщаются въ однихъ и тѣхъ-же корняхъ); въ разныхъ Влр. губерніяхъ пропить дѣвку значитъ просватать, а въ Бѣлоруссії запоины—сговоръ.

✓ Женильба служитъ символомъ битвы и смерти, потому что и то, и другое, и третье—судь Божій, а можетъ быть и по другимъ причинамъ. Въ частности пиръ—символъ битвы, потому что, какъ кажется, не только свадебный и надгробный, но и всякий болѣе—менѣе общественный пиръ сопровождался боями (кулачными?): областное (Волог. Яросл. Тульск.) спибокъ, пиръ вообще и тризна; послѣднее видно изъ пословицы: „по дѣдѣ счибокъ, а по бабкѣ щипокъ“ (Бул. Посл. Арх. Калач. кн. II. Отд. 2). Варить пиво и пить значитъ биться. Въ думѣ на Желтоводскую битву Хмель-

ницкій говорить козакамъ: „Гей друзі молодці братя козаки Запорозці! Добре знайте, барзо гадайте, Изъ Ля-хами пиво варити замирайтє. Лядъский солодъ козацька вода, Лядъскі дрова, козацьки труд“ (Сб. Укр. пѣс. Макс. 67). Въ 1-й Новгородской лѣтописи читаемъ слѣдующій разсказъ о переговорахъ Ярослава съ преданнымъ ему мужемъ изъ Святополчей дружины: „И бяше Ярославу мужъ въ прязнь у Святополка, и посла къ нему Ярославъ нощью отрокъ свои, рекъ къ нему: „онъ си! что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много“. И рече ему мужъ тъ: „рчи тако Ярославу, д'аче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати“. И разумъ Ярославъ, яко въ нощь велить съчися“ (П. С. Лѣт. III. I.). Нѣтъ основанія понимать это мѣсто въ буквальномъ смыслѣ, потому что рѣшимость Новгородцевъ перевезтись на тотъ берегъ Днѣпра было дѣломъ случайнаго обстоятельства, а не слѣдствиемъ недостатка въ припасахъ; сравнивая же съ предшествующимъ мѣстомъ, мы видимъ, что „меду мало варено“ значитъ: не было битвы (а стычки могли быть), а дать медъ дружинѣ прямо объяснено черезъ „съчися“. Пиръ—битва, а пьянъ значитъ мертвъ, какъ видно изъ извѣстнаго мѣста въ Сл. о Пол. Иг. и изъ народныхъ пѣсень: „Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ (свадебный) докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоща за землю Русскую“. Разбойники отвѣчаютъ вдовѣ убитаго ими, которая узнаетъ у нихъ коней своего мужа: „Ой ми собі сії коні ми ихъ покупили, Та на гнилій колодії гропі полічили, Зъ холодної криниченъки могоричъ запили, Підъ гнилою колодою спати положили“ (Ср. Ї. Pauli, II. 5). Въ пѣснѣ о Лемеривнѣ: „Ой одчиняй, моя матинко, ворота! Я везу тобі невісточку пьяненъку... Ой упилась, моя матинко, од ножа, А заснула, моя матинко, крий коня“ (Метл. 285—6). Изъ сближенія пира съ битвою можно объяснить частое сближеніе словъ пить и бить: „Нельзя, нельзя воду пiti, нельзя почерпнути; Нельзя, нельзя жену бiti, нельзя поучити“ (Гул.

Оч. Ю. Спб. 95); „Не оуду я води пити, вода луговая; Не буду я жінки бити, жінка молодая“ (Метл.); „W potoczku za laskiem siwe konie piją; Niechodzi tam, Janęczku, bo cie, tam zabija,“ (Zejszner. Pięśni Ludu Podhalan. 149); A čje to studýnka, Co z ně koně pij? Nechoď tam, synečku, Attě tam ne zabijo (Мог. паг. pisně. 262). Впрочемъ можно относить это къ связи питья воды и печали, о чёмъ—ниже. Вообще сродство пира, битвы и близкихъ къ нимъ понятій очень давне; оно выразилось въ различныхъ значенияхъ теперь уже мало понятного слова тризна, надгробный пиръ. Слово это кажется, значитъ собственно то же, что пи-ръ, и происходит отъ корня, означающаго лить—пить, судя по близости его съ трѣзвыи, Срб. тризан, трије зан. Послѣднее по аналогии съ тощъ (см. ниже) должно значить пустой, порожній, тотъ, изъ котораго вылито. Какъ пиръ—веселье *), что видно изъ Пол. wesele, Млр. весільля свадьба, такъ Словац. truznitisia—веселиться (Ср. тих, тѣх и кор. туш.). Какъ Пол. biesiada, пиръ, Русс. бесѣда, разговоръ,—отъ сидѣнья вмѣстѣ; такъ Чеш. truzniti—tryzniti, говорить,—отъ питья (и сидѣнья) вмѣстѣ, безъ чего нѣту пира. Значеніе Чеш. tryznowati, насытаться, можетъ быть выведено изъ веселья и разговора и все-таки относится къ питью: „Так мени добре помежъ ворогами, Якъ тай криниченци помежъ дорогами: Хто иде або йиде—водиці напьеться! Зъ мене молодои хто скоче, сміється“ (Метл. 26). Въ Азбуковникѣ (Ск. Р. Н. т. II), тризна—подвигъ; у Памзы Берынды „тризникъ, шырмъръ, або тотъ, що на игриску есть; тризнище, мѣстце, гдѣ бывають поединки... або куглярства“ и пр. Чеш. truzniti, бить, мучить: все согласно съ связью понятій пить и бить.

*) Ср. связь питья вина и веселья въ извѣстномъ: „Руси есть—веселіе пiti“, коего значеніе объясняется Чеш. „Pili, až se hory zelenaly“ (Nar. Pohad. Od. J. K. z Radostova. Sv. VI. 59), т. е. такъ весело пировали, что, сочувствуя имъ, горы покрывались зеленью. Связь зелени и веселья см. ниже.

Питье воды въ смыслѣ печали противополагается питью веселящихъ напитковъ: „Пийте, люде, горілочку, а я буду пiti воду; Тяжко жити на чужині а безъ мого роду (Зап. о Юж. Руси. II. 238—9). Оно есть слѣдствie представляемой жаждою печали, что ясно изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ: „A tom dole na dolinѣ Čierny hawron wodu pije, Pije, pije w welkom žiali, Že ma milu w cuzom kraji (Pisn. sw Lidu. Slow. w Uhř. 1823 г. 72); въ Сербской пѣснѣ юнакъ приказываетъ привязать коня за копье на своеимъ гробѣ, дать ему овса, но не дать воды, чтобы тужилъ за своимъ господиномъ: „Зоби му дајите, Пити му не дајте, Нек ме жали доро (Серп. пјес I. 394). „Ой піду я до кирници пiti воду з дненьця; Ой безъ ножа, безъ талірки не край моего серця“ (Метл. 12). „Ой на морі та на камені Пило воду та два соколи, Напившися, говорили: Летімъ, братця, на заручини! Тамъ Маруся за ручаетъся, Отъ батенька одлучаетъся, До свекорка прилучаетъся“ (Метл. 127), т. е. невѣста разлучается съ отцемъ, слѣдовательно горюетъ. Питье воды—слезы, какъ слѣдствie печали: „Ku potoku wartko ide.; Czarny gawron wode, pije, Pije, pije, pobrakuje; Moja miła popłakuje“ (Zejszn. Р. L. Podh. 171); карканье ворона только усиливаетъ значение другаго символа, потому что оно, какъ извѣстно, предвѣщаетъ, слѣдовательно изображаетъ печаль. „Eciały gołębie w stawie wode, piły; Bodaj cię, chłopczyno, moje łzy zabiły (ib. 64). Слезы убиваютъ, потому что тяжелы: „A Jwasiowy sliozy marne ne propały: Na kamiń spadały, kamiń rozbywały (Ž. Р. II. 20); „Z welikeho žalu sluzenky karaju, Na tvrdem kameni jałmky vybijaju (Mor. паг. Р. 254, 255) ¹⁾.

¹⁾ Тяжелы онѣ потому, что трудъ роднится съ горемъ и болѣзняю. Понятія тяжести, работы, болѣзни и горя совмѣщаются въ словѣ трудъ (если примемъ однородность сл. трудъ и трждь): трудъ—беремя, откуда Срб. трудна жена—беременная; областное трудный, больной (въ пѣсняхъ тождесловное выражение „трудень—болень“); Ст. Русс. трудный—печаль-

b) **ѣда.** Если признаемъ отношение питья—любви къ огню, то можемъ туда-же отнести и принимаемую въ такомъ смыслѣ ъду, потому и здѣсь питье и ъда сопоставляются: „Pila bych, jedla bych, chleba se mně nechce, Než teho synečka, so je v Novém Městě“ (Mor. Nář. P. 214). Отсюда видно, что хлѣбъ—мужчина; но и женскія и мужскія названія хлѣба—символы женщины: „Теперь нарядили, якъ сами схотіли: Зъ книща паляницю, з дівки молодицю (Метл. 210), какъ поютъ, надѣвая на молодую „намитку“. Мысль, что всякому предопределено, кого любить, выражается поэтому такъ: „суженое ъство да ряженому ъсти“. Наоборотъ, Дунай на ласки Афросиньи Королевишны, которую сваталъ за князя Владимира и считалъ для себя неприкосновенною, отвѣчаетъ: „А и ряженой кусь да не суженому“ (Др. Р. ст. 34, 35). То же значеніе имѣть

ный: „Начати трудныхъ повѣстій о пѣлку Игоревѣ“. Какъ Болг. мѣка—трудъ, Срб. мука—дѣло, замучитисе—потрудиться (напр. прйті), а Болг. иечѣлїх, отъ заботы (и труда) переходить къ барышу, и приобрѣтенію: „спечѣліль много иманье“ (Безс. Болг. п. Времен. О. И. и Др. кн. 21. 88); такъ страдать, въ смыслѣ болѣзни и муки, имѣеть при себѣ обл страда, рабочая пора и тяжелая работа, Ст. Русс. страдати, работать, трудиться, у Памви Бер. страданіе—подвигъ. Отсюда тяжелая работа—символь всего прискорбнаго, непрѣятнаго: „Ой як мені важко сей комінь катити, То такъ мини важко за Иваномъ жити“ (Метл. 115, 81, 259). „Лууче-ж мині, моя мати, круту гору роскошати, А віжъ мині нелюбого соколонькомъ називати“ (ib. 259, 260, 161); „A lepiéj to lepiéj góry lasy kopaé, Niźli się Jasieńku, w twojem sercu kochać. Góry-lasy skopię, jestem sobie wolna, Wtobie się zakochaé—nigdy niez spokojna“ (Piesni L. Krakow. 3). Печаль сама по себѣ—тяжела: „Da su moje tuge, Kak su tuge druge! Ali moje tuge Jesu jako (сильно, очень) težke: Kad bi samo male Na kamen spadale, Kamen bi razbile Na makovo sime“ (Kolo III. 1843, стр. 46); „Ты не гнись-ко половинка, не ложись переводинка: Что не я тяжела иду, тяжело горе кручинка (Терещ. Б.Р. Н. II. 248).

пастись. Въ свадебной Сербской пѣснѣ поется: „Бре не дај, не дај, девојко! Јелен ти у двор ушета, Босиљак бел ти попасе.—Нека га, друге, нека га: За њега сам га сејала“ (Срп. Пјес. I. 12). Трава, отъ трути, ъсть, символъ дѣвицы—женщины; ъсть траву—любить: „По-під мостомъ трава з ростомъ, шо й кінь напасеться; Не бачила миленъкого, не зрадила серца. Хоть бачила—не бачила, не навтігала: Я-жъ на тебе, мій миленъкій, не сподивалася“ (Метл. 52). Между первыми двумя стихами противуположеніе: любовь не встрѣчаетъ препятствій со стороны дѣвицы, а между тѣмъ она не видалась съ милымъ, не утѣшила своего сердца.

¶ **Горечь.** Постоянный эпитетъ горя—горькое. Слово горькій согласно со своимъ происхожденіемъ, значило въ-старину огненный (напр. горкии зъмии), горячій, какъ и современное Чеш. *horký*, и получило значеніе горькаго, ъдкаго вкуса, потому что огонь жретъ. Мы въ правѣ принимать эпитетъ горя не только въ смыслѣ горючаго, но и горькаго. Желчь, слово однородное съ зеленый, золото и горѣть, названное, можетъ быть, по цвѣту, имѣть, по Вацераду (*slich*), кромѣ *fel*, *iracundia*, еще значеніе *virus*, ядъ, которое могло образоваться только черезъ понятіе жратъ, есть, подобно тому, какъ отрава, отрута—отъ трути, ядъ—отъ значенія ъсть. Дѣйствіе яду изображается такъ: „Канула капля коню на гриву, у коня грива загорѣлась“ (Сказ. Р. Н. I кн. 3. 202). Съ этимъ согласно, что отъ трути—тру-тъ, Срб. труд, губка, собственно пожираемое огнемъ, и что ядно значить, по Азбуковнику, жженіе. Срб. *jad*, *горе*, выражаетъ вмѣстѣ пожирающее дѣйствіе огня и печаль. Отъ такого представленія, съ ъесться-погибнуть (отъ печали): „Ужъ какъ съѣлся я, добрый молодецъ, погубился“ (Пам. и обр. нар. яз. и слов. 171). Въ силу своего эпитета, горе имѣть символомъ нѣкоторыхъ горькихъ растеній. Полынь, отъ одного корня съ пламя, палить, полѣно, пепель, своимъ названіемъ подтверждаетъ связь горечи и огня. Она вырастаетъ изъ посѣян-

наго горя: „Я разсю мое горе по всему по чисту по-лю. Уродися, мое горе, ты травою полынью. Какова трава полынь горька, таково-то мое горе сладко“ (Ск. Р. Н. II, ч. 3. 149); „Ja босильак сејем, мени нелен ниче (Срп. пјес. I. 439). Њесть полынь—символъ тяже-лаго непріятваго дѣла: „Лучче-ж мени, сестро, гіркий полинь істи, А ніжъ мені, сестро, сиротину изъ ума звести“ (Метл. 81, ср. 259. 261). Такое же значеніе имѣть въ Сербскихъ пѣсняхъ чемерика, чемерица, чемерка, (откуда синонимические глаголы въ Серб. ядиковати-чемериковати), а въ Русскихъ—„горькая осина“. На дѣвичникѣ невѣста, прощаюсь съ матерью, причитаетъ, что если на мѣстѣ прощанья выростеть яблоня, то житье ей за-мужемъ будетъ хорошее, если береза—среднее, а если осина, то житье будетъ по-слѣднее (Тереш. Ск. Р. Н. II. 200). Но сходству чувственныхъ впечатлѣній горькаго и соленаго, соль—тоже печаль, такъ что насолить—надѣлать бѣды, „солено“ принилось—тяжело, горько, а просыпать соль—знакъ, что горе будетъ. Оттого слеза, какъ признакъ и слѣдствіе горя, горька, горюча, солона: „Горевая слеза горька и солона“. Самое рыдать, въ смыслѣ плакать, предполагаетъ значеніе: плакать горько или отъ горя: рыдать—усиленная форма того корня, что въ Ст.-сл. рѣдѣти, краснѣть (и горѣть?), а потому сближается съ огнемъ и свѣтомъ. Арх. спорыдать, о солнцѣ: показываться, появляться, соответствуетъ теперешнему значенію сл. рѣдѣть, а слѣдующее выражение подтверждаетъ предполагаемое нами: „берестечко (береста) такъ и зарыдало“, т. е. вспыхнуло (Аѳан. Н. Р. ск. III. 69). Пенз. хмылить, плакать, хныкать, а хмыль (Пенз.), хмыль (Моск.)—полымя, хмылать (Моск.) жарко горѣть, полыхать.

γ Сладость. Сладкій вкусъ и по символическому значенію противоположенъ горькому. Согласно съ Бѣлор. пословицею: „что красна, то хорошо, што солодка, то смачна“, Лужиц. slodžié—быть вкуснымъ: „Wjacy jich је, а ѡјере slodži“ (Haupt. a Smol. II. 203), т. е. чѣмъ

больше народу за столомъ, тѣмъ вкуснѣе ёстся, „въ гуртіи и каша есться“. Сладкое—любовь, счастье, потому что противополагается горю. Въ Галиції солодкий—милый; въ тамошнихъ пѣсняхъ довольно часто: „Oj lubko ta solodeїka“. Въ Влр. свадебной пѣснѣ сваха говоритъ: „Какъ чужая-то сторонушка сахаромъ изнасъяна, сытою поливана“... На это ей отвѣчаетъ мать невѣсты: „Ужъ какъ чужая-то сторонушка горемъ вся изнасъяна, Она печалью поливана, печалью огорожена“. (Ск. Р. Н. П. ч. 3. 149).

Одного корня въ рдѣть и рудой, рыжій—слово ржавчина, Пол. rdza; Сер. rѣa. Безъ сомнѣнія оно выражаетъ представленія свѣта и красноватаго дѣта, но не выражаетъ ли и огня? Ржавчина—печаль, и можно думать, что она пожираетъ желѣзо, какъ печаль человѣка: „Кто бы, кто бы изъ острой сабли ржавецъ вытеръ? Кто бы, кто-бы изъ добра коня норовъ вывелъ? Кто бы, кто бы у добра молодца печаль вызналъ?“ (Пам. и обр. народ. яз. и сл. 176). Отсюда б. м. Срб. rѣav, несчастный, больной, дурной, бѣдный; проклятия: rѣa te ubila“, „пасја te rѣa не убила“ могутъ относиться и къ горю и къ болѣзни. Такое-же значеніе имѣть и болотная ржавчина: „Что не ржавчинка на болотичкѣ зараждалась, Не кручинушка добра молодца издоляла: Издоляла-то молодца худа слава; Съ худой славы добрый молодецъ погибаетъ“ (Пам. и обр. 169.).

¶ **Таянье.** Сообразно съ указанною выше связью сл. таять и топить съ огнемъ, таянье снѣгу (а вѣроятно и воску) имѣеть тѣ-же значенія, какія голодъ и жажды. Въ выраженіяхъ, относящихся собственно къ любви, можно видѣть и желаніе: „А ти узми ону груду снежану, Па је метни у недарца до срца: Како копни она груда снежана, Нако копни срце моје за тобомъ“ (Срп. цјес. I. 403.ср. 402); „Упавъ сніжокъ на обліжокъ, та взялся водою; Пішовъ бы я до іншо—зазнався зъ тобою“ (Метл. 50), т. е. какъ необходимо таєть снѣгъ, подмытый водою (если только „взяться

водою“ не значитъ просто таять), такъ я не могу не любить тебя. На-оборотъ: снѣгъ не таетъ—сердце не любить, не пристасть къ другому: „Упавъ сніжокъ на обліжокъ, та вже не ростане; Пішовъ бы я до іншои, сердце не пристане“ (Метл. 50), или: „Ой до стицкого та до бридкого серденъко не пристане“ (Метл. 67). Такимъ-же образомъ, какъ и любовь, выражена печаль: дѣвица въ разлукѣ съ милымъ говорить: „Ой візьму я снігу въ руку, снігъ у руці тане; Тяжко — важко на серденъку, як вечоръ настане“ (ibid. 16).

Кованье. Если ковать значитъ не только бить молотомъ, но и раскалять или, какъ говорилось изстари, „варить“ (варъ—жаръ) желѣзо и вообще металль, то понятно слѣдующее выражение, въ которомъ дѣвица сравниваетъ себя съ золотомъ, а любовника, жениха—съ кузнецомъ: „Злату ѡе се кујунција наћи, И мени ѡе мој суненик доћи“ (Срп. пјес. I. 376). Не одного ли происхожденія Пол. kochać, Чеш. kochati съ Срб. кухати—кувати варить? Близость ихъ по корню довольно вѣроятна. Раскаленное желѣзо сближается съ печальнымъ сердцемъ: „To moje serdeczko takie roz-żalone, Jako to želazko w ogniu rozpalone“ (Zejszn. P. L. Podh. 103).

Огонь. „Любовь, говорить пословица, не пожаръ, а загорится не потушишь“; но изъ подобныхъ неполныхъ сравненій можно всегда почти заключить о существованіи полныхъ, т. е. въ настоящемъ случаѣ, что любовь есть пожаръ. Въ Млр. пѣснѣ тоже: „Ти не пожаръ, ты не пожаръ, а я не билина; Не зводь мене изъ разума, бо я сиротина“ (Макс. Дни и мѣс. Укр. пос. въ Рус. Бес. 1856. III). Обыкновенно въ Млр. пѣсняхъ сближеніе словъ „жарко“ и „жалко“: „По тімъ боці огонь горить, по сімъ боці жарко; Якъ поідешъ зъ Україны, комусь буде жалко“ (Метл. 39). Жаль, печаль, риെмывается съ жаръ, горячіе уголья: „Загрібай, мати, жаръ, жаръ, Чи не буде дочки жаль, жаль (ib 227); „Не курила, не топила, на припечку

жаръ, жаръ, А якъ вийду изъ Ивниці, комусь буде жаль, жаль (ib. 16). Подъ любимымъ рифмами кроется, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, символъ. („Не курила—не топила”—тавтологическое выражение, п. ч. курить—состав. жечь). Въ Влр. пѣсняхъ приводятся въ соотвѣтствіе сл. жарко (объ огнѣ) и горъко (о плачѣ): „Ужъ какъ жарко во тремъ свѣчи горятъ, горять свѣчи воску яраго; Ужъ какъ горъко плачетъ свѣть—Аннушка, унимаетъ ее родный батюшка“ (Сказ. Р. Н. I. 3. 143); „Ня гарька гариць калинка, Ня пылка пылиць малинка; Ня жалка плачиць Кацюпа, Ня жаль ёй, ня жаль матушки“ (Этн. Сб. II. 186). Изъ этихъ примѣровъ видно, что „свѣча горитъ“ значить: болить страдаетъ; слѣдов. понятно Срб. выраженіе употребляемое о свѣчѣ, которая горѣла „на красно име“: „уїеши, обесели свијећу“ вм. угаси. Влр. выраженіе „закратить свѣчу“ (Новг.) „засмирить свѣчу“ (Костр. Сиб.), вм. потушить свѣчу передъ образомъ, указываютъ только на уваженіе къ святому огню. И пожарь—печаль: „Kołomyji zapałyły, Kołomyja horyt; Takoj mene za myleńkom hołowońka dołył. Wyhorila Kołomyja, łyszyły sia ilmy; Oj lubko ma sołodeńka! toż za tobow žyl (жалъ) ty“ (Žeg. Paul. II. 193).

У дымъ. Подобное-же значеніе имѣютъ дымъ и пыль, сближаемые между собою и представляемые произведениемъ огня. Пол. kurz, Млр. курява, пыль, отъ курить, т. е. горѣть; Пыль, Млр. пилъ, относятся къ пла-ижти, пылать; пра-хъ, отъ пра-ти, бить (Mikl. Radices), но не иначе, какъ при посредствѣ понятія огня, тѣмъ болѣе, что самое пра-ти можетъ только древнѣйшею формою сл. пла-ижти и прямо отъ битья переходить къ горѣнью. Какъ бы ни было, о сродствѣ сл. прахъ съ огнемъ говорятъ: Чеш. prasiwec, огненный змій, prašiwu, Пол. parszywy, Русс. паршивый. Парши (Пол. parchy), какъ и нѣкоторыя другія сыпи, имѣютъ отношеніе къ огню. До сихъ поръ извѣстнаго рода прыщъ на губахъ представляется на-

казаниемъ за оскорбление свяности огня, и дитяти говорять: „не плой на огонь, а то огникъ выскочить“. Замѣчательное соотвѣтствіе съ переходомъ значенія въ сл. порохъ и парши представляеть Пол. *swąd, swędzieć*, угаръ, вонять гарью, и зудъ, зудить *). Оба значенія выводятся изъ понятія огня: Пол. *wędzić* коптить, откуда наше ветчина; Ст.-сл. *с-ва* (д) ижти, сохнуть, Русс. вянутъ. Сл. коптить, копоть слѣдуетъ сравнить съ Ср. копнѣти, таять. Какъ пыль вообще, такъ и туманъ представлялся дымомъ отъ огня, и на этомъ основаніи и то, и другое—символь печали. „Зеленая дібрівонько! чомъ не горишъ, та все курисься? Молодая дівчинонько! чого плачешь, та все журишся? Колы-бъ же я підпалена, то горіла-бъ не курилася; Ой коли-бъ же дівка посватана, не пла-кала-бъ, не журилася“. Изъ этого мѣста видно также, что поджечь дуброву—посватать дѣвицу, потому, что сватовство предполагается слѣдствіемъ любви. Изъ одной веснянки можно догадываться, что такое сравненіе поведено дальше и что гасить дуброву значить отказывается отъ замужества: „Галечка... Цебромъ воду носила, дібровоньку гасила“. (Метл. 297). Такая строгость должна восхалиться въ весенней пѣснѣ, потому что весна пора вражды между дѣвицами и мужчинами.

у Пыль. Такимъ-же образомъ пыль дороги—печаль. „Не жаль мені доріженъки, що куриться курно, А жаль мені дівчиноньки, що журиться дурно; Не жаль мені доріженъки, що пиломъ припала, А жаль мені дівчиноньки, що з личенька спала“ (Метл. 22), т. е. что похудала отъ печали. Выше мы видѣли предпола-

*) Еще сближеніе чесанья и огня: Зудъ, зудить, чесаться имѣютъ при себѣ зудить, пить (Арх.), бить (Онеж.). Постѣднее не отъ огня и питья, а по аналогіи съ чесать, которое значить и бить. (Ср. Ст.-сл. *жадати, жаждать*). Можно бы и свер-бѣть сравнить со свирати, свистѣть. Какъ ни странно сопоставленіе подобныхъ значеній, но слова для звука могутъ имѣть въ основаніи понятіе свѣта и огня.

гаемое значение понятія гасить, если пожаръ представляется любобью—сватовствомъ; но если огонь—пожаръ—печаль, то тушить его должно значить утѣшать, что и встрѣчаемъ въ примѣненіи къ дорогѣ: „Приливайте доріженъку щобъ пиломъ не пала; Розважайте матусеньку, щобъ зъ лица не спала. Приливали доріженъку, таки пиломъ пала; Розважали матусеньку, таки зъ лица спала“ (*ibid.*). Примѣчаніе. Въ Млр. есть обычай, выпроводивши кого-нибудь изъ близкихъ, пить за его счастье въ дорогѣ, что называется „гладить дорогу“. Это выраженіе не имѣетъ связи съ поливаньемъ дороги и можетъ быть объяснено иначе. У всѣхъ Славянъ распространено сближеніе пути со смертью. Такъ въ Сербскомъ причитаны говорять, обращаясь къ мертвому главѣ семейства: „Ге (гдѣ, куда) си, бane, упутно“ (*Срп. пјес. 93. Ковч. 103 и др.*); „Путуј ти, оче игумане, а не брини се за манастир“, говорили одинъ монахъ игумену, когда тотъ, умирая, высказывалъ заботу о томъ, что будетъ безъ него съ монастыремъ. Въ русскомъ причитаны ждутъ покойного „съ пути съ дороженьки“ (*Этн. Сбор. I 164.*). Отсюда областное удорожить, побоями довести до тяжкой болѣзни, убить. Но мертвому тяжело на томъ свѣтѣ, если на этомъ долго за нимъ убиваются: каждая слеза, канувшая на мертваго, жжетъ его огнемъ (слеза горюча). По Сербскому повѣрю, кукушка—это сестра, превращенная въ птицу за долгую печаль по братѣ, который отъ печали этой страдалъ. По сербской пословицѣ: „Жали ме жива, а немој мртва“, п. ч. „Тешко ономъ, кога жале“ (*Ср. Зап. о Ю. Р. II. 43: Grimm, Mrchen изд. 1857. II, 120.*). Въ Лужицкой пѣснѣ дѣвица, за неутѣшный плачъ по смерти милаго, обращена въ дерево (*Haupt. I. 90.*). Отсюда у Чеховъ и Поляковъ примѣта, что состраданіе присутствующихъ при битьѣ скотины и птицы длить ея предсмертныя мученія. Связь между умершими и отправившимися въ путь, съ одной стороны, и живыми, оставшимися дома, съ другой, не прерывается, и чувства послѣднихъ отзываются въ тѣхъ.

Отсюда „гладить дорогу“ можетъ значить веселить се-
бя, и тѣмъ облегчать разлуку тому, кто уѣхалъ. Шу-
точное въ настоящее время приглашеніе пить: „пийте,
щобъ дома не журились“ можетъ быть основано на
вѣрованіи въ сродство душъ. Если вышесказанное вѣр-
но, то оно доказываетъ, что значеніе Словаац. *truznitisіa*,
веселиться, могло образоваться и отъ значенія
надгробнаго пира, потому что онъ не былъ печаленъ.

Огонь. Гнѣвъ есть огонь; и отъ него сердце разго-
рается „пуще огня“ или, что на то-же выходитъ, „безъ
огня“: „Какъ чужie-то отецъ съ матерью Безжалостны
уродилися: Безъ огня у нихъ сердце разгорается, Безъ
смолы у нихъ гнѣвъ раскипается“ (Сказ. Рус. Нар. I,
кн. 3, 112.). Срб. огњевит можетъ равняться нашему
вспыльчивъ: „у тебе кажу Мајку пресрдиту, браѹу
огњевиту (Срп. цјес. I. 411. Ср. Срб. чемерикаст,
злой). Вообще въ словахъ для гнѣва и сродныхъ съ
нимъ понятій господствуетъ представление огня. Вѣкій,
бранчивый, Арх. Новг. Тв. ъдуга=Тв. ядуга, Вят.
Перм. изъ ъдуга, тотъ кто всѣмъ противорѣчитъ, не-
уступчивый, сварливый, охотникъ спорить, браниться,
задорный человѣкъ, могли получить свое значеніе и
безъ посредства огня, какъ зубастый, Древ. Russ. зубо-
ѣжа, скора, Арх. зазуба, неуступчивый, бранчивый
(„зубъ за зубъ“ и Серб. выраж. онъ има зуб на ѿега“),
Срб. зубатисе=Сибир. зубатить, скориться, бра-
ниться, Срб. гложити=Новг., Олон. глодать—ся,
сориться, браниться. Несомнѣнно слѣдующее: Стар.-Чеш.
skravada, скора, вражда, одного образованія съ Чеш.
skrawad, сковорода, а это несомнѣнно отъ скврѣти,
скваръ, жарь; Чеш. haſteřitise, скориться имѣеть
при себѣ haſtra, съ трескомъ горящая луцина; Чеш.
zuřiti, близкое по формѣ къ журить, значить сви-
рѣпѣть, и такъ относится къ жрѣти, какъ рудый къ
рѣдѣти; ярость относится къ огню, потому что род-
ственныя ему слова имѣютъ значеніе свѣта и яркихъ
цвѣтовъ. Сл. гнѣвъ можетъ быть сближено въ Ст.-сл.
гнѣ-тити, Пол. piecić, Чеш. nítiti, зажигать, от-

куда загнетка и загнивка, мѣсто въ печи, куда сгребаются уголья, и со словами гнить, гной*). Хорутанскоje жеza, гнѣвъ, jezitise, сердиться, Яросл. яжжить, вздорить [относительно послѣдняго Ср. зг=зэс=жэс въ визгъ, визжать, и одно же въ Тамб. южать] и Ст.-сл. ілза, болѣзнь, Русс. язва болѣзнь и рана—одного происхожденія. Ихъ корень выражаетъ огонь, потому, что понятія раны и болѣзни тоже съ нимъ связываются, какъ видно между прочимъ изъ Срб. загасить раны, т. е. залѣчить: „Набра вила по Мирочу биља и загаси ране на јунаку (Ср. пјес. II. 218) и Русс. „потухать“ о болѣзняхъ: „Какъ вечерняя и утренняя заря станеть потухать, такъ и у моего друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать“ (Ск. Р. Н. I, ч. 2. 18); „Матушка заря вечерняя Дарья, утренняя Марія, полуночная Макарида! Какъ вы тихо потухаете— поблекаете, денныя и ночные, такъ бы болѣзни и скорби въ рабѣ Божіемъ NN потухли и поблекли денныя, ночные и полуночные“ (Осокина Зап. о Малм. у Совр. 1856, XI). Злой, дурной въ нравственномъ отношеніи и гнѣвливый, какъ и Хорут. zal, gorši, красивый,—къ корню горѣть (ср. обл. Влр. злой, старателъный, преимчивый (Калуж.), способный, ловкий (Пск.), Остроумный (Ворон.). Символы злости: змѣя, оса, крапива—жалять, т. е. жгутъ. Объ отношеніи змѣи къ огню свидѣтельствуютъ многія провѣрья и выраженія, какъ то, что змѣя „по травѣ ползетъ—мураву сушитъ“. Крапива жигучая, жижка. Въ Бѣлоруссіи, когда новобрачная сядеть между мужемъ и старшою большанкою: поется: „Ця-перъ я сѣла мижъ шипшинничку (шиповникъ), Мижъ крапивки: Жижка крапивка пожигаць будзець, Сухи шипшинникъ сушиць будзя“ (Пант. 1853, N 5, Бѣло-

*) Гнѣніе тоже представляется огнемъ: тлѣть значить гнить и горѣть медленно, безъ пламени; отъ трути, которое родится съ огнемъ черезъ понятіе жратъ—Новг. травиться, портиться: „мясо стравилось“—испортилось; Пол. tierzwa, навозъ, близко къ мразъ, мерзкій а морозъ—огонь. (См. ниже).

руссія и пр. Шпилев.). Въ Влр. пѣснѣ невѣста разсказываетъ свой сонъ: „Подъ горою высокою Лѣса ростуть темные И шипица колючая, Да и крапива-то жгучая, Да и осака рѣзучая... Шипица колючая—Богоданы милы братцы, крапива-то жгучая—Богоданныя сестрицы“ и пр. (Терещ. Б. Русс. Нар. II, 246—7). „Богоданные“—родственники съ мужней стороны, которые невѣстѣ представляются всегда въ темныхъ краскахъ (по пѣснямъ). Крапива сближается съ шиповникомъ и терновникомъ (какъ въ Срб. „трње боде, а коприве жаре“), потому что сл. колоть и жалить сходятся въ основномъ представлениіи огня: Срб. пеџнути—пе чити, колоть, однородно съ печь и примѣняется къ ужаленію змѣи: „пеџнула (печила) га гуја“. Крапива, Ст.-сл. копривиће, Срб. коприва, Чеш. корїwa, Пол. pokrzuwa, можетъ быть сравнена съ у-кропъ, кипятокъ. Чуть-ли Русская форма этого слова не первоначальная, а остальная не перестановленная. Во всякомъ случаѣ, мы должны искать огня въ названіи крапивы, кромѣ сказанного выше, еще потому, что кучи крапивы могутъ замѣнять купальскіе костры.

W Заговоры, вывѣтревшіяся языческія молитвы, сопровождаются иногда (а прежде, вѣроятно, всегда) обрядами, согласными съ ихъ содержаніемъ. т. е. символически изображающими дѣйствие призывающей силы. Изъ вышесказанного слѣдуетъ, что заговоры, коими насылаются или удаляются отъ известного лица—любовь, печаль, болѣзнь, должны между прочимъ упоминать объ огнѣ и сопровождаться изображающими его обрядами. Дѣйствительно, въ заговорахъ на любовь, или присушкахъ, коихъ самое название указываетъ на отношеніе къ огню, всегда почти призывается палящая сила. Тоже видно изъ дошедшихъ до насъ известий объ обрядахъ. Марина Игнатьевна, приворачивая Добрыню, разжигаетъ взятые изъ подъ ногъ его слѣды въ печи и приговариваетъ: „Сколь жарко дрова разгораются Сотѣмъ слѣды молодецкими, Разгорѣлось бы сердце молодецкое Какъ у молода Добрыни Никитича“ (Др. Р.

ст. 49). Подобныя чары бываютъ на все оставленное человѣкомъ или тайно взятое у него, напр. на рубашку, на волосы. Можно также силою слова назвать извѣстный предметъ именемъ человѣка, такъ, что на послѣдняго будуть дѣйствовать тѣ чары, которыя непосредственно обращены на предметъ. Стоянъ, приворачивая къ себѣ сестру Иванову, „книгу пишетъ, уватру је баца“ „Не гор, книго не гори јазијо, Веће памет сестре Иванове“. (Срп. пјес. I. 469). Въ Млр. пѣснѣ дѣвица, узнавши обѣ измѣнѣ милаго, накопала кореньевъ и стала чаровать: „Stała koriń waruty, Wzawsia mułyj žigutu (т. е. тосковать за нею); Jszcze koriń ne wkupiw, A wże mułyj pryletiw“ (Žeg. Р. II. 37—8. Срп. пјес. I. 350).

✓ Не знаю, произносятъ ли гдѣ въ Славянскихъ земляхъ заговоры надъ восковою фигуркой человѣка, но извѣстно, что кукла замѣняется свѣчою. Въ Влр. тотъ, кто хочетъ сохранить любовь женщины, находитъ змѣю, рогулькою придавливаетъ къ землѣ ея голову и продѣваетъ иглу съ ниткою сквозь глаза, говоря при этомъ: „Змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ бы NN любила меня и жалѣла“ (Ср. тавтол. миловать—жаловать); потомъ изъ сала этой змѣи дѣлаеть свѣчку и зажигаетъ ее, какъ скоро замѣтитъ охлажденіе въ любви (Ск. Р. Н. II. ч. 2. 40). То-же средство служить и для того, чтобы наслать на врага несчастье и смерть: между Русскимъ населеніемъ Подлясья ведется обычай ставить свѣчу Матери Божьей, чтобы врагъ истаялъ, какъ эта свѣча. (Bibl. Warsz. 1858. I. Klechdy z Podl. р. Miłkowsk). Заимствованія здѣсь нѣтъ, потому что всѣ эти и другіе подобные обычай могутъ быть объяснены изъ языка.

✓ **Морозъ.** Морозъ, явленіе противоположное жару, сближается однако въ языкѣ съ огнемъ: на морозѣ „корецъ до рукъ прикипае“, „до морозку ніжки прикипаютъ“ (Метл. 237); морозъ палитъ (Ž. Р. II. 26), а потому въ Влр. пѣсняхъ онъ палящетой. При Ст.-сл. пражити, frigere,—Пол. ргайу́с, Млр. прятги, Срб. пржити, жарить, сушить. Оттого морозъ, по-

добно огню,—символъ любви: Влр. зазноба, любовь, любовница, зазнобчивый, влюбчивый. Впрочемъ въ Млр. зазнобка—обида, оскорблениe (м. б. печаль?): (сыновья) „Не велику зазнобку счили, Матку стареньку зъ двора вигонили“ (Зап. о Ю. Р. I. 20), а равно въ Срб. омраза, омразити, омранути, не нависть, сдѣлать и стать ненавистнымъ (ср. мерзокъ), въ Русс. отстуда и остуда, нелюбовь, ненависть, и въ постылый скорѣе можно предположить противопоставленіе мороза—холода огню и теплотѣ. Въ этомъ убѣждаетъ то, что непавистный для молодой свекоръ—„морозъ лютый“ противополагается теплому снѣгу—отцу: „Лебедь наша бѣлая, Лебедушка молоденькая! Боишься ли ты мороза? Я мороза боюсь, Я за бѣлый снѣгъ схоронюся. Ты Машенька душа... Боишься ли ты свекора? Я свекора-то боюсь, Я за батюшку схоронюся“, (Ск. Р. Н. I. ч. 3. 150. Ср. Этн. Сб. I. 149. Ск. Р. Н. I. ч. 214. Вообще холодный—нелюбящій: „Zielenko zwiane, a szcze kraszczeje bude: Matinka umre, druhoi ne bude. Chot' wona bude ta wše studeneńka, Ne prystane wona do moho serdeńka“ (Ž. Р. II. 144). Ср. выше: снѣгъ не таетъ. Мысль о противоположности холода и тепла, нелюбви и любви выражена въ названіи растенія мать и мачиха. Верхняя, обращенная къ свѣту сторона кругловатаго листка этого растенія—гладка, зелена и холодна: это постылая мачиха; исподняя сторона листка—бѣла (откуда Млр. підбіль) мягка, будто покрыта густой паутиной, и тепла: это родная и милая мать. Вѣроятно какъ противоположность огня—веселья, морозъ и холодъ—печаль, забота: „Ахъ кабы на цвѣты да не морозы, И зимой бы цвѣты расцвѣтали; Ахъ кабы на меня да не кручинка, Ни о чёмъ бы я не тужила“ (Ск. Р. Н. I. ч. 3, 212). То-же значеніе имѣютъ иной и снѣгъ, какъ признаки зимы. Въ Витеб. губ., когда повязываютъ голову молодой на другой день послѣ свадьбы, поютъ: „Въ нядзелю марозъ былъ, Въ панядзѣлокъ иной палъ... На Кацюшину головку“ и вслѣдъ за тѣмъ символъ печали: „Растапися байнка,

Разгариша каменка; Растижись Кацюша Па сваей старонки, И па роднай мамки, И па сваёй касы русай“. (Этн. Сб. II. 186); „Okolo Buchlova Velika inovat’ (иней); Staralse (заботился) sypeček, kde bude nocowat?“ (Mor. Nar. Р. 462); „Снијег паде о ћурћеву дану (слѣдовательно, когда тепло), Не може га тица прелетјети, Дјевојка га боса прегазила; За њом браташ папучице носи: „Је л’ ти, сејо, по ногама зима“? Ни је мени по ногама зима, Већ је мени по мом срцу зима; Ал ми није на снијега зима, Већ је мени съ моје мајке зима, Која ме је за недрага дала“ (Срп. пјес. I. 220). Слѣдовательно зима (холодъ, какъ въ Ст.-Сл.—горе, а жестокая матъ—снѣгъ, какъ выше свекоръ—морозъ. Снѣгъ—холодъ, потому что онъ выпалъ весною. И такъ, повсюду противоположеніе теплу—любви, веселью.

✓ Зная, что слово зима предполагаетъ другую, древнѣйшую форму хима, мы не затруднимся отнести къ одному корню съ зима Сибир. химостить, ворожить, кудесить, собств. портить чарами при помощи враждебныхъ теплу и свѣту силъ (зима—морана).—Другое по добное слово находимъ въ Мрл. химородить, химородою химородить, вообще колдовать, химородникъ, захаръ, колдунъ. Вторая половина Мрл. слова объясняется Чешскимъ roditi, Срб. радити, Пол. radzić (temu nieporadze,—не пособлю), дѣлать. Соображаясь съ приведенными значениями холода, можемъ предположить въ сл. химородить значенія: уничтожать любовь, изводить печаль, можетъ быть болѣзнь, смерть.

✓ **Свѣтъ.** Нѣть ничего обыкновеннѣе въ народныхъ пѣсняхъ, какъ сравненіе людей и извѣстныхъ душевныхъ состояній съ солнцемъ, мѣсяцемъ, звѣздою: но взглядъ на свѣтила, какъ на антропоморфическія божества, затемнился такъ давно, что ни одно изъ нихъ не служитъ символомъ одного пола. Солнце по формѣ солонъ и по остаткамъ вѣрованія, что оно жена мѣсяца („Koby mi mily tyuoj Dneska wečer prišol, jakoby se mesiac So slniečkom zyšol“. Pisně sw. L. Slow. w. Uhř. 1822 г. 55), должно бы служить символомъ

женщины; по какъ Владиміръ Влр. въ былинахъ—красно солнышко, такъ царь вообще въ пѣсняхъ Сербскихъ— „огреяно сунце“. Зоря (звѣзда)—дѣвица, а между тѣмъ она часто бываетъ символомъ мужчины; „Що зірочка у хмарочі якъ бродить, такъ бродить; Що Василько до Галочки якъ ходить, такъ ходить“ (Метл. 303); „Світеться, світеться зірочка въ небі; Дивиться, дивиться козакъ у двері (ib. 467). Наоборотъ, мѣсяцъ—мужчина, князь: въ Пол. мѣсяцъ—хie,zus, т. е. княжичъ въ Млр. заговорѣ онъ названъ Володимеромъ, все равно въ буквальномъ ли значеніи слова, или по отношению къ князю: „Місяцю Володимере! ти въ небі, дубъ у полі, камінь у морі“ (Русская Бесѣда, 1856. III. Дни и мѣс. и пр.); между тѣмъ мѣсяцъ нерѣдко бываетъ символомъ женщины. Особенно ярко выступаетъ такое смѣшеніе пола свѣтиль въ пѣсняхъ, гдѣ одно и то-же лицо сравнивается въ одно время съ солнцемъ и мѣсяцемъ, или съ мѣсяцемъ и звѣздою: „хороша пані... По двору ходить, якъ місяцъ сходить, По сінцяхъ ходить, якъ зоря сходить“ (Метл. 333; ср. Срп. цјес. I. В. 56 и др.). Гораздо лучше сохранилось значение свѣта вообще и свѣта свѣтиль: красота, любовь, веселье. Сл. хорошъ не безъ основанія считаютъ притяжательнымъ отъ хрѣсъ, солнце. Красный красивый тоже сродны съ солнечнымъ свѣтомъ въ сл. кресъ, солоноворотъ, кресникъ, купало, солнечный праздникъ, въ Ярослав. красить, свѣтить: „Поглядзитко ты въ востошную сторонушку, Не красить ли красною солнышкѣ“ (Этн. сборн.), и съ земнымъ огнемъ въ сл. кресать, рубить огонь. „Красное солнце“—прежде всего свѣтлое, потомъ—прекрасное. Сближеніе красоты съ кресаньемъ подтверждается сравненіемъ ея съ искрою: Млр. „гарный якъ искра“, Чеш.-Мор. tam frajerenku jako jiskra“; „Woděnka studena, voda bystrá, Mojá frajerenka jako jiskra“; „Ta vodinka bystra... Vzala mně mileho jako jiskra“ (Mor. Нар. р. 244). Понятія грѣть—горѣть и свѣтить въ основаніи тождественны: Срб. гријати, Млр. гріять (Метл. 240—241) со-

единяютъ въ себѣ значенія свѣтить и грѣть—горѣть: то же можемъ предполагать не только въ Млр. гарный, красивый, но и въ Хорут. *zal, gorši*, красивый. Согласно съ этимъ, свѣтила въ сл. пѣсняхъ служатъ символомъ красоты. Постоянный эпитетъ зори (ясная) соотвѣтствуетъ постоянному эпитету дѣвицы (красная), и дѣйствіе красоты на другихъ изображается свѣтомъ: (Оришечка) „Убѣралася то-жъ и наряжалася, До церкви пішла, якъ зоря зійшла, У церковъ війшла, тай за-сіяла“ (Метл. 331). Въ одной Галицкой пѣсенькѣ мысль о происхожденіи красоты отъ звѣзды выражена такъ: оттого сегодня дѣвица хороша, что около нея вчера упала и разсыпалась звѣзда, а она подобрала осколки и, какъ цвѣтами, убрала ими волоса: „A wѣz ja sia ne dywicji, czomu Marcia krasna: Koło nej wczoza rano wpata zora jasna; Jak letiła zora z neba, taj roszyspała sia, Marcia zoru pozbyrała i zatykała“ (Ž. Р. II. 171). Какъ изображеніе красоты можно принимать и слѣдующее, необъясненное въ Сербской пѣснѣ выраженіе: „Анha... Сунцем главу повезала, Меседом се опасала, А звездами накитила“ (Срп. пјес. I. 342), хотя подобные выраженія имѣютъ обыкновенно смыслъ защиты, предохраненія отъ дѣйствія враждебныхъ темныхъ силъ. Въ южн. Сиб. дружка, обходя свадебный поѣздъ съ зажженою свѣчею, для предохраненія его отъ недобрыхъ зناхарей и волхитовъ, наговариваетъ про себя между прочимъ слѣдующее: „Оболокусь я обла-ками, подпояшусь я красною зарею, огорожусь свѣт-лымъ мѣсяцемъ, обтычусь я частыми звѣздами, освѣ-чусь я краснымъ солнышкомъ“ (Гул. Этн. Оч. Юж. Сиб. 42. Ср. Ск. Р. Н. I, ч. 2, 20, 27). Въ Малороссіи, когда мать жениха выводить его изъ избы съ тѣмъ, чтобы онъ ѿхалъ къ невѣстѣ, поютъ: „Мати Юрася родила, Місяцемъ обгородила, Сонечкомъ підперезала, До милої выряжала“ (Метл. 180 *).

*) Свѣть сближается въ языкѣ со звукомъ: Пол. *luna*, зарево, а въ Млр. луна получаетъ значеніе отзвука, эха;

Лице человѣческое представляется свѣтлымъ, т. е. прекраснымъ, какъ солнце: „Сину лице (изъ-подъ покрывала), као жарко (т. е. яркос) сунце“; „отъ лица ево молодецкова, Какъ бы отъ солнушка отъ краснова, .Лучи стоять, лучи великие“ (Др. Р. ст. 191). Такой взглѣдъ выраженъ въ языкѣ словами рода—руда, видъ, образъ, отъ рѣдѣти, краснѣть (становиться свѣтлымъ), откуда и рудой, рыжій; тоже въ словахъ быть можетъ родственныхъ съ рѣд (*г—ð*); рожа, лице и (Олонец.) лишай (Ср. Новг. марежи, лишай, и вообще связь накожной болѣзни и огня), Олон. ружь, лице и масть въ картахъ (понятія свѣта). Епрочемъ рожа и пр. относится вѣроятно къ румянцу лица и только посредствомъ него—къ свѣту и солнцу.

Вторая ступень въ развитіи понятія свѣта—переходъ отъ красоты къ любви: свѣтлый, ясный, красный, какъ эпитеты свѣтиль, соответствуютъ эпитетамъ лицъ: милый, ласковый, иногда отсутствующимъ, но подразумѣваемымъ: „Ты гори, моя свѣча, Противъ солнечна луча!

Русс. брезжетъ (свѣть), Пол. brzask, мерцаніе звѣзды, свѣть восходящаго солнца, Чеш. břesk, сумерки, zabřezdeni, забѣřediti se, разсвѣть, свѣтать, имѣютъ при себѣ Чеш. břeckný, břeskot, о громкомъ звукѣ, напр. звукъ барабана (*udeřili zvuky bubnów břesknych*); Срб. јасан—эп. голоса, звука литавръ (јасин таламбаси), въ Болг. между прочимъ—ржанія коня. Въ Словакцкой пѣснѣ звукъ свирѣли изображается блескомъ поля: Ja som se nazdala, že se pole blýska: Ono to шиоjoj milý Na pištale piska“. (P. Sw. L. Slow. w. Uhř. 1823. 37). Звукъ гаснетъ, какъ свѣть: „Нек угасе свирке и попевке“. Такъ-какъ цвѣть и по народнымъ представлениямъ—отъ свѣта, то звукъ можетъ обозначаться словомъ, присвоеннымъ цвѣту; обыкновенный эпитет колокольчика—малина, т. е. громкій и звучный, какъ красна малина. На этомъ основаніи можно находить соответствие между названіями красоты отъ свѣта и Чеш. šumnu Пол. szumny, красивый, хороший, напр. szumna dziewczyna, нар. szumno—напряженность дѣйствія вообще: „Owo ja Mazm sumno bogaty“ (Woje. II. 306), т. е. очень.

Ужъ не быть тебѣ, свѣча, Противъ солнечна луча!
Ужъ не быть тебѣ, свекру, противъ батюшки роднаго“
(Ск. Р. Н. I, ч. 3. 154). Яснѣе мѣсто Млр. пѣсни:
„Postawlu ja swiczeńku Naprotiw misiaczeńka: Су буду
я таk jasnaja, Jak misiaczeńko jasnyj? Postawlu ja
swekrońka Naprotyw bateńka: Czy bude tak milyj, Jak
batenko ridnyj“ (Ž P. I. 72). Если третій стихъ
примемъ за испорченный и прочтемъ: „су буде (swi-
czenka) tak jasnaja“, то увидимъ, что свѣтъ мѣсяца,
какъ выше свѣтъ солнца,—любовь. При переходахъ
отъ свѣтила къ человѣку символы выпускаются, и свѣт-
лый, какъ эп. человѣка, получаетъ значеніе милый:
„И вы, гости наши, посидите у насть, И вы, свѣтлы
наши, побесѣдуйте у насть“ (Ск. Р. Н. I. 3. 135);
„Свѣтъ вы мои сѣни новыя.... Свѣтъ ты моя чара
золотая... Свѣтъ ты мой соловей во саду“ (ib. 142).
Владиміръ слыветь ласковымъ и краснымъ сол-
нышкомъ: оба названія равносильны, потому что соли-
це въ заговорѣ Ярославны названо свѣтлымъ п чре-
свѣтлымъ въ смыслѣ ласковаго, благосклоннаго: „Свѣт-
лое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячую лучю на ладѣ вои“.
Слова ласка, ласковый, Чеш. laska, любовь (въ
Крал. ркп. laskatise синонимъ milowatise), благо-
склонность, ст. Пол. głaskać, гладить, а д Переходитъ въ с (waleśaćsie,
Млр. валасаться, Влр. валандаться, шляться), слѣдо-
вателно ласкатъ можно сблизить съ гладить, кото-
рое, имѣя въ основаніи понятіе свѣта (Mikl. Rad.),
имѣеть и значеніе любви. Слово гладкое—любовное
„Ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго“ (Арх. Калач.
I. 1850. Доп. къ сборн. Снег. 61); въ причитаны за
мертвыми: „Распецатай кѣ сваѣ уста сахарные, Взмолви
кѣ съ нами ты слово гладкѣю“ (вар. сладкѣю. Эти.
Сб. I. 160). Что до значенія красоты въ этомъ словѣ,
то оно образовалось не отъ свѣта, а отъ полноты тѣла:

Пол. „гладка dziewucha“—хороная, красивая; Ср. посл. „тъмъ козакъ гладокъ, что поѣль, да и на бокъ“.

Какъ въ языкѣ слова веселье, радость роднятся съ свѣтомъ и любовью (Ср. красоваться, жить въ до- вольствѣ (Арх.) и играть, гулять (Влад.), Влад. краси- ться, играть, гулять); такъ въ поэзіи народной свѣтъ свѣтилъ есть символъ веселья: „Что ясенъ ли свѣтель мѣсяцъ? Что веселъ ли мой милый другъ?“ (Ск. Р. Н. I. 3. 138); „Свѣтилъ мѣсяцъ изъ-за обла-ковъ. Какъ-же ему не свѣту быть? Богъ даровалъ ему красный день! Весель сидитъ Иванъ-господинъ... Какъ же ему не веселу быть! Богъ даровалъ ему суженую“ (ib. 109. О солнечномъ свѣтѣ ib. 196); „Слала зоря до місяца: Міяченьку, мій братику! Не зіходь же ты на- передъ мене, Та зійдемо обое разомъ, Освітимо небо и землю; Слала Маруся до Юрочки: Мій Юрасеньку, мій друже вірный! Не сідай же ты напередъ мене. Та сядемо й-обое разомъ, Та звеселимо отця й ненъку“ (Метл. 184, 81). Отсюда свѣтъ-смѣхъ, какъ признакъ веселья: обычное выражение Срб. пѣсень при описаніи красоты дѣвицы: „Кад се смије, кан да сунце грије“ или „ка’да бисер сије“ (Срп. Пјес. III. 516), а бисеръ (Бусл., о вліян. Христіан.) можетъ относиться къ свѣту. Приведенное выше слово хмылить, родствен- ное въ сл. хмыль, полымя, кроме значенія плакать, имѣеть и другое: улыбаться, усмѣхаться, ухмы- ляться, потому что отъ огня близокъ переходъ къ свѣту, и наоборотъ.

✓ **Бѣлый.** Памва Берында объясняетъ слово блескъ черезъ барва, краска, цвѣть. Дѣйствительно многія названія цвѣтовъ имѣютъ прямое отношеніе къ свѣту и цвѣта принимаютъ тѣ-же символическая значенія, какъ и свѣтъ: а) Бѣлый не всегда служило исключи- тельно тому понятію, которое мы подъ нимъ разумѣемъ; у Зизанія сл. багряница толкуется словомъ бѣль; кажется, что и известный звѣрокъ названъ бѣлкою не потому, что въ сѣверныхъ сторонахъ цвѣть его при-ближается къ бѣлому, а потому, что цвѣта красный—

рыжий и белый тождественны по основному представлению. Въ Срб. пѣсняхъ растенія называются белыми—по зеленому цвету листьевъ: „бела лоза“ „бел босильак“. День имѣть два эпитета: красный и белый; и оба могли быть первоначально равны между собою. Какъ белый, такъ и первообразъ слова яркій, ярый, отъ свѣта и огня (Ярило, солнечный праздникъ) переходить къ белому цвету (ярый воскъ), желанію и любви (ярость, Млр. яровитый, страстный). Подобнымъ образомъ корень куп въ разныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ переходитъ отъ огня (кипѣть и купало) къ белому цвету (кипень, купава, белый цветокъ) и красотѣ въ Влр. купавъ („На бесѣдѣ-то (скамейкѣ) сидить купавъ молодецъ“. Др. Р. ст. 3) Млр. хупавъ („наша паня хупава“, Метл. 323), Ср. Бол. хубав. Хотя значеніе красоты могло образоваться здѣсь и безъ посредства белаго цвета, прямо отъ свѣта—огня, но тѣмъ не менѣе бѣлизна—символъ красоты, и на этомъ основаніи лебедь—символъ женщины и преимущественно дѣвицы, „терять дѣвью красоту“—отставать отъ белыхъ лебедей (дѣвицъ) и приставать къ сѣрымъ гусямъ, т. е. замужнимъ женщинамъ. Такое же значеніе белаго цвета выходитъ изъ того, что онъ символъ любви: мыть бѣло значитъ любить: | „Oj utonuw Wasylenko, ino chustka spłyta. Chodyt' płacze, narikaje jeho czornobrywa: Oj neżal my toji chustki, szom ju biło prała, Tilki my żal Wasylenka, szom ho wirne kochala“ (Ž. Р. II. 23). Въ сыскномъ дѣлѣ о ворожеяхъ (XVII вѣк. см. Альм. Комета) сохранился заговоръ, произносившійся при сожиганіи воротовъ рубашечныхъ: „какова бѣла рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ“, или „столь бы мужъ былъ свѣтель“. Отсюда видно, что бѣль=милъ.

✓**Зеленый.** Также хорошо помнить свое родство со свѣтомъ и огнемъ сл. зелень, въ рѣдкой Млр. формѣ граний: „на граний неділі, на граний неділі Русалки сидїлы, сорочокъ просили“ (Метл. 309). Какъ лоза, босильакъ имѣютъ въ Срб. пѣсняхъ эпитетъ белыхъ,

такъ, наоборотъ, сѣрый конь— „конь зеленко“. Зелены: рѣка, озеро (зелена бојана“, зелено језеро“ (Срп. пјес. / II. 98. 105), мечъ („мач зелен“, ib. 138. 449) и соколь, ясный и сивый въ Русскихъ пѣсняхъ („к њему доће сив—зелен соколе“, ib 383). И такъ, по родству со свѣтомъ (золото и горѣть) зеленый цвѣтъ долженъ бы имѣть тѣ-же значенія, что и свѣтъ; но значитъ только молодость, красоту и веселье. Зеленъ, какъ эп. растенія, соотвѣтствуетъ слову молодъ, эпитету человѣка: „Не хилися, явороньку, ще ти зелененъкій; Не журися, козаченьку, ще ти молоденъкій“. Потомъ и безъ отношенія къ растенію молодъ—зеленъ, какъ въ извѣстной поговоркѣ „молодо—зелено“ и другихъ выраженіяхъ (Ск. Р. Н. I ч. 3. 130. 177). Зеленъ—хорошъ, красивъ: „Тимъ трава зелена, що близько вода; Тимъ дівка хороша, що ще молода“ (Метл. 117); „Паде Муjo“ (неожиданно пораженный пулею) у зелену траву, Лунакъ њему из горе говори: „Хоћеш, Mujo, лијепу ћевојку? Ето тебе лијепе ћевојке, А ћевојке зелене травице“ (Срп. пјес. I. 486. 365). Зеленый—веселый: „Усадих лозу сред винограда, Наведохъ воду са три хладенца, Да ми је лоза вазда зелена, Наша невеста вазда весела“ (Срп. пјес. I. 86. Метл. 251). Весна, свѣтлая, блестящая (Mikl. Rad.), называется веселою, потому что и это послѣднее слово, происходя отъ того-же корня, выражаетъ то-же основное представление; но она-же зовется и зеленою, и въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Ой веселая весна да звеселила усі гірочки, Да не такъ гірочки, як долиночки“ (Метл. 303), „звеселила“ можетъ быть значитъ: покрыла зеленью.

✓**Красный.** По отношенію же къ свѣту весна зовется красною. Эпитетъ такъ скился со словомъ, что клюква, иначе называемая, по цвѣту ягодъ, журавикой, жаровою (Ср. жарь, журиТЬ), въ Пск. губерніи зовется веснянками. Какъ символъ отношенія дѣвства—красоты къ свѣту—красная лента, красная фата („Какъ моя то дѣвъя красота Что на кустикѣ на ракитовомъ;

Привилась дѣвъя красота Ко кусточку алой лен-точкой (Гул. Оч. Ю. С. 627); такъ символъ отношенія весны къ свѣту—упоминаемая въ веснянкѣ красная хоругвѣ „Ой вийдите, дівочки, На новее літечко, Та винесіть короговъ Червоную як огонь“. Припѣвъ, повторяемый послѣ каждого стиха этой пѣсеньки: „Ой дівки! весна красна, не йдіть за міжъ“, показываютъ, что весна, дѣвичья пора, по преимуществу,—не время для замужества. Воообщѣ нѣкоторыя веснянки (Ср. 3, 4, 5 1-го т. Жег. Паули и извѣстную во всѣхъ концахъ Россіи пѣсню о съянни проса напоминаютъ ту сказочную вражду мужчинъ и женщинъ, о которой говорить Козьма Пражскій.

✓ **Калина.** По указаннымъ выше причинамъ, и калина—символъ дѣства, красоты и любви: эпитеты сл. калина—ясная, красная, жаркая, червоная, такъ рѣшительно относятъ это слово къ понятію огня, что нѣть возможности сомнѣваться въ томъ, что оно одного происхожденія съ калить, раскалять. Калина красная—дѣвица молодая: „Czerwonaja kałynojo ko, nad wodoju stoisz; Mołodaja diwczynońko, czo-ż ty sia mia boisz? Oj koby ja ne czerwona, jab tu ne stojala; Oj kob' ja ne mołodaja, jab sia tia ne bała“ (Ž. Р. II. 113, Метл. 94). Калина красная—дѣвица прекрасная: „Ой ясна красна у лузі калина, А красній-ясній Маруся у матки“ (Метл. 124, 331); „Коло млина—калина. Тамъ дівчина ходила, цвітъ-калину ламала, До личенька рівняла: „Коли-бѣ же я такая, Якъ калина жаркая“. Калина спѣеть отъ солнца и вѣтру, съ которымъ связывается понятіе огня; дѣвица становится на кресу. Дѣвица посыпаетъ отца за калиной, но онъ возвращается ни съ чѣмъ и говоритъ ей: „Да стоить, донечко, калина во долина Сильная зелена: И вітеръ не віє, сонце не гріє, Калина не звіє“. т. е. отцу кажется, что еще рано выдавать дочь за-мужъ, потому что ходить по калину, и братъ, ломать ее значитъ выдавать замужъ и брать за себя. Тогда идетъ женихъ и находить, что калина спѣла: „Та Юрасикъ пійшовъ, калину найшовъ Силь-

ную червону: И вітеръ віе, и сонце гріє, И калина зриє“ (Метл. 134—5). Незрѣлость калины—вообще какое бы ни было препятствіе въ любви: „Из-за гори вітеръ віе, калина не спіє; Козакъ дівку вірно любить, заняти не сміє“. Вѣтеръ вѣтъ, слѣдовательно калина должна бы зресть; козакъ любить дѣвку, но онъ слишкомъ робокъ. Но калина—символъ дѣвственной любви. Это видно изъ упоминаемыхъ въ свадебной пѣснѣ похоронъ калины. Вечеромъ въ тотъ день, какъ вѣнчали молодыхъ, когда порвутъ „вильце“, символъ дѣвицы, и надѣнутъ на молодую „намитку“, замужнія женщины поютъ: „Передъ порогомъ могила, А въ тій могилѣ калина, Спустили гілечки до-долу: Часъ вамъ дівочки до дому“ (Метл. 214). Послѣдній стихъ обращенъ къ дружкамъ, дѣвицамъ, которыхъ, прослушавъ эту пѣсню, уходятъ. Не знаю примѣровъ для калины—веселья, но такое значеніе должно быть, потому что когда калина вянеть, чернѣеть, то это символъ не только потери дѣвства (Метл. 324), но и печали, смерти: „Червона калина! чого почорніла? Чи вітру боїшься, чи дощу бажаешь? Я й вітру боюся, и дощу бажаю; Кого вірно люблю, за тимъ и умираю“ (Метл. 93). Вѣтеръ здѣсь—печаль, п. ч. и онъ сушить, вялить. Съ теченіемъ времени символической смыслъ калины затемнился, и она отъ дѣвицы и дѣвственной любви перешла къ значенію женщины вообще и всякой любви.

То-же, хотя можетъ быть не столь полно развитое значеніе, имѣютъ рожа и червецъ у Малороссіянъ, рябина и малина у Великороссіянъ. Такъ-какъ красный цвѣтъ сближается съ желтымъ, что видно между прочимъ изъ Млр. жаркий, красный, Сиб. жаркой, оранжевый и изъ Чеш.-Мор. *červený*, какъ эпитета русой косы и желтой птицы („*vtkůček červený*“, *červena šípečka*“—желна. Мор. Nar. p. 370, 453); то и пшеница, жито—символъ дѣвицы. Эпитеты пшеницы (Русс. ярая, т. е. бѣлая, Срб. белица, пшеница, Хорут. *гимена* *ršepica*, т. е. свѣтлая, золотистая, румяная) сводятся къ понятію свѣта.

Золото. По собственному значенію и золото относится къ свѣту. Оно одного происхожденія съ зеленый и носить постоянный эпитетъ краснаго, а потому есть символъ красоты: „дѣвка, краща злота“, „у мене врода краща одъ золота“ (Метл. 74, 37).. Оно можетъ относиться къ красотѣ и любви, судя по слѣдующему мѣсту: „Подъ горою, горой высокою Что кипитъ колодезь съ краснымъ золотомъ, Красны дѣвицы расчертываются, Коя чарой, коя ковшикомъ, Одна Машенька цѣльнымъ кубдомъ. Кому кубецъ отдать съ краснымъ золотомъ? Отдать батюшкѣ—назадъ не взять, Отдать матушкѣ—ничего не видать, Какъ отдасть кубецъ Ксенофонтушкѣ, Ксенофонту да Кириловичу“. (Гул. оч. Ю. С. 20.). Колодезь съ краснымъ золотомъ можетъ означать „дѣвью красоту“.

Черный. Черный цвѣтъ сближается съ одной стороны съ огнемъ, съ другой—съ названіями другихъ цвѣтовъ, слѣдовательно со свѣтомъ. Отъ корня словъ маръ, жарь солнечный, мѣрить, о солнцѣ: жарить, мары, жаркій, происходить и маряній, розовый, багровый („вечерь маряній“, когда небо покрыто розовыми облачками, „заря маряна“—ясная, красная“ Ю. Сиб.), и марать, собственно чернить, Млр. марніть—чернѣть, какъ въ тавтологическомъ выраженіи: зборніть—змарніть. Тотъ-же корень съ суфф. и образуетъ Срб. мрк, черный, а переходя къ понятію краснаго, желтаго цвѣта—сл. морковь. Другое усиленіе корня (*у* изъ *ъ*, какъ муравей изъ мѣравій) производить: (Пол. Чеш. *mírguzn*, *mířin*, арапъ *), Новг. муравый, зеленый, мурава, трава, Псков. муръ, по преимуществу зелены, весенний мѣсяцъ Май. Какъ при маряній—Срб. мура, грязь (блato с водом уложено), такъ при рѣдѣти, Обл. Русс. рыдать, пылать, не только рудный, рыхлый, руда, кровь, по красному цвѣту, но

*) Чеш. *Muriená*, смерть, зима, по отношению чернаго цвѣта къ смерти, морить, Пол. *z-mora*, Млр. *мара*, Чеш. *mýga*, Срб. *мора*, привидѣніе, мучашее людей во снѣ—одного корня.

и руда, сажа (Тв.), все замаранное и грязное (Арх.), руда, грязь на твълѣ или бѣльѣ (Смол.). Самое прилаг. рудъ можетъ принимать значение чернаго цвѣта, какъ въ выражениі Сербской пѣсни: „Руд му перчин био врат прекрио, као да је црн вране пануо“ (Ср. пјес. I. 459). Вообще, что черно, что грязно: одного происхожденія съ пекло, собств. смола (Ср. смола и смурый)—Псков. опѣкать (п—ся), Общ. Русс. запачкать, замарать; при Пол. kalac, Чеш. kaleti, мамарь—калъ, грязь, по эпитету черный—родственное съ калить, калина. До сихъ поръ совершенно ясно чувствуется связь съ огнемъ въ словахъ, означающихъ загаръ на лицѣ: за-горѣть, Пол. opalićsie; при Пол. smahiу (изъ МР.?). Русс. смуглый,—смажить, жарить и Волог. смага, сажа; при Срб. смећ, Чеш. smědy, смуглый, черноволосый,—Чеш. smed—smad (муж), жажда. Какъ галка, по постоянному эп. „черная“, откуда Влад. галки, пиковая масть въ картахъ, и по Срб. гало — вранъ, черная ворона, можетъ быть сравнено съ горѣть; такъ черный воронъ—съ врѣти, варь. Пол. ślepowron, грайворонъ, грачъ, названъ по связи тьмы, чернаго цвѣта и слѣпоты: темный—слѣпой.

✓ Подобно тому, какъ морозъ, сближаясь съ огнемъ противополагается ему по нѣкоторымъ символическимъ значеніямъ, черный цвѣтъ, происходя отъ огня, имѣеть значенія безобразія, ненависти, печали, смерти, противоположныя переноснымъ значеніямъ свѣта. Какъ мерзкий относится къ мразъ, такъ скверный къ скврѣти, Срб. ружан, скверный, Русс. рожа, лицо въ презрительномъ смыслѣ, къ ружа, рожа, роза, Тобол. марода, безобразное лицо, къ марить. Слову стыдъ и Серб. выражению: „паде му мраз на образ“, пристыдился, смущился, соответствуютъ Срб: „прн ти образ“, пусть будетъ тебѣ стыдно; „у циганке црн образ (нѣть стыда) али шуна торба“ (Срп. Посл. 215, 345).

Черная туча. Туча, туманъ называются по черному цвѣту: Чеш. mrak, туча, Арх. Сиб. мброкъ, облако, ту-

манъ: Млр. хмара (пост. эп. „чорна“), туча, Влр. хмара, густой туманъ, Смол. хмбра, хморь, туманное время, когда идетъ мелкій дождь, Пол. сѣтига Влр., хмуриться имѣютъ при себѣ смурый, темный, пасмурный и хмывлатъ, пылать. О символическомъ значеніи тучи—тумана можно судить по Вят. хмурно, худо и по Млр. сумный, печальный, которое значить собственно: темный, п. ч. имѣеть при себѣ Новг. хумячиться, становиться пасмурнымъ, и есть вѣроятно лишенное суфф. р—усиленіе того-же корня, отъ кото-раго хмура—хмара (Ср. бѣдѣти, будити). Вражда и врагъ представляются тучею, заслоняющею свѣтъ: „За тучами громовими сонечко не сходить; За вражими во-рогами мій милій не ходить“ (Метл. 51); „Любилися—кохалися, як голубки в парі, А тепера розійшлися, як чорнії хмари“, т. е. какъ враги (Метл. 63). Отсюда туча — клевета, какъ послѣдствіе вражды: „Надъ моєю хати-ною чорненькая хмара, а на мене молодую поговоръ та слава (ib.). Слава въ Млр. нарѣчіи чаще прини-мается въ дурномъ, чѣмъ въ хорошемъ смыслѣ: „Не бійсь славы, не бійсь поговору“ (Ср. Метл. 15. 32. 34. 53). Чувство имѣеть много оттѣнковъ, а символъ остается одинъ: такъ въ слѣдующемъ мѣстѣ тучею на-звана мать только за то, что непускаетъ дочери на свиданіе: „Рада-бъ зірка зйті, чорна хмара наступае. Рада-б дівка вийти, такъ матуся не пускае“ (М. 82). Лице—солнце, а потому мрачный видъ человѣка пред-ставляется покрытымъ тучею, какъ въ Русс. пасмур-ный, нахмуриться и Срб. „намргодно се, као да ће му киша из чела ударити“. Первая половина Срб. слова родственна съ мра-къ, а вторая встрѣчается въ сл. по-года. Печальный человѣкъ—свѣтило, закрытое тума-номъ: „Туманно красное солнышко, туманно, Что крас-наго солнышка не видно; Кручинна красная дѣвица, пе-чальна, Никто ея кручинушки не знаетъ“ (Ск. Р. Н. I, ч. 3, 208, 147, 148). Море—синее, т. е. свѣтлое (си-нь одного корня съ сіять) покрывается туманомъ; сердце (вообще человѣкъ), коего нормальное состояніе есть ве-

селье, помрачается печалью: „Поверхъ моря, поверхъ синяго... Налеглись туманы со морянами, Не видно ни лодочки, ни молодчика; Надъ душою красной дѣвидею... Поселилась не мала бѣда, Помрачило ретиво сердце, Облегло тоской со кручиной“ (*ibid.* 139, 148). „Туманы со морянами“ или маренами—тавтологич. выражение, коего послѣднее слово соотвѣтствуетъ слову морокъ (туманъ) по значенію и по происхожденію. Въ Млр. пѣсняхъ туманъ ложится на поле, коего значеніе довольно неопределенно: „Туманъ поле покрывае, Мати сына проганяе“; „Ой імла, імла (мъгла) по полю лягла; Молодая Маруся къ столу прилягла“ т. е. склонила голову отъ печали, потому что въ эту минуту вошелъ въ хату женихъ, чтобы ъхать къ вѣнцу. Туманъ съ темнотою соединяетъ понятіе покрыванья; потому значеніе обмана въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Туманъ яромъ, туманъ яромъ, туманъ ше-й горою; Та не по правдѣ, молодий козаче, говоришъ зо мною“ (*Метл.* 88), основано и на Рус. морочить, обманывать, и на Пол. *łudzić*, обманывать *obłuda*, *obłudny*, двуличный (Ср. Чеш. *rokutný* съ тѣмъ-же значеніемъ) и Волог. окутать, обмануть, окута=окула, обманщикъ, хвастунъ, который въ основаніи имѣютъ представленіе покрыванья: Стар. луда, извѣстное платье, лудить посуду, Млр. полуда, по кровеніе (ограбленный говоритъ грабителю: „возьми всю землю на подзвинъ, на полулу своихъ очей, якъ лопнешъ“, т. е. чтобы было чѣмъ заплатить за звонъ, чтобы была у тебя цара монетъ, который кладутъ на полу раскрытыя глаза мертваго). Къ значенію покрыванья относится также Срб. луд, глупъ, Чеш. *lud*, прикидывающійся дуракомъ, хитрецъ обманщикъ.

Темная ночь. Ночь значить горе потому-же, что темна. Въ Рус. пѣсняхъ не нахожу примѣровъ, но они должны быть, п. ч. ночь встрѣчается, какъ символъ гнѣва: „Тугаринъ почорнѣль какъ осенняя ночь“ (*Др. Рус. Ст.* 85). Вотъ примѣры изъ Сербскихъ: „Тавна ноћи, тавна ти си! Невјестице, бледа ти си!—Како не ћу бледа бити? Војно ми је пијаницио“ (*Срп. Пјес. I.*

490); „Тавна ноћи, пуна ти си мрака! Срце моје још пунје јада. Јад јадујем, ником не казујем: Мајке не мам, да јој јаде кажем, Ни сестрице да јој се потужим“ (ib. 225). Здѣсь съ темнотою ночи соединена мысль объ уединеніи, какъ въ пословицѣ: „Тавној ноћи нема свједока“. Вообще Срб. таван, цри, въ примѣненіи къ человѣку,—печаленъ: „Да ми се је помамити сестри црио“, т. е. печальной по смерти брата (Ковчеж. 115, 102, 104); въ причитаныи за мертвымъ: „Аох; Йокица, жалостна, ти мајка! И љубовца у јад останула! Која ће ти тамњет у тамнину Пријед, брате, реда и б(в)ремена“ (ibid. 105). Темнѣть—здѣсь значитъ старѣться, п. ч. старость и забота—печаль сближаются между собою и противополагаются свѣту и молодости.

У **Слабый свѣтъ и мракъ.** Жизнь представлялась огнемъ, что видно изъ повѣрья о блуждающихъ огонькахъ; но обл. (Арх.) жить—бодрствовать, живой, не спящій: оттого не только жизнь, но и бдѣніе—огонь, который тушится сномъ и смертью. Въ двустишіи: „Свічечка горить, батенько не спить, Не вийду, не вийду; Свічечка згасне, батенько засне, той вийду“ (Зап. о Ю. Р. П. 245), слова: горить—не спить, згасне—засне выражаютъ дѣйствія не только современные, но и находящіяся во внутренней связи между собою. Отсюда болѣзнь и полусонное состояніе равно выражаются слабымъ мерцаніемъ свѣта. Русс. насупиться, Pol. (na, za,) *sępić się*, posepny, нахмуриться, мрачный (о лицѣ) имѣютъ въ основаніи представление темноты, какъ видно изъ Чеш. *supati*—iti и пр. жмурить глаза, и сродны съ спати. (По всей вѣроятности Пол. *sep*, Чеш. *sup*, родъ хищной птицы, коршунъ, отъ зн. *sępić* и проч. а не наоборотъ) Срб. куњати, по знач. дремать (въ презрительномъ смыслѣ) равное Млр. куњать и сродное въ Влр. (Костр.) междометіемъ хны, означающимъ сонъ, имѣть и другое значеніе: болѣть (*kränkeln*). Срб. дрмити, родственное съ дремать, переходить отъ знач. сна и мрака къ печали и болѣзни; собственное его значеніе—„Као на мргоћен куњати; „дрми

вријеме—биће кипе”; дрми зуб (щемить)—хоће да
ночне болети”, дрмљење—печальное расположение
духа. Тв. замжать—вздремать; когда въ изнурительной
болѣзни человѣкъ находится въ перемежающемся со-
стояніи то сна, то бодрствованія, то о немъ говорять:
„Онъ только мжитъ“. Мжитъ близко къ мигать, ко-
торое отъ быстраго движенія переходитъ къ свѣту; этому
соответствуютъ Бѣлорусскія пословицы: „не гариць,
а цымѣць“, т. е. живеть въ крайней бѣдности: „одна
махнатка не гариць, а цымѣць“, одна головня горить
темно (Пам. и обр. 57, 61). Первое выраженіе отно-
сится къ бѣдности, а второе и къ печали; пот. что
жизнь, яркий огонь, есть богатство (Ср. Чеш. *sizn žizň*), *ubertas, abundantia* (Вацер.), Пол. *Żyżny*,
плодотворный, Обл. животы, имѣніе, и веселье, по-
чему забава—отъ усиленной формы гл. быть, равно-
значащаго съ жить въ выраженіи „жить—быть“. Огонь гаснеть—жизнь кончается (Олон. затухнуть, о
боровѣ: околѣть, но первоначально должно быть, умереть вообще), мракъ есть смерть, и оттого черный во-
ронъ—символъ не только печали, но и смерти. На
этомъ основана Млр. дѣвичья игра „въ ворона“. Играю-
щія дѣвки становятся „ключем“ (какъ журавли въ по-
летѣ), т. е. становятся одна за другую и одна дер-
жится за спину другой. Передняя называется „Матка“. „Воронъ“ сидѣть и роеть палочкою землю. Матка. „Во-
роне, вороне, що ти копаешь?—Пічку. На що? Окро-
пи гріть. На що? Твоімъ дітямъ очи заливать. За що?
Щоб не... на мою капусточку“. При этомъ воронъ пря-
четъ палочку, которою копалъ землю, за себя. М. „Во-
роне, вороне, що за тобою?—Помело та лопата. А за
мено красна пані, та не вловиша. Обернуся, окрут-
нуся, чи всі мої дити“. При этомъ матка кружится, за
нею кружатся дѣти, а воронъ отрываетъ ихъ по одно-
му и кричитъ: Кра! Кра! йісти хѣчу?—А поки наївся?“. Воронъ показываетъ, что по косточки. Воронъ продол-
жаетъ отрывать дѣтей и сажаетъ ихъ въ кучку, пока
не останется за маткою одна „Красна пани“. Тогда мат-

ка спрашиваетъ: „а поки найівсь?“. Воронъ показываетъ по горло. „Вороне, вороне, що за тобою?—Чортъ з бородою!—А за мною красна пані, та не візьмешь!“ Тогда воронъ отрываетъ и послѣднюю, сажаетъ ее къ другимъ и велитъ всѣмъ сжать руки. Матка приходить узнавать своихъ дѣтей: „Помогай-бі тобі, вороне! Чи не бачивъ ти моихъ дітей?“, „Не бачивъ“. Но дѣти отзываются, мать идетъ на голосъ и, обращаясь къ каждому, спрашиваетъ: „Що то? (указываетъ на небо)—Небо.—А то? (указ. на землю)—Земля.—А въ землі?—Бубонець.—А въ бубонці?—Кабанець.—А въ кабонці?—Панъ та пані.—Що роблять?—Пьють та гуляють, та хороше похожають (вар. та хороші мислі мають).—Йшовъ чоловікъ?—Йшовъ.—Нісъ мішокъ?—Нісъ.—Засмійся!“ Дѣти стараются не смѣяться, а кто засміялся, тотъ материнъ. Если матка не отнимаетъ дѣтей или если эти не признаютъ ее своею матерью, то она становится ворономъ. Вся игра дышеть отжившою стариною. Воронъ, какъ сказано, напоминаетъ смерть и, можетъ быть, выступаетъ какъ враждебное свѣту начало: „Красна пани“ или веселка-радуга. Воронъ—смерть заставляетъ дѣтей сжать руки такъ именно, какъ складывали встарину мертвымъ въ Малороссії. Матка, говоря приведенные странныя рѣчи для того, чтобы разсмѣшить дѣтей, вмѣстѣ съ тѣмъ разжимаетъ имъ руки и тѣмъ старается возвратить ихъ къ жизни. Смѣхъ несовмѣстимъ съ мрачною смертью, п. ч. смѣхъ—свѣть. Кто засміяется, тотъ не останется у ворона. Но имѣеть ли миѳическое значеніе Матка и каково отношеніе „красной панеи“ (если она точно радуга) къ остальнымъ дѣтямъ?

✓ **Быстрота.** Выше показано, что отъ огня и свѣта исходить красота и любовь; отъ того-же огня и свѣта идутъ сила, ловкость, умъ, но только черезъ представление быстроты. Огонь, свѣть и быстрота—срднняя въ языкѣ представленія. Отъ паръ, жаръ (паръ kostей не ломить), парить—Pol. sz parki, Mlr. шпар-кый, быстрый, (паритъ, высоко летать, по Микл. отъ прати); отъ ярый (объ огнѣ)—Арх. яро,шибко,

быстро; отъ яровать—кыпѣть, Тамб. яроватый, скoрый, поспѣшный на дѣло; одного происхожденія съ грѣть, горѣть—Срб. журитисе торопиться; отъ кыпѣти, по совершенно вѣрной догадкѣ Миклошича, Пол. *kwapić się*, торопиться, спѣшить; одного происхожденія съ пылать—Ряз. пылять, бѣгать, Костр. пылко, быстро; одного корня съ врѣти, варъ—Ст.—сл. варити, ргаеседере, соотвѣтствующее обл. варовыи, быстрый и общ. Влр. проворный, сложенному съ предлогомъ про, предъ (Ср. Срб. про-леће, Млр. пробвесна). Эпитеты слуги въ Срб. пѣсняхъ сводятся къ одному значенію—быстрый: „Он бербере хитре добавно“ (Срп. пјес. II. 337); Он намаче жестоке (быстрыхъ) бербере... Па намаче жестоке терзије“ (ib. 571); „И он шиње огњена чауша (ib. 190. 191). Послѣднему выраженію вполнѣ соотвѣтствуетъ Млр.: „послали по его пошту таку огненну, что ю птица не злетѣть“ (З. о Ю. Р. I. 175). И у насъ, встарину, эпитетъ слуги—проводный, судя по тому, что служить—проводничать: „Три годы Добрынюшка стольничалъ, А три года Никитичъ проворничалъ; Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ“ (Др. Р. ст. 46). Варянѣе „приворотничалъ“ не идетъ сюда, п. ч. служба Добрыни была не у воротъ. Сл. варъ предполагаетъ форму ур, которую дѣйствительно встрѣчаемъ въ производныхъ словахъ и со значеніемъ быстроты: „Ai prud pražan урно (быстро) рses zdi tecie“ (Kr. Rkp. Čest. a Wl); Хорут. урн, быстрый („še perpeliejo mi mlad'ga konja, ki je урн“, „mati урно perspešili“) выводятъ изъ Италіанскаго, но если было заимствованіе, то не для значенія быстроты.

Средство быстроты и свѣта видно тоже въ нѣсколькихъ словахъ: Луж. jesno, тождественное съ ясный, значитъ быстро: Wienašk tón doloj јеј popažo. Wona tak jesno jen spopadnu“, т. е. схватила быстро (Haupt. II. 134); лучше, Ст.-Сл. лоуче, однородное съ лучь, въ значеніи свѣта, если не съ лукать, бросать, осталось теперь при одномъ отвлеченномъ значеніи, но имѣло прежде и значеніе быстроты. Въ старинной былинѣ

оно сопоставляется съ прыжея, т. е. прытче: когда Цунай вспороль убитой женѣ груди, то „Выскочиль изъ утробы удалъ молодецъ, Онъ самъ говоритъ таково слово: „Гой ты еси государь мой батюшк! Какъ бы даль ты мнѣ сроку на три часа, А и я бы на свѣтѣ былъ попрыжея И получшея въ семь семерицъ тебя“ (Др. Р. ст. 45); Ср.: Ужъ одинъ ли соколь лучше всѣхъ, Лучше всѣхъ, быстрѣе всѣхъ“ (Ск. Р. Н. II. з. 138). Зрѣніе—свѣтъ, почему слова, присвоенныя зрѣнію замѣняются присвоенными свѣту и наоборотъ: „Ясенъ соколонъко... На чорнее море сяе, далеко поглядае“ (Зап. о Ю. Р. I. 28), „Zira (свѣтить) iasne slunecko“ (Kr. Rkp. Čest. a Wl.). Зрѣніе раздѣляетъ со свѣтомъ свойство послѣдняго, быстроту, такъ что дурной взглядъ глазъ сравнивается со стрѣлою. Можно думать, что слово око сродно съ очень, а это получило значеніе напряженности черезъ понятіе быстроты. Дымъ тоже быстръ, какъ видно изъ загадки: „мать толста, дочь красна,—сынъ хитеръ, подъ небеса ушолъ“, гдѣ мать—печь, дочь—огонь, сынъ—дымъ, а его опредѣлительное сохранило старинное, живущее еще у Задунайскихъ Славянъ значеніе быстроты. На этомъ основаніи сближается дымъ со зрѣніемъ, а такъ-какъ зрѣніе родственно съ удивленіемъ (По тімъ боці огонь говоритъ, по сімъ боці видно; Як пойиденъ з Україны, комусь буде дивно“ Метл. 39), то и дымъ съ удивленіемъ: „Не курила—не топила, по сінечкахъ димно, А якъ вийду изъ Івніді, комусь буде дивно“ (ib. 16). Можно бы думать, что это позднѣйшая игра словъ, не имѣющая отношенія ко взгляду на природу; но то-же встрѣчаемъ у Влр. и Сербовъ. Влр. (Псков.) дымничать, рассматривать состояніе жениха или невѣсты, относится къ зрѣнію; выраженіе: „выстроилъ такой (большой, славный) домъ, что дымно смотрѣть“ (Соврем. 1856. Кн. 12. Зап. о Малмыж. уѣздѣ)—къ удивленію—дыму. Караджићъ приводить и объясняетъ слѣдующую пословицу: „Ако је димњак (труба) накриво, управо дим излази“ казала некаква разрок (косая) ћевојка, кад су

просци, гледајући је, рекли изъ међу себе: „лијепа кућа, али дымњак стои накриво“ (Срп. посл. 3). „Кућа, какъ и Млр. світлиця —символъ дѣвицы: „Чого світлонька та новесенъка, Чого стоишъ темнесенъка? Чого, Маруся молодесенъка, Чого сидишъ смутненъка“? (Метл. 220). Сваты кривую трубу приравниваютъ къ косымъ глазамъ. Дѣвица отвѣчаетъ, что хотятъ труба и крива, но дымъ прямо выходитъ; слѣдовательно дымъ—прямые лучи зрења.

✓ Какъ въ значеніи печали, такъ и по отношенію къ быстротѣ прахъ, пыль принимаются за дымъ, продуктъ горѣнія! Эпитеты пороха ружейного въ Сербскихъ пѣсняхъ: брз и равное ему въ этомъ случаѣ пуст, быстрый (Намаза је воском и катраном И сумпором и бразијем прахомъ“ Срп. пјес. III. 43, 60; „Ни-т’ се види небо, ни земљица од пустога праха пушчанога“, ів. 200; Срп. пуще) могли первоначально относиться къ пыли. Если бы и не такъ, то все-же отъ прахъ происходит Ст.-сл. напрасъно, statim, Срб. напрасан—ргасерс; отъ предполагаемыхъ формъ тог-же корня: прѣх=прѣск— Рус. прыснуть—брзынуть, Пол. pierzchnać, Чеш. prchnantí, побѣжать быстро, Чеш. rych, бѣгство. Отсюда прыскучій, какъ эпитетъ звѣря,—быстро бѣгущій: „Не видали птицы перелетныя, Не видали они звѣря прыскучева“ (Др. Р. Ст. 74). Какъ Пол. pierzchliwy (эпит. звѣря и человѣка) отъ быстроты бѣга перешло къ трусости, такъ отъ быстроты же перешла къ теперешнему значенію другая форма корня прѣх—Ст.-Сл. плашити, пугать Срб. плашити, Пол. płoszyć, Русс. полохать, положнуть, между тѣмъ какъ Срб. плах, плаховит остались при быстротѣ, Чеш. plachy (ср. Срб. пришлив, Пол. o-pryskliwy) отъ быстроты образовало значеніе вспыльчивости, гнѣва, а Пол. płochy—легкомыслія. Русс. плохъ могло получить дурное значеніе отъ понятія трусости.

✓ Такое представление быстроты огнемъ и свѣтомъ выражилось въ повѣрьяхъ объ огнедышащихъ коняхъ.

Срб. пѣсни называютъ коня огневитымъ и безъ отношенія къ миѳическимъ конямъ „бедевију, што ждри-
јеби ждрале, што ждријеби конье огњевите“ (Срп.
цјес. II. 647), а Кашебская поговорка прямо приравни-
ваетъ быстроту ногъ къ огню: „то ногi jak ѡог“. Сюда-
же относятся эпитеты сокола: Млр. сивый и ясный и
Влр. ясный, Срб. сив и сив—зелен. Зеленъ выра-
жаетъ понятіе свѣта и огня черезъ сродство съ золото
и горѣть; Си-въ тождественно, по корню, съ си-нъ.
такъ что вмѣсто постоянного въ Млр. пѣсняхъ эпитета
кукушки сива въ Срб. встрѣчается „кукавица сиња“,
слѣдовательно и сивъ, и зеленъ могутъ быть све-
дены къ ясный, которое въ Луж. jesno имѣеть зна-
ченіе быстроты. Эпитеты (а можетъ быть и самое сло-
во) выражаютъ то, что самыя названія орла и оленя
(Mikl. Rad.). Предположеніе что хортъ, борзая собака,
имѣеть отношеніе къ солнечному божеству крѣть,
слѣдовательно къ свѣту, кажется столь же вѣроятнымъ,
какъ сближеніе слова хорошъ съ хорсомъ *).

У Быстрота переходить къ силѣ, хотя иногда труд-
но сказать навѣрное, образовалось ли послѣднее зна-
ченіе черезъ посредство быстроты, или прямо отъ огня.
Какъ Русс. сильно отъ силы перешло къ напряжен-
ности дѣйствія вообще, такъ на-оборотъ—нѣкоторыя
нарѣчія получаютъ это значеніе отъ быстроты. Такъ
упомянутыя выше Луж. khietro (хытро), напр.
khietro hłodny, Пол. bardzo очень. Борзо значило
прежде—быстро, какъ и теперь въ названіи коня и со-
баки борзыми: „а мыло сколь борзо (скоро) смоется“...
(XVII в.). Пуще могло образоваться отъ быстроты —
брошенного. Другія подобныя нарѣчія и прилагатель-

*) Русс. огарь, Срб. огар, Пол. ogar Пол. wujel,
Рус. выжлокъ названы не отъ быстроты—огня, но, какъ по-
казываютъ предлоги, отъ цвѣта шерсти, мѣстами какъ-бы вы-
паленной, выжженной.

ныя отъ быстроты: Срб. врло, очень одного корня съ врѣти, варити, варовыи, имѣющее при себѣ прилагательное връо=добар, а добар, какъ эл. коня—ретивый, быстрый, что видно изъ Пензен. доброта, ретивость; Болг. хубавъ, родственное съ кыпѣти и Пол. kwapićsię, не только прекрасный, но и многій, большой, а величина родственна съ силою (Ср. Пол. duży и Млр. подужать кого, быть сильнѣе, побороть); отъ силы: Ст.-Сл. зѣло (Ср. зеленъ, золь, зрѣть, горѣть), Тамб., Перм, зѣльно, очень, много, Ст.-Сл. зѣльнъ, сильный; отъ быстроты и силы: ярый, сильный, Арх. яро, сильно, Луж. ѡага, очень, напр. ѡага hlodny; жесток въ Срб. между прочимъ быстрый, въ Рус. сильный, напр. „как жестоко лукъ натянемъ, так и струна порвется“ (Бусл. посл. 104). Тѣло и харалугъ названы въ Сл. о Плку Иг. жестокими очевидно въ смыслѣ крѣпкихъ, твердыхъ, и это наводить на мысль, что значеніе силы въ жестокій образовалось не изъ быстроты, а изъ твердости. Твердость отъ огня — въ сл. жестокій, твердый, шереховатый, которое можно сравнить съ скорблый (Ю. Сиб.) и черстый. Скорблый роднится съ огнемъ черезъ скорбнуть, сохнуть, (которое, впрочемъ, можетъ не имѣть въ основаніи понятія огня), а съ шереховатостью—черезъ скребу, скрести; отношение сл. черстый, сухой, къ огню—вѣроятно, но къ шереховатости—несомнѣнно: Тул. короста кочковатое, неровное мѣсто, и короста — сыпь (Ср. чесать и чесотка) суть Русскія усиленія формъ крѣст=чрыст. На-оборотъ, отъ силы удара къ быстротѣ: шибко, скоро, хлѣстко — хлѣско, быстро.

Быстрота—умъ. Сила ума въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ сближается съ быстротою. Памва Берында приводить для сл. реть между прочимъ значение: выгѣчка конская, имѣющее связь съ Рус. ретивый (т. е. быстрый) конь. Изъ рѣт—рѣт черезъ перестановку и замѣну глухаго звука чистымъ, какъ въ аржаной, артачиться, образовалось областное артъ, толкъ, смѣт-

ливость, разсудительность*). Влр. досужій, смѣтливый, разсудительный, относится къ корню саг, откуда Ст.-Сл. сагыжти, достигнуть, и значитъ собственно: достигающій. Стремиться, направляться быстро, обл. стрѣмный и стрѣмый, скорый, проворный, заставляютъ думать, что областное (Влад.) достремиться догадаться, достремливый, догадливый, смыщленный, значитъ собственно добѣгающій, Перм. угонка, смѣтливость, догадка—умѣніе добѣгать, точно такъ, какъ дошлой, смыщленный, догадливый (Арх., Волог., Перм., Симб.), хитрый, лукавый (Ирк., Камч.),—доходящій. Относительно Чеш. dowtipiti, угадать, dўwtip, Пол. dowcіp, остроуміе, Млр. дотепній, смыщленный, толковый, могу сказать только, что они выражаютъ быстрое движение, не опредѣляя, будетъ ли это бѣгъ, или бросанье: рядомъ съ Ст.-Сл. и Влр. тепсти, Млр. типать (и пр. конопли), Чеш. teratі, бить, стоитъ об. (Влад.) тепсти, тянуть съ усилиемъ, идти вяло, Чеш. t piti, нести, тащить, которые могли значить просто идти, даже быстро, какъ старинное лѣзти, приуроченное теперь къ одному медленному движению. Подобнымъ образомъ: Срб. турити, бросать, толкать и нѣкоторые другія, Пск. турять, быстро бѣжать, Влр., Млр. турить, вытурить, гнать, вы—Тамб., Ряз. туразить, гоняться съ гамомъ, напр. за волкомъ, Вол., Пск., Вят. туровить, торопить, понуждать, Костр. туриться, спѣшить, Новг. туро-вый, скорый, откуда Вят. потуровѣть, допечься (о хлѣбѣ) т. е. поспѣть; но во многихъ Сѣв. губ. турать, заботиться, думать. Знач. и связь съ быстротою Млр. скаго потурать но совсѣмъ ясны; сравн. выраженіе: „лучче бѣ мати тобі не потурала (не оказывала снисхожденія), та віддала за кого сама знае“. Съ понятіемъ бросать вяжутся не только понятія быстроты, какъ въ упомянутомъ выше пуст (Ср. пускать стрѣлу—бро-

*) Говорить, что Млр. ручый, соб. быстрый, какъ Пол. га чу, значить также: сильный, мудрый, храбрый. (Ужин. ридн. поля). Это—можетъ быть.

сать), и попаданья въ цѣль: слово мѣткое—попадающее, какъ камень или стрѣла; Бр. даметъ, догадка (не въ дамѣть=Влр. не въ домѣкъ). Отсюда лукавый, хитрый, отъ лукать, бросать, можетъ значить добрасывающій до цѣли, а Млр. недолуга („перша мени туга—сама недолуга“, Метл. 26), Пол. niedołega, отъ лжg, лжк (Ср. крътань—гортань)—недобрасывающій, слабый въ физическомъ (Чеш. nedoluha, болѣзнь) и нравственномъ, умственномъ отношеніи. Дурное значеніе сл. лукавый, какъ и сл. дошлой, а можетъ быть и слова воръ—неисконно. Воръ, Ст.-Рус. измѣнникъ, можетъ быть только случайно сходно съ Лат. и Греч. и можетъ относиться къ одному корню съ врѣти, варовыи, Срб. (пре) варити, обмануть. Связь сл. хитрый съ быстротою видна ясно: Срб. хитар, быстрый, Хорут. hiteti, спѣшить; но значеніе спѣшить сводится къ другому: схватить, поймать (Ст.-Сл. хытити), такъ что хитрый можетъ значить собственно то-же, что Рус. ловкій: тотъ, который ловить (удачно, скоро), а затѣмъ — умный. Хорошее значеніе сл. хитрый затеряно въ современномъ Рср. яз., но сохранилось въ производномъ Млр. хысть, умѣнье, ловкость, охота, т. е. первоначально ловля. Въ Срб. пѣсняхъ хитар, какъ слово соединяющее значеніе ума и ловкости,—эпитетъ молодца, жениха: Еданъ да је хитар ћувеглија, А двојица да су два ћевера (Срп. пјес. II. 227); „...водимо мила сина мoga, Сина мoga хитра ћувеглију“ (ib. 545). Луж. chytrу, какъ Чеш. гиѣi, значитъ даже красивый, такъ что въ „хитар ћувеглија“ можно подразумѣвать и это значеніе. Такимъ-же образомъ отъ упомянутаго Рус. хыст съ суп. р—област. Влр. шустрый, бойкий, расторопный, острый, шустерь, „молодецъ. Въ усиленной формѣ корня хыт, хват—то-же соединеніе понятій: Чеш. chwatati=Нов. Тв. хвататься, торопиться, Срб. дофатити=дохитити, достигнуть, и Рус. Пол. хватъ, молодецъ. Такимъ же образомъ отъ Волог. хапать, хватать (и собирать) Олон. хапистый, молодцоватый. Млр. хыжий, Полт. chуzy, быстрый, въ Блр. разумный,

по крайней мѣрѣ въ пословицѣ: „А у Несвижіи людъ хижі: салому таукуць, блины пекуць; сѣна смажуць, блины мажуць“ (Пам. и Обр. 174). Вообще понятіе ума до того сжилось въ представлениі наарода съ быстротою, что въ одной Сербской пѣснѣ кошута, лань, носящая обыкновенно эпитетъ быстрой (брза), названа мудрою: „Тако му се срећа удешила, Те од лова ништа не улови: Ни јелена, ни кошуте мудре, Ни од кака ситнога звериња“ (Срб. пјес. II. 155. Ср. ib. 481). Весь рядъ приведенныхъ выше словъ переносить насть въ тѣ отдаленные времена, когда мѣткость стрѣлы, быстрота въ преслѣдованіи дичи, ловкость въ собственномъ значеніи этого слова (Новг. Арх. ловкбй, искусный въ ловленіи) были главными достоинствами мужчины, ручательствомъ за умъ, потому что дѣятельность ума была преимущественно направлена на охоту. Къ тѣмъ-то времена относятся символы молодца: соколь ясный, конь борзый, ретивый, олень быстрый. Основаніе такихъ сближеній нами указано: какъ соколь, конь, олень быстры, такъ и молодецъ быстръ, т. е. ловокъ и разуменъ. Въ пословицѣ: „Олень быстръ бываетъ, да отъ смерти не убѣгаеть“ (Этн. Сб. II. 69), быстръ приравнивается къ подразумѣваемому мудрѣ, такъ что объясненіемъ пословицы этой можетъ служить припѣвка Баяна: „Ни хытру, ни горазду, ни птицию горазду суда Божія не минути“. „Птицию“ показываетъ, что и быстрота птицы сравнивалась съ умомъ. Въ двустинції Галицкой пѣсни: „Olen lisny bihun bystry, ludy ne bojitsia; Na szužyni chotia mudry zawsze win chronytsia“ (Z. Р. П. р. 141) мы допускаемъ поправку: „a ludy bojitsia“, такъ что выйдетъ: Олень, хоть и быстръ, а боится людей; на чужой сторонѣ и разумный человѣкъ — робокъ.

Найти. По связи символического выраженія понятий узнать, развѣдать, съ охотничьею жизнью скажемъ о нихъ здѣсь. Символъ семейства, гнѣздо имѣть еще другое общерусское название: кубло, родственное съ понятіемъ круглаго сосуда (Блр. кубло, Пол. kubel,

ушать, бадъя). Воспитать значитъ выростить въ гнѣздѣ, что выражается Луж. *skublać*, воспитать. Блр. кубло значитъ родъ круглого шкафа для бѣлья и посуды; въ кубло складываютъ приданное невѣсты. Такъ-какъ постель составляетъ важную часть приданного, то Млр. кубло принимается въ смыслѣ постели. Если постель невѣсты бѣдна, то свахи поютъ: „Да чого-ж ты Марусе без кубла? Да чы ти кудельки не скубла?“ (Метл. 213). Въ Тверской губерніи кубло имѣеть болѣе общее значеніе хозяйства, а въ Луж. нарѣчіи—имѣнія, богатства. При такихъ переходахъ сохраняется связь съ болѣе близкимъ къ первоначальному представленіемъ гнѣзда, такъ что найти гнѣзда птицы значитъ не только вообще разузнать, развѣдать, но и узнать, богатъ ли человѣкъ, или бѣденъ. Общее значеніе видно въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Знайшляж бо я кубелечко, де вутка несеться; Ой чую я черезъ людей, вражий синъ смеяться“ (Метл. 107); частное—въ слѣдующемъ: „Навідала кубелечко, де вутка несеться; Провідала що я бідний, тепера смеяться“ (Метл. 88).

Примѣч. Сравненіе мужчины съ уткою—очевидно позднее, какъ и всякое несоответствіе между родами сравниваемыхъ словъ. Утка—женщина: она моетъ свои сорочки—перья, а мытье—дѣло женское. Она загадывается такъ: „Тарасова дочка тарасомъ трясла, сімсотъ сорочекъ до води несла“ (Загадки, Семент.).

Какъ найти гнѣзда, такъ и вытропить звѣря, значитъ узнать, развѣдать; а оставить слѣдъ (въ собств. см.)—показать себя, какъ въ Срб. пословицѣ: „Не пада сијег, да помори звијет, него да свака звијерка свой траг покаже (Срб. послов.), т. е. не на то бѣда, чтобы погубить свѣтъ, а на то, чтобы всякий человѣкъ показалъ себя въ несчастьи. Куница—дѣвица, откуда старинная подать съ невѣсты звалась куничнымъ *). Отсюда

*) Память объ этой подати сохранилась въ Западной Малороссіи. Тамъ, послѣ свадьбы, дружка несеть къ помѣщику коровой, накрытой платкомъ или ручникомъ съ завязаннымъ

обыкновенная формула, въ которой сваты описываютъ свое сватовство, состоять въ томъ, что они, охотники, напали на слѣдъ куницы, а слѣдъ привель ихъ къ этому дому: Вчора з вечора та порошенька впала, А о півночи куночки походила, А къ біому світу старости на слідъ нагодилися” (Метл. 123, 232). То-же въ Бр. свадебныхъ пѣсняхъ. Поѣзжане, войдя въ дворъ отца невѣсты, поютъ: „Ужъ какъ выпалъ снѣжокъ, Чуть ви-денъ слѣдокъ, А мы по слѣдочку”. Потомъ, ъдучи въ церковь: „Пала припала молодая пороша, На той на порошѣ слѣдинька лежала, По той по слѣдинькѣ кунѧ пробѣжала, За тою куньюю охотнички ъздятъ... Коней утомили, кунью изловили” (Тереш. Б. Р. Н. П. 201, 203). Отсюда видно, что поймать и при томъ не только звѣря, но и рыбу (Ск. Р. Н. I. 3. 109)—сосватать. Связь охоты и сватанья выразилась и въ языке:— Бр. сачиць, искать, слѣдить, напр. звѣря; Срб. сок, человѣкъ, отыскивающій и, въ случаѣ нужды, выдающій вора или другаго преступника, откуда Чеш. sok, доносчикъ, клеветникъ, врагъ; но въ Срб. считаютъ еще одно значеніе, согласное съ сравненіемъ сватовъ съ ловцами: сватать; соченье—сватанье.

¶ **Вода холодная.** Вода. Одинъ изъ эпитетовъ воды— здоровая. Поздравляя молодую, говорять между прочимъ: „будь здорова якъ вода” (Метл. 208). Тоже, когда бываютъ другъ друга свячено вербою: „будь высокъ, якъ верба, а здоровъ якъ вода”. Вспрыскиванье и обмыванье играетъ важную роль въ народной медицинѣ. Куд-

---

въ него золотымъ или 15-ю грошами, а братъ молодой несетъ пѣтуха. При этомъ поютъ: „My idemo z kunicu I z jaroju pszenicu (то и другое сравнивается между собою) Od swoho hospodara Do Pana didita... Podjakujmo Bohu i panu I xiedzowi swojemu, zo nas zwinczał; A pan nemnožko wzial; Licersku ju kopu za Hanusyny kosu... A pan nemnožko wzial Za mene moloduji: Czerwonca czerwonoho Od Lukaszka molodoho (Wojc. II. 145—146), „Licerskaja kopa”—та, которая принадлежитъ рыцарю, пану.

пашье, умыванье сообщаетъ красоту: „Hdě's, děvečko,
hděs byla, Hdě si krasy nabyla? V studni jsem se umyla,
Tam sem krasy nabyla“ (Mor. nár. pisně. 421). Такое значение можетъ имѣть между прочимъ купанье
на-канунѣ Ивана Крестителя. Отсюда купаться — охорашиваться, одѣваться („На морѣ галка купалася,
На бережку отряхалася, Во сыромъ бору обсушалась;
Марьушка въ теремѣ убиралася“. Этн. Сб. I. 223.
Ск. Р. Н. I 3 161), ухаживать, любить: „Чы се тая
криниченъка, що голубъ купався? Чи се тая дівчи-
нонъка, що я женихався?“ (Метл. 69). На Юрьевъ
день, когда въ Сербіи купаются съ такою-же цѣлью,
какъ въ другихъ мѣстахъ на купала, въ Бокѣ Котор-
ской три взрослыя дѣвицы идутъ на воду. Одна изъ
нихъ несетъ въ рукѣ проса, другая за пазухою вѣтку
грабины (грабову гранчицу). Одна изъ этихъ спраши-
ваетъ третью: „Куда идеш?“, а та отвѣчаетъ: „Идем на
воду, да воде и мене, и тебе, и ту, што гледа про
тебе“. Тогда отвѣчавшая спрашиваетъ дѣвицу съ про-
сомъ, что она несетъ, и получаетъ отвѣтъ: „просо, да
просе“ и пр., такъ отвѣчаетъ и дѣвица съ вѣткой: „граб,
да грабе и проч. Эта, вѣроятно позднѣйшая, игра словъ
сохранила смыслъ хожденія къ водѣ, которое могло быть
нѣкогда религіознымъ обрядомъ и очевидно имѣло цѣлью
выпросить жениховъ. Умыванье студеної ключевой во-
дой, упоминаемое въ началѣ многихъ Влр. заговоровъ,
есть, по видимому, такое-же предохранительное для про-
износящаго заговоръ средство, какъ и упоминаемое въ
нихъ-же огораживание себя свѣтилами. Вообще вода об-
мываетъ все: хытки и прытки, уроки и призоры, скор-
би и болѣзни (Ср. Гул. Оч. Ю. С. 26), кромѣ чернаго
лица, злаго языка, стыда и грѣха, какъ говорять
Сербскія пословицы: „Вода свашта опере до пагана
језика“ или „...до црна образа“; Вода све перс освем
гријеха“ (Срп. посл. 37). По этому женщина, выдан-
ная за-мужъ за немилаго, противопоставляетъ свое не-
утѣшное горе всеисцѣляющей силѣ холодной воды: „Те-
че вода холодная з-підъ кореня дуба: Нема менi

одрадонъки отъ моего нелюба. Нема мені одрадонъки ні 'д отца ни 'д ненъки; Сушать мене, въялять мене мої вороженьки" (Метл. 253). Доказательствомъ, что если не исключительно, то между прочимъ холодъ воды имѣеть связь съ ея цѣлебною и сообщающею красоту силой, можетъ служить сближеніе холода съ молодостью: „На крају је вода и девојка, Вода ладна, а девојка млада. (Ср. пјес. I. 169); „Не кажи, коню, що я утопысь, А скажи, коню, що я оженивсь... холодна вода—да то молода“, т. е. невѣста, что впрочемъ не мѣшаетъ видѣть здѣсь сближеніе именно молодости и холода. Въ языкѣ связь холода и воды выражалась словами кладжъзъ, колодязъ, Срб. кладенац—хладенац и равносильнымъ ему Пол. studnia, Чеш. studnѣ, Ст.-Сл. студеньцъ, Срб. студенац. Въ Срб. студенац, хладенац находимъ только одно значеніе источника, откуда воду берутъ, что совершенно согласно съ словоизводствомъ. Изъ этого прямое заключеніе, что понятіе, соединяемое нами съ словами колодязъ, studnia—позднѣйшаго образованія и что первоначально слова эти означали некопанный и необѣянный ключъ, или, по крайней мѣрѣ, ключъ безъ отношенія къ его происхожденію. Того-же нельзѧ сказать о словѣ кринница. Правда, что это слово наравнѣ съ Чеш. studnѣ, служить символомъ дѣвицы (по связи холода и молодости) и что съ нимъ соединяется въ Млр. пѣсняхъ понятіе некопанного и необрублennаго источника; но это должно быть отнесено къ сравнительно позднему времени, потому что Млр. кринница, кирница имѣеть отношеніе къ словамъ, означающимъ сосудъ: Ст.-Сл. окринъ, Чеш. okřin, лохань, Влр. кринка—крынка, горшокъ, оббитый берестою (Вят.), подойникъ или сосудъ для молока, а вмѣстѣ съ этими—къ корню кръ, имѣющему значеніе бить, рубить, рѣзать въ словахъ кур—носъ, кар—нать, Чеш. krniti *). Копать крани-

*) Ср. сказочный пріемъ: копыто богатырского коня выбиваетъ ключъ изъ-подъ земли. Ср. Grimm, Märch. II T. (1857 г.).

цу—любить, сватать дѣвушку: „Въ огороді криниченька некопаная; а ще-жъ моя дівчинонька несватаная. Въ огороди криниченька выкопаная; А вже-жъ моя дівчинонька висватаная“. Что копать не исключительно сватать, а вообще любить, видно изъ слѣдующихъ стиховъ, гдѣ, по связи любви съ воспитаньемъ въ Млр. кохать, выкохать, копанье—почти родительская любовь: „Викопавъ я криниченьку, викопавъ я двѣ; Викохавъ я дівчиноньку людямъ не собі“ (Метл. 457). То же значеніе имѣть „рубить криницу“ (Ср. „муровать криницу“. Ї. Р.), а потому невѣстѣ (слѣдовательно совсматанной) поютъ „на посадѣ“ въ субботу: „Ой за сінъми, сінъми, Въ зеленому зіллі, Рублена криниченька и проч. (Народныя Южно-руссکія пѣсни, изд. Метл. 142). Не смотря на то, что криница можетъ быть и не рубленная, кажется болѣе согласнымъ со словомъ криница и съ символическимъ значеніемъ понятія рубить сближеніе криницы съ замужнею женщиной: „Лучче було колодяземъ (въ смыслѣ Срб. студенацъ, ключъ), а ніжъ теперь криницею; Лучше було дівчиною, а ніжъ теперь молодицю“ (Зап. о Ю. Р. II. 328). Вода въ криницѣ сравнивается съ дѣствомъ; убыль воды—потеря дѣства: „Oj naj u tyj krynyczeїci woda probuwaje; Naj szcze moja odynycia szcze z rik pohulaje“ (Ї. Р.); Uzež taja kernyczeňka murawou zarosla“ (слѣдовательно высохла) Uzež taja diwszynoňka dawno zamuj poszla“ (Ї. Р. II. 181). За мужъ понила, слѣдовательно разлюбила того, кого любила прежде, и въ этомъ отношеніи можетъ быть сближена убыль воды и отсутствіе любви въ слѣдующихъ стихахъ: „So je po studynce, Dуž w ni wody něni? Jako po panence Dуž w ni lásky něni“ (Mor. Nar. Р. 214). Какъ выше: калина чернѣеть—дѣвица выходитъ замужъ,—или горюетъ и умираетъ; такъ и адѣсь убыль воды не только бракъ, но и смерть: „Pod horú studenka, Vody z ní ubývá; Ponáhlej, šohajku, Frajerka umierá“ (ib. 306). Замѣчательно, что и противоположное явленіе, разливъ колодезя, служитъ символомъ смерти. „U Piščeku, v sini (па дворѣ) studenka

vylévá; Neclod' tam, synečku, Jozefka umírá“ (ib. 306). Одна изъ обязанностей дочери и вообще молодой женщины въ семействѣ—ходить за водою. Колодязь или ключъ—мѣсто свиданія, чѣмъ объясняется слѣдующее двустишие: „У городі криниченька, ключикъ и відро; А вже-жъ моїй дівчинонъки давно не видно“, т. е. есть ключъ, которымъ достаютъ воду, есть ведро: только прйтти и набрать, а между тѣмъ не приходитъ. Если съ Несторовыхъ умычекъ и до нашихъ временъ (въ Сербіи) похищенія дѣвицъ совершались преимущественно у воды, гдѣ можно было застать дѣвицу одну, или съ подругами, которая не могутъ или не хотятъ помѣшать умычкѣ, то тѣмъ безопаснѣе было тамъ свиданье. Отсюда, быть можетъ, наносить воды—полюбить: „Ой пий, мати, тую воду, що я наносила; Люби, мати, того зятя, що я полюбила“ (Метл. 136). Оттого такъ опасно дѣвицѣ ходить до броду по воду: „Якъ ходила до броду по воду, Та згубила віночокъ у воду“ или: „Не йди, не йди до броду по воду, Та не слухай голубоньківъ, де рано гудуть: Вони твое дівованья въ поле занесутъ! Вони тебе молодую та израдять, Одь батенька до свекорка переманять, Изъ дівчини въ молодицю-та нарядять“ (Метл. 136).

Быстрая вода. Теченіе воды соединяется въ языкахъ съ понятіемъ быстроты, какъ видно и изъ самаго сл. течь, имѣющаго при себѣ въ Чеш. Пол. слова со значеніемъ быстрого бѣга: „*usiekać, utíkati*; при рѣять, быстро летать и ри-нуть (ся), бросить, встрѣчаемъ Млр. ринуть, течь, цуринать, пурнуть, т. е. поринать, нырять, выринать, выплывать на верхъ. Слово рѣка сюда не относится, если, какъ думаетъ Миклошичъ, къ въ немъ принадлежить къ корню. Струя, Пол. *stru-mieć*, ручей, Чеш. *strumen*, источникъ, близки къ стре-миться, стре-мглавъ, Срб. стр-мо и къ Млр. стромить о вонзенномъ: торчать. Стромить находитъ себѣ соотвѣтствіе въ торчать, которое прямо относится къ Срб. трк, бѣгъ, трчати, бѣжать. Ручей относится къ Пол. *gaćzy*, Чеш. *gićzí*.

быстрый, употребляемому какъ эпитетъ коня, какъ Срб. брезица, быстро текущая по камнямъ вода—къ борзъ. Пол. rząd, быстрина въ рѣкѣ, объясняется Ст.-Слав. прѣдьнь, Пол. przedki, Млр. прудкий. Примѣч. Что же до Русс. прудъ, прудить, то они могли первоначально относиться не къ водѣ. Какъ Ст.-Сл. брѣзъя, наносная коса,—отъ брѣзъ, и пол. wùspra—отъ сыпать въ значеніи лить, такъ Ст.-Сл. прѣдъ, валъ, Срб. пруд, песчаная коса въ рѣкѣ, могутъ значить: нанесенное, намытое водою. Слѣдовательно и Русс. прудъ—прежде валъ (собствен. намывной), потомъ заставленная насыпью вода. Но отъ рыть образуется слово ровъ, имѣющее значеніе не только канавы, но и вала (Zčií mi tak wysoký gow, S nehoš by uzřel ves Chynow); Русс. гать насыпь, переходящее въ Луж. hat къ значенію пруда, въ Срб. гат имѣть значеніе водо-отводного канала у мельничной плотины *); Млр. гребля Пол. grobla, плотина, одного происхожденія съ гробъ (здѣсь беремъ одно только значеніе ямы): слѣдовательно, если предположимъ въ корнѣ прѣдъ знач. рыть, рвать, то прудъ можетъ значить первоначально и вырытое, яму, ровъ. Оба значенія могутъ легко ужиться вмѣстѣ, какъ видно изъ приведенныхъ сл. ровъ и гробъ, яма и насыпь. Въ символическомъ отношеніи, судя по одному известному мнѣ примѣру, запрудить воду, т. е. лишить ее свободнаго теченія, значитъ на-сильно выдать за-мужъ: „Охъ не спиняйте у ставу води, нехай вода рине; Охъ не дайте мене за пьяни-ченку, да нехай вінъ изгине!“ (Метл. 67). Оттого дѣвица, выдаваемая за постылого, противополагаетъ свою

*) Относительно гать, ровъ, плотина, прудъ, замѣтимъ, что оно одного корня съ Серб. gaće, Пол. gacie, штаны, подштанники, Ст.-Сл. гащи, tibialia, а у Памвы Бер. сапоги, Оренб. гачки, тонкія волокна, сдираемыя изъ-подъ коры со-сень, Тоб. гачи подвязки. Такъ-какъ ткань роднится съ пон. дратъ, то это несомнѣнное доказ., что въ гать—основное значеніе рыть, копать, а можетъ быть вымывать (о водѣ).

неволю свободному теченью воды: „Ой вийду я за водритечка: да рине вода, рине; не силуйте мене за нелюба, да нехай вінъ згине“ (ib. 243).

Вода и вѣтеръ. Какъ вода быстра, такъ—и вѣтеръ (зпитеть вѣтра: буйный значить тоже быстрый); поэту му вѣтеръ, по свойствамъ, вытекающимъ изъ быстроты, сближается съ водою. Понятіе быстроты лежитъ въ основѣ нѣкоторыхъ названій вѣтра: Олон. торопъ, порывистый вѣтеръ, и торопливость (Новг. Пенз.), сл., въ которомъ быстрота возводится къ другимъ предшествующимъ понятіямъ: рвать, бить; Арх. торокъ, вихорь, внезапно набѣжавшій шквалъ, съ коимъ сродны понятія быстроты (Срб. трчати), рванья (см. ниже) и торчанья. Связь понятій бѣжать и торчать, кромѣ глаголовъ: торчать и Срб. трчати, Млр. стромить и стремиться, воткнуть и течь, въ знач. идти, Млр. утікать, видна въ обрядѣ, сопровождающемъ заклинаніе вихря. У Галицкихъ Русиновъ рассказываютъ, что зпахарь, желающій сдѣлать кому-либо зло, произнося заговоръ, втыкаетъ ножъ по рукоятку въ порогъ первыхъ дверей хаты (изъ избы въ сѣни или изъ сѣней на дворъ?), или подъ порогъ этихъ дверей, и зачарованное лицо, схваченное вихремъ, до тѣхъ поръ носится по воздуху, пока заклинатель вздумаетъ медленно вытянуть воткнутый имъ ножъ (Wojsc. Klechdy I, 81; II, 149). Всякое оружіе—быстро: о стрѣлѣ это известно, по ср. *bistra* коріе (Kr. Rkp. Jarosl.), что выражается однимъ словомъ сулица; збгаѣ *bistra* (ib. Zaboj etc.); поэтому содержаніе упомянутаго заговора можетъ состоять въ сравненіи быстроты втыкаемаго ножа и вѣтра.

Вѣтеръ приносить человѣка: „Ой повій, вітрояльку, съ гори на долину; Ой принесы, Боже, здалека родину! И вітеръ не віе, гилля не колише, Тилько братъ до сестри да листоньки пише“ (Метл. 245); [„Боже“ относится къ вѣтру, чemu еще одинъ примѣръ приведемъ ниже. Солнце тоже называется Богомъ: „И къ сонечку промовляе: поможъ, Боже, чоловику“ (Метл. 57)]; „Повій витре холодненський зъ глибокого яру;

Прибудъ милитъ чорнобривий зъ далекого краю” (ib. 84); „Вѣтерокъ куда повѣтъ, Туда миленький поѣдетъ” (Гул. Оч. Ю. С. III); „Стъ Оки вѣтры понавѣяли, Незванные гости на дворъ вѣхали, Не званные гости на дворъ вѣхали” (Ск. Р. Н. I. ч. 3. 142); „Не было вѣтру, да повянуло, Не было гостей да наѣхало” (ib. 163); то-же съ отрицательнымъ сравненіемъ: „Безъ вѣтра, безъ вихоря Верейшка пошатнулася, Воротички отворилися, И бояре на дворъ вѣхали” (ib. 152); „Profukaj, vetříčku, Dolů dólnečkú, Přifukaj mileho z dobrú novinečkú! Větříček nefuká, Novinky nenenese” (Mor. nar. P. 324. Ср. также Grimm's Märch. II. 207). Примѣты, предвѣщающія нежданнаго гостя (погаснетъ огонь, потухнетъ нечаянно свѣча, дрова въ печи развалиются, головня упадеть на шестокъ, уголь вылетить изъ топящейся печки) быть можетъ относятся собственно къ вѣтру, приносящему гостей. Для подобнаго же значенія воды приведемъ только одинъ примѣръ. Обыкновенный вопросъ вѣдьмъ, обращенный къ призваннымъ ими силою чародѣйскихъ травъ и заклинаній, таковъ: „Oj szczoź tia... rgniesło? Oj zcy zcoven, су wesło?” (Ž. P. II. 37—38). Въ другихъ мнѣ извѣстныхъ случаяхъ вода можетъ имѣть и другое символическое значение (Ср. Ск. Р. Н. I. 3. 163, 169).

Вѣтеръ и уносить человѣка, откуда Млр. выражение: „кудись повіявсь”, вѣтеръ куда-то понесъ, т. е. пошелъ человѣкъ и пропалъ безъ слѣда, какъ вѣтеръ въ полѣ. Вода то-же: „Як батька покинешъ, самъ марне загинешъ, Річенкою быстренькою за Дунай (то есть Богъ знаетъ, куда) залинишъ”, т. е. погибнешь. Сербское проклятие: „вода га однијела” значитъ: пропади онъ безъ слѣда. О томъ, чего ужъ нѣть, говорится, что оно унесено водою: „Не давъ мені Господь пари, Та давъ мені таку (несчастную) долю, Та-й та нїшла за водою. Иди доле, за водою, А я піду за тобою” (Метл. 57).

Вѣтеръ переносить вѣсть: „Ахъ вы вѣтры, вѣтры буйные, Вы буйные вѣтры осеніе! Потяните вы вѣту сторону, Во ту сторону во восточную, Отнесите вы

къ другу вѣсточку, Что не радостную вѣсть, печальную” (Ск. Р. Н. I. з. 204. Терещ. Б. Р. Н. II. 259). Онъ несетъ и всякое слово, спасительное или вредное чловѣку: „Повій, вітроньку, по зеленій траві, Избери, Боже, всі любощи мої, Понеси, Боже, до милого мого“ (Метл. 31). Въ другой подобной пѣснѣ (*ibid.*) говорится, что милый точно вспомнилъ прежнюю любовь, приказалъ сѣдлать коня и приѣхаль. Отсюда Арх. продухъ, слухъ, молва, напр. „Отысканъ ли воръ?“— „Есть продухъ“. Впрочемъ это слово можетъ быть объяснено и нѣсколько иначе, именно—какъ запахъ (а не слово) наносимый вѣтромъ: какъ воня, вонъ, нюхать имѣть въ основаніи понятіе дуть, такъ за-пахъ—напахиваемое, наносимое вѣтромъ, Пол. *wie-trzysć*, Чеш. *wětriti*—чутьемъ находить (о собакахъ напр.) *). Къ указанному выше свойству вѣтра могутъ быть отнесены слова: Костр. Перм. вспахнуться, вздумать, вспомнить, Костр. Тамб. встрѣнуться, спокватиться, при коемъ Олон. встрѣта, противный вѣтеръ. Въ заговорѣ отъ уроковъ упоминается: „вѣтроносное язво“ (Этн. Оч. Ю. С. Гул. 51), и всякая болѣзнь отъ неизвѣстной причины прикидывается „съ вѣтру“. Мы знаемъ, что необходимо слѣдуетъ ожидать нагляднаго представленія этого несомаго вѣтромъ слова и болѣзни. То и другое находимъ въ слѣдующемъ: 1) Какъ сглазъ представляется стрѣлою, по связи зрѣнія, свѣта и стрѣлы („Што Ѳу, юнак? устре ли mestрела, Душо Јецо, изъ твог белог лица. Очи твоје, то су стреле моје“ Срп. пјес. I. 351); такъ и сильное слово, урокъ, конечно, по связи стрѣлы съ вѣтромъ. Въ Сербской пѣснѣ на похвалы дочери мать отвѣчаетъ: „Девет сам ихъ такијех имала, Осам ихъ је удомила мајка, Ни једне ихъ није походила, Јер су, јадне, рода урокљива: На путу ихъ устријели стрјела“ (*ibid.* III. 516). Здѣсь можетъ говориться именно о порчѣ словомъ, а

*) Орб. вѣтрити переносится уже и къ зрѣнію: „Очима вѣтрити—као упашен гледати“.

не вообще. Далъе въ этой пѣснѣ нигдѣ не встрѣчаемъ намека, чтобы умирающая невѣста была сглажена кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ, а болѣзнь постигаетъ мгновенно, слѣдовательно наслана издалека.

✓2) Моръ есть вѣтеръ, чтоб видно въ словахъ повѣтъ, Пол. powietrze. Изъ разсказа, извѣстнаго въ Польшѣ, Литвѣ и Западной Руси, объ томъ, какъ моровая женщина (Ср. олицетвор. холеры) всовываетъ руку въ двери или окно избы и, махая краснымъ платкомъ, посыпаетъ смерть на людей, можно заключить, что маханье есть одно изъ средствъ вызывать вѣтеръ. Предполагая существованіе этого обряда, мы объясняемъ имъ слѣдующія выраженія: „Да Ильли просядь абъ дождъ, а на Ильли и баба хвартукомъ нагоницъ!“ (Пам. и Обр. 178); „Иде дівка дорогою, чохлами махае (т. е. машеть рукавами и этимъ насыпаетъ любовь), А за нею козаченько важенько здихае“ (Метл. 42); „Ой перестань, дівчинонько, чохлами махать, Ой хай же я перестану важенько здихать.— Ой поти я махатиму, поки подеру. Ой поти я здихатиму, поки тебѣ възьму“; какъ туча отводится возбужденіемъ противнаго вѣтру, такъ и сравниваемая съ тучей дурная слава: „Надъ моими воротами чорненькая хмара, А на мене молодую поговіръ та слава. А я тую чорну хмару перомъ розмахаю, А къ славі не прислухаюсь, та-й гадки не маю“ (Метл. 87).

На приведенныхъ выше значеніяхъ вѣтра, уносящаго человѣка, основывается упоминаемое въ одной нѣмецкой сказкѣ гаданье: Царь обѣщаетъ сдѣлать своимъ наследникомъ того изъ своихъ сыновей, который лучше другихъ исполнитъ его порученіе; для этого каждый изъ царевичей отправляется въ ту сторону, куда летить пущенное царемъ на вѣтеръ перо (Gr. Mrch. № 68). Подобнымъ образомъ въ общей чутъ-ли не всему Индо-европейскому племени сказкѣ о царевнѣ лягушкѣ, каждый изъ братьевъ-царевичей пускаетъ стрѣлу и женится на той, которая принесетъ эту стрѣлу, или ищетъ жены тамъ, гдѣ упала стрѣла.

Слюна. Если вода уносить хитки и притки, уроки и проч., то и наносить ихъ. Встрѣчается въ пѣсняхъ списывать своего горя или заговора на бумагу или дре-весный листъ и пусканье этого на воду, съ тѣмъ, чтобъ она нанесла крѣпкое слово на кого нужно: „Ой я тую та тугу — журбу на листи спишу, А списавши, та на листоныки въ тихий Дунай пушу. Та пливи, тugo, та пливи, журбо, по крутимъ берегамъ; Роздай, Боже, та тугу — журбу по моімъ ворогамъ“. Вмѣсто христіан-скаго Бога могло упоминаться въ подобныхъ обращеніяхъ имя языческаго. Сходныя съ этимъ чары надъ бумагою (записью), бросаемою на вѣтеръ и на воду, встрѣ-чаются и въ Сербскихъ пѣсняхъ (I. 469, 474); но замѣна живаго чародѣйскаго слова письмомъ конечно позд-нія*), а прежде такое слово, посылаемое по водѣ, пред-ставлялось, быть можетъ, въ другомъ образѣ, такъ же сродномъ съ водою, какъ стрѣла съ вѣтромъ. Слово вообще сближается со слюною: „слюны не подымешь, а слова не вернешь“ (Пам. и Обр. 68). Сербская по-словица: „не ваља пльувати па лизати“ значить не слѣ-дуется брать назадъ своего слова. Заклинатель вмѣсто записи даетъ черту свою слюну, т. е. слово: „и вмѣ-сто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну“ (Ск. Рус. Н. I. 2. 34. Ср. Бусл. Эп. Поэз. 18). Такъ-какъ слово и слухъ сродны и въ языкѣ, а слово есть мысль (ср. думать съ Болг. говорить, гадать, въ Пол. то-же) и слышать (Камч.) — разумѣть; то ясно, почему въ прекрасной, отзывающейся глубокою стариною, Срб. сказкѣ „Немушти језик“ посредствомъ слюны, символа слова, передается человѣку даръ понимать таинствен-ный языкъ природы. Змѣнышъ, говорится въ этой

*) Чуть-ли не позднѣйшее изъ названий колдуна — Млр. характерникъ, Пол. charakternik (см. Pamie, tn Paska), чело-вѣкъ, котораго никакое оружіе, кроме посвященной серебря-ной пули и потертой святою ладонкой сабли, не беретъ, зна-чить вѣроятно: имѣющій письменный амулетъ. Ср. Речник: амајлија — запис... напр., од пушке и проч.

сказкѣ, сынъ змѣинаго царя, спасенный пастухомъ отъ огня, просить, чтобы пастухъ этотъ отнесъ его къ отцу. Когда вошли они во владѣнія змѣя-царя змѣиенышъ говоритъ пастуху: „какъ будемъ во дворѣ у моего отца, онъ станетъ давать тебѣ, чего только захочешь: золота, серебра, камней дорогихъ, но ты не бери никакого и проси только „немушти језик“. Пастухъ почушилъ совѣта, и царь долго отивкался, но наконецъ сказа-
зalъ—„раскрой ротъ“. Пастухъ раскрылъ ротъ, а змѣи-
ный царь плюнулъ ему туда и сказалъ: „теперь ты
мнѣ плюнь въ уста“; пастухъ плюнулъ, а царь опять
ему. И такъ трижды плюнули одинъ другому въ уста,
послѣ чего царь сказалъ: „теперь ты знаешь немуш-
ти језик, но если дорога тебѣ жизнь, не сказывай про
это никому, а если скажешь,—мигомъ умрешь“. Воз-
вращаясь къ стаду, пастухъ слышалъ и разумѣль все,
что говорятъ птицы и травы, и все, что есть на свѣтѣ
(Срп. Прип. 14 — 15). Слово есть человѣкъ: „Да нема
цвitu найсінішого над ту ожинонку“; Да нема слова
найвірнішого над ту дружинонку“ (Метл. 246), т. е.
нѣть человѣка вѣрнѣе, милѣе мужа. Оттого сказоч-
ный герой, убѣгая, оставляетъ вмѣсто себя на окнѣ
свою слону, чтобы она отвѣчала, когда будутъ спраши-
вать изъ-за запертыхъ дверей. Какъ плевать отно-
сится къ корню плю — плу, откуда плу-ти, плыть
и Млр. плютка, ненастье, слякоть; такъ слюна — къ
слу, предполагающему форму сру, отъ коихъ Срб. сло-
та, Влр. (Кал., Кур.) слота, снѣгъ съ дождемъ, мок-
рый снѣгъ, Пол. sѣota, ненастье, струя и островъ.
Съ теченьемъ соединяется быстрота, и слово, само по
себѣ быстрое, сближаясь съ слюною, можетъ сравни-
ваться съ текучей водою вообще. Отсюда, такъ-какъ
слово переходитъ къ значенію колдовства (ср. Срб.
бајати. врачати), а хитки (Оренб.) — слюны, текущія
у младенцевъ; то хитки въ выраженіи „хитки и прит-
ки“ можетъ значить порчу, нанесенную водою въ видѣ
слионы, если только не значить просто схваченное
(хыт = хват). Хитки, слюны, было бы объяснено, если

бы можно предположить родство корней хыт и сү==хү (суги — лить). Такъ какъ слово переходить и ко лжи (и брани), напр. въ словахъ вратъ, брехать, можетъ быть въ лъгати, то Вологодск. слотить, вратъ, близкое къ слота, слякоть, могло прежде значить: говорить. Слово — рѣка: „Во той во церкви пробилъ быстрый ключъ. Растворились двери, рѣка потекла... Этотъ быстрый ключъ — благодать съ неба, Растворились двери — дана намъ вѣра, Рѣка, протекла — рѣчи Божіи, Рѣчи Божіи, суды грозные (Сухомл. о Соч. Кирилла Тур. 56 — 57). Значеніе, придаваемое въ этихъ стихахъ ключу и дверямъ, — не народное, но игра словъ народна. Рѣчъ представлялась плавно (отъ плыть), подобно водѣ, текущю изъ усть; отчего-бы этому слову не быть одного корня съ рѣка? Быть можетъ слу-хъ и слово одного происхожденія со слу — слю, откуда слюна, слю-тие (Вост. Сиб.), дождливое, благопріятное для урожая лѣто. Постоянное выраженіе Срб. и Млр. Пѣсень: „тихо говорити“ (ср. Срп. пјесм. I. 12. 63 и многіе другіе); „стиха промовляти“ (Метл. см. Думы) можетъ относиться не къ слабости звука, а къ плавному теченію рѣчи. Ср. ниже предположеніе о значеніи сл. тихій, какъ эпитета Дуная и Дона.

Гаданью вѣтромъ соотвѣтствуетъ гаданье водою. У Русск. и Поляковъ водится на святкахъ дѣлать изъ орѣнечной скорлупы кораблики, вставлять въ нихъ зажженныя свѣчки и пускать въ миску съ водою: куда поплыветъ чей корабликъ, тамъ гадающему и „судьбу найти“. Это напоминаетъ гаданье Норманновъ, которые опускали съ корабля въ море чурбаны съ изображеніемъ головы Тора или другаго бога и плыли туда, куда поплыветъ чурбанъ (Gr. Mrcgch. III. 113 — 114). Извѣстно также кажется общеславянское пусканье вѣнокъ на воду. Пустившая вѣнокъ заключаетъ, по извѣстнымъ его движеніямъ, о свой будущей судьбѣ. Вѣнокъ — сама дѣвица, и, слѣдовательно, въ основаніи этого гаданья лежитъ мысль, что вода уносить человѣка.

Утопить. Утопить, утонуть значитъ вообще запропастить, погубить, погибнуть: переходъ мыслей очень естественный и очень обыкновенный въ Млр. пѣсняхъ: чумакъ говорить воламъ: „Бодай-же ви, сірі воли, у Кримъ по сіль не сходили, Що ви мою головоньку та на віки утопили, Утопили головоньку у чужую сто-рононъку“; „Ні на кого жалкувати, якъ на тебе, рідна мати, Що молодимъ не женила, въ вічну службу затопила“; „Ждала, ждала козака дівчина, Сама заміжъ пішла. Дівчинонько — голубонько, що ти наробыла, Що ти мене молодого та на віки втопила“. „Чи я въ тебе, моя мати, усе плаття поносила, Що ти мене, моя мати, та на віки затопила“, т. е. выдавши замужъ (Метл. 263, 274, 276). Въ тѣсной связи съ этимъ находится совершенно народное выраженіе Сл. о Пъл. Иг. „кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ (счастье, веселье) на днѣ Калянъ рѣки Половецкія“.

Разливъ затопляетъ землю, откуда половодье—горе: „Уже лужечки—бережечки вода попяла, Молодую Марусю журба обняла“ (Метл. 135); „Розливайтесь береги; Не втішайтесь вороги“ (*ibid.* 233), т. е. не радуйтесь, не смотря на мою печаль. Въ Словѣ о П. Иг. „тоска разліяся по Русской земли; печаль жирно тече средь земли Русской“, т. е. разлилась, какъ полая вода. Сюда-же относится сравненіе человѣка, погруженаго въ печаль, съ островомъ: „островъ въ морѣ, а сердце въ горѣ“. Разливъ—недруги, какъ приносящіе печаль: „Не полая вода на широкій дворъ къ моему батюшкѣ взлелѧла“), Взлелѧли мои недруги; Хотять они разлучить меня Съ отцомъ съ матерью, Съ родомъ съ племенемъ (Ск. Р. Н. I. 3. 163). Изъ выше-сказанного объясняется выраженіе кобзаря Архипа Никоненка: „про все мени байдуже, а кобзи якъ-би на неділю не було, такъ я и гори топлю (Зап. о Ю. Р. I. 13). Берегъ значитъ собственно гора, что видно между прочимъ изъ эпитета „крутой“ и изъ Срб. бри-

---

*) Лелѣть—течь.

јег, вмѣстѣ и холмъ, и берегъ; слѣдовательно „гори топлю“—затопляю берега. Онъ сравниваетъ свою печаль съ состояніемъ разлившайся рѣки. Дѣйствительно горе рѣки, сочувствующей страданіямъ и смерти человѣка, выражается разливомъ: „Сама-жъ я не знаю, де мій милий дівся: А чи ёго звірі зыли, а чи вінь утопився? Як-би звірі зыли, то-ї луги-бѣ шуміли, А як-би утопився, то-бѣ Дунай розлився“ (Метл. 103). Когда весною рѣки возвращаются въ берега, то убываетъ и печали на свѣтѣ, потому что весна есть свѣтъ и радость. Потому мы видимъ символическое выраженіе веселья въ слѣдующемъ двустишии, которое поется въ началѣ весны (на провесни): „Зринулася водиця зъ Дунаю, Зъ Дунаю тихого, бережку крутого“ (Метл. 294). Народная поэзія не знаетъ картинъ природы ради ихъ самихъ. Напротивъ, время разлива такъ печально, что, согласно съ вѣрованіемъ во вліяніе дня, часа и состояніе погоды на участъ родившагося, рожденный въ разливѣ будетъ несчастенъ: „Калину съ малиною вода поняла; На ту пору Матушка меня родила, Не собравшись съ разумомъ за мужъ отдала, На чужедальную на стронушку“ (Ск. Рус. Нар. I. 3. 206). Очень понятно слѣдующее изображеніе печали: „Не радъ явіръ хилитися, вода корні мие; Не радъ козакъ журитися; такъ серденько ние“. Такое-же значеніе имѣютъ опустившіяся въ воду вѣтви дерева въ Влр. пѣснѣ: „Не стой, рѣбина, по-край берегу, Не мочи вѣтвей во быстру рѣку; Не легай, соловей, одинъ во саду... Не сиди, Андріянъ, одинъ за столомъ“ (Этн. О. Ю. С. 28). Печаль здѣсь уравнивается съ одиночествомъ. Что такое значеніе зависить не только отъ наклоненного положенія дерева, но и отъ воды,—видно изъ сближенія словъ оквасити (замочить) и омразити въ слѣдующихъ стихахъ Сербской пѣсни: „бијела свило, не окваси ее! Лијепа Маре, не омрази се“ (Срп. пјес. I. 37.), а равно изъ сравненія горя женщины съ моченѣемъ конопли. Не по любви вышедшая за-мужъ говорить: „Оддала мене моя матінка, отдала заручила, Якъ зеленую коноплиночку въ озері намочила“ (Ластивка).

Разливъ, затопляя берега, препятствуетъ свиданію: „Радъ-же бъ я, милая моя, та до тебе прилинути: Заливае Дунай бережечки, та нікуди обминути. Ой прелину, прелину я Дунайську річку, (т. е. ріку); Люблю тебе, серденько, не покину до віку“ (Метл. 61). Изъ приведенного видно также, что разливъ переходитъ къ значенію препятствія вообще, какъ въ извѣстной пѣснѣ — рѣка: „Тече річка невеличка: зхочу—перескочу; Віддай мене, моя мати, за кого я зхочу“. Пере скочить рѣчу, слѣдовательно, значить преодолѣть препятствіе. Тоже и брести: „А у броду нема льоду, нема переходу; Ой коли-ж ти мене любишь, бреди чрезъ воду“ (Метл. 83). Мѣста какъ: „засвічу я свічку, перебреду річку“ (Метл. 26, 39, 40, 113, 294), изъ коихъ видно, что зажженная свѣчка—необходимая принадлежность перехода чрезъ рѣку, можно прямо отнести къ языческому обряду ставить свѣчи водѣ, извѣстному и Германцамъ. Въ упомянутыхъ случаяхъ это—смиряющая стихію жертва, подобная куску хлѣба съ солью или монетѣ, опускаемымъ пловцами въ рѣку. Наоборотъ, потокъ, котораго не перебрести, есть непобѣдимое препятствіе: „Szeroki jareczek (весенний ручей), niemoga przetynać; Przyjdzie mi, chłopczyno, dla ciebie zaginąć“ (Zejzsn. 75). Можетъ быть и такое значение разлива есть одна изъ причинъ сближенія его съ печалью.

Слеза, Ст.-Сл. сль-за, тождественно съ хорутанск. sra-ga, капля; одного корня: плакать и полоскать, мыть, Костр. мы-ни, слезы, мынить, плакать и мыть: слѣдовательно слеза—капля и вообще вода. Послѣднее находимъ въ частомъ въ Влр. пѣсняхъ: „плачеть какъ рѣка льется“; первое—въ сближеніи слезъ, росы и дождя. а) Роса раздѣляетъ со слезами свойство послѣднихъ: горечь и Ѣдкость. Въ извѣстныхъ случаяхъ она выжигаетъ пятна на растеніяхъ. Отсюда пословица: „поки сонце зайде, роса очи вийсть“. Не находя примѣровъ сближенія росы со слезами, мы выводимъ такое значение росы изъ того, что она символъ несчастья: „Що якъ моя пригодонька, якъ літняя роса: Якъ со-

нечко зійде, а вітеръ повіе,—роса опаде; Оттакъ моя пригодонька на-вікъ пропаде” (Метл. 43). Солнце, осушающее росу,—утѣшеніе; подобное же значение можетъ имѣть то, что соловей, весенняя, утренняя и веселая птица ”), отряхиваетъ росу. Замужняя женщина, удаленная отъ родныхъ, окруженная домашними заботами и печалями, говоритъ соловью: „Не щебечи рано на зорі, Да не обтруси раннї роси: Нехай обтрусти моя матюнка, До мене йдучи, одвідуючи, Ой якъ я живу, якъ я горюю” (Метл. 246). Она не хочетъ утѣшенья отъ соловья, и ждеть его только отъ матери. b) Дождь служить символомъ слезъ—печали, какъ одна изъ причинъ разлитія рѣкъ: „Говорила куна изъ куною, сидячи надъ водою”.—„А чи—жъ добре тоби, моя куночко, сидячи надъ водою”.—Поти добрѣ, поки дожчівъ немає: Дожчі пайдуть, бережечки зальютъ и мене сженуть. Говорила сестра изъ сестрою, сидячи за скамною: „Да чи добре тоби, моя сестро, сидячи за скамною? Поти мині добрѣ, поки бояръ немає, А бояре приайдуть, медъвино поппьють И мене зъ собою возьмутъ” (Метл. 221). Какъ отъ дождей—разливъ, такъ отъ бояръ разлука съ родительскимъ домомъ,—печаль. Извѣстная примѣта, что если отъ дождя вздымаются на водѣ пузыри, то нужно ждать продолжительного ненастія, объясняется слѣдующее мѣсто: „Ой на горі дощикъ, а бульбашки скачуть, А за мною молодою вси родичі плачуть. Ой

---

*) Связь соловья съ весною—въ выраженіи: „мале соловья сади розвивае” (Метл. 361); связь съ разсвѣтомъ—въ слѣдующемъ „безъ милого соловейка и світъ не світае” (ib. 5—6. Тамъ-же связь разсвѣта съ весельемъ „гуляннямъ”); щебетанье соловья и веселье: „Нема въ саду соловейка, нема й щебетання; Нема мого миленького, не буде й гуляння. Ой якъ въ саду соловейко,—щебече раненько; Якъ мій милий биля мене, гулять веселенько”; „Нехай тобі зозуленька, мені соловейко, Нехай тобі тамъ легенько, мені веселенько” (Метл. 38—39). Соловей является утѣшителемъ перепелки, слишкомъ рано оставившей „вырій” (Метл. 211—212).

на горі дощикъ, а бульбашки дмуться, А за мною молодою всі родичі бъются. Ой бийся-же ти, мій ро-доньку, бийся побивайся, Та ти-жъ мене з сёго краю та-й не сподівайся“. Разлука, значить, безъ надежды на свиданіе.

Свѣтлая вода. Быстрота воды роднится, съ одной стороны, съ быстрымъ движениемъ вообще, съ другой— со свѣтомъ. Чеш. *pramen* значить ручей и лучъ, Пол. *promień*, струя (*krew sie, leje promieniami; promień włosów*) и лучъ. Какъ съ понятіемъ ручья, такъ и струи соединяется мысль о быстротѣ, а по связи послѣдней съ свѣтомъ, и струя названа золотой: „понеси ты, матушка быстра рѣка, своей быстриной, золотой струей“ и пр. (Сиб. нагов. въ Арх. Калач. II. ч. 2.). Быстрый не только въ Срб., но и въ Рус. и Луж. Н. значить свѣтлый: „*Gledajscy tych bytſych gwiezdow... kótorąž gwiazda nejbytšej swieci*“ (Haupt. II. 39). Та-же связь воды со свѣтомъ въ словѣ лелѣять. Оно значить: а) лить, потому что лелѣти—удвоенная форма лѣяти, лити: „Разлилась, разлелѣялась по лугамъ вода вешняя: Унесло—уленѣло чадо милое отъ матери“ (Сказ. Рус. Нар. I. 3, 142); б) блестѣть: „Онъ по лугу ѳдетъ—лугъ зеленѣеть, вода то лелѣеть“ (ibid. 117); „вода лилѣе, да въ ротъ не лѣзѣ“; с) можетъ быть по связи свѣта и гладкости—ласкать, нѣжить. Можно думать, что название Лабы (См. Бусл. о Вліян. Хр. на Сл. яз.) и эпитеты рѣкъ, взятые отъ свѣта, именно: „*Ot Lubice bѣle*“ (Судъ Люб.), Чеш. *bїlý* (и *bystry*) *Dunaj*, Болг. *бѣлъ* Дунавъ означаютъ вмѣстѣ и быстроту*). Сродство воды со свѣтомъ видно и въ символическихъ значенияхъ ея. Красота и дѣвство—свѣтъ, и оттого вода символъ дѣвицы. Веселье—

*) Очень странно, зная, что очень многія вовсе не быстрыя, по крайней мѣрѣ теперь, рѣчки носятъ эпитетъ быстрыхъ, при названіяхъ большихъ рѣкъ, какъ Донъ и Дунай, встрѣчать эп. повидимому противоположные быстротѣ. Особенно ярко выступаетъ такая несообразность въ одной Болгар.

свѣтъ, откуда блескъ воды—симв. смѣха: „Idzie woda, idzie, zdaleka sie, sieje; Idzie mój Janiczek, zdaleka sie, smieje“ (Zejzna. Pieśni L. Podh.). Какъ темнота вообще, такъ и мутность воды—печаль. Самыя слова: Чен. mutny, Рус. мутный (Святъславъ мутенъ сонъ видѣ), обл. (Сиб.) мутно, Пол. smutny—smętny, Млр. смутный—невеселый получили значение печали на основаніи упомянутаго сближенія довольно обыкновенного въ Славянскихъ пѣсняхъ: „Чому въ ставу вода руда? мабуть хвиля сбила; Чомъ дівчина невесела? мабуть мати била“ (Метл. 118); „Чого ти, мила, такая, якъ водиченька мутная“ (ib. 264); „Tečie woda, tečie mutna, Přecōže si, moja mila, taka smutná“ (Pisně sw. L. Slow. w Uhr. 94); „Ticha voda, ticha, zakalilasi sa; Moje potešení, oddalilo sy sa“ (Мог. паг. р. 263), т. е. опечалила и меня и себя? Потому прозрачность и спокойствіе водъ рѣки противополагается печали: „Ты рѣкаль моя, рѣчинька. Ты рѣкаль моя быстрая! Течетъ рѣчка не колыхнется, Со желтымъ пескомъ не взмутится. Ты дитяль мое, дитятко! Что сидишь ты, не улыбнешься, Говоришь, не усмѣхнешься“ (Ск. Р. Н. I. 3, 178. Гул. Оч. Ю. С. 21). Рѣка, мутясь, выражаетъ свое сочувствіе человѣку: „Одна была родима сестрица, И та попла на Дунай рѣку за водницу. Во Дунай-ли рѣкѣ она потонула?..—Кабы она въ Дунай рѣкѣ потонула, Дунай рѣка со пескомъ возмутилась“ (Ск. Р. Н. I. 3. 205); „Какъ бывало ты (Донъ) все быстерь бѣжишь, Ты быстерь бѣжишь, все чи-

---

пѣснѣ, въ которой о тихомъ, бѣломъ Дунай говорится, что онъ несъ деревья и камни: (Дунавъ мѣтенд протекалъ, Дрѣвіе и камни влѣчѣше“, и нѣсколько ниже: „че сж фрълиль Иванчѣ. Въ тиха—бѣла Дунава“ (Безс. Болг. пѣсни въ 21 кн. Времен. 60). Не имѣло ли тихъ другаго значенія? Оно могло первоначально равняться по значенію и по происхожденію сл. тух.-тушить; это же послѣднее можетъ быть сведено къ понятію лить, такъ что „тихій“ Дунай можетъ значить: льющійся, текущій.

стехонекъ: А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь, Посмутился ты Донъ съверху до низу. Рѣчъ возговоритъ славный тихій Донъ: „Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть? Распустиль я своихъ ясныхъ соколовъ, Ясныхъ соколовъ, Донскихъ козаковъ...“ (ib. 240). Подобнымъ образомъ Влетава мутится не отъ бури, а отъ ссоры двухъ родныхъ братьевъ: Aj Wletawo, се mûtiši wodu?.. Како bych jáz wody ne mûtila, Kegdy se wadita rodna bratry...“ Слово мутить выражаетъ собственно известнаго рода движение, судя по тому, что оно можетъ значить: помавать головой: „položil jsí ny w podobienstwie wlastem: zatuscenie hlawy w fudech“. Потому въ слѣдующемъ мѣстѣ, гдѣ мутить воду, соответственно связи тьмы—тучи и вражды, клеветы, значить ссорить, вмѣсто мутить поставлено колотить, болтать: „Два голуби воду пили (любили другъ друга), а два колотили (ссорили); Бодай же тимъ тяжко—важко, що насть разлучили“ (Метл. 63). Польское kłócić, соответствующее Рус. мутить въ выражениі „zakłócić pokój“, переходитъ къ понятію ссоры въ kłócić, się kłótnia. Мутить, въ смыслѣ беспокойства, волненія, тоже приравнивается къ водѣ: „Муциць у вадзѣ, якъ маскаль у сялѣ“ (Пам. и Обр. Н. яз. и Сл. 184.).

Лить. Нерѣдко слова съ основнымъ значеніемъ литья, теченья, пе измѣняя формы, переходятъ отъ вливанья къ изливанью, или наоборотъ. При старинномъ доити, кормить грудью, которое есть причинная форма корня, означающаго пить (Шлейхеръ), находимъ новое доить, извлекать молоко. Не оспаривая, что первое дѣйствительно получило свое значеніе отъ питья, можемъ предположить, что за питьемъ есть другое, болѣе древнее значеніе—лить. Это видно изъ того, что груди, испускающія молоко, представляются плюющими, а плевать сродно съ плыть, литься. Титки коровы и подойникъ загадываются такъ: „четири панночки въ одну дучку (ямку) плюютъ“ (Заг. Семент.). Сюда же относится Сербская загадка, гдѣ въ произ-

вольно составленномъ словѣ можно распознать корень ли: „ли-тере, ли-тере (доjке) низ каменье (прси) висјеле, нит се пекле, ни вариле, сав свијет одраниле“. При сосать, вливать жидкость, встрѣчаемъ названіе грудей, изливающихъ ее: Млр. цыцька, Влр. титька, сосокъ, Пол. сусек, Кашеб. сес. Относительно сродства с и ч можно сравнить однородное съ сосать Млр. Влр. сѣять, сдѣять, Пол. szczać, испускать мочу. Отъ пить и ^{несколько} измѣненнаго корня глагола соу-ти образуются нѣкоторыя названія половыхъ органовъ, которые представляются изливающими. Какъ ни близки и естественны подобные переходы, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи они производятъ довольно странное на первый взглядъ явленіе, именно то, что отъ одного корня образуются названія для понятій другъ другу противоположныхъ: тучности и изобилія съ одной стороны—и сухости, пустоты, съ другой. Отъ су-ти, лить, идуть: Влад. сытая вода въ рѣкѣ—полная, стоящая въ-уровень съ берегами, но не переходящая ихъ; сытѣть, о водѣ: прибывать, пополняться; сытый, напр. человѣкъ, налитой, а такъ-какъ питье сродно съ ъдою, то напитанный, неголодный Арх. сытой, напр. конь, тучный, толстый, противоположный тонкому; Пол. suty напр. suto-złoty, su-ta omasta, и въ усиленной формѣ sowity, изобильный. Но тотъ-же корень образуетъ Ст.-Сл. соу-и, напрасный, т. е. порожній (ср. Пол. parгózno), тотъ, изъ котораго вытекла влага. При Пол. saçzyć, испускать жидкость, находимъ не только Млр. сѣкать, высякаться, высморкаться (ср. сѣпать, лить, и сопли), но и Ст.-Сл. сѣчи, сушить, сажнѣти, сохнуть, изсѣкать. Отъ лити—лой, сало, собствен. налитое, результатъ питья—кормленья, а отъ подобнаго и тождественного по значенію (предполагаемаго) корня лу—лы, откуда областн. (Арх., Вят., Орен., Перм., Олон.) лыва, лужка и весенній разливъ воды,—Каз. лутушки, ноги, лытки, мягкая и толстая часть ноги, лытка, окорокъ ветчины (Костр., Яр.), бедро (Ирк.), нога (Каз.).

Быть можетъ одного корня съ плю-ти, плу-ти, плы-ти (откуда Млр. плютка, ненастье, Чеш. pluta, потоки дождя, plušt, дождь),—и прилаг. полонъ, Ст.-Сл. плѣнъ, налитой, плоть, мужское сѣмя, плоть. Ст.-Сл. плѣтъ, жирное мясо и тѣло вообще, полоть—напр. сала; оттуда-же, можетъ быть Пол. płytka, Чеш. płytka, Срб. плитак, мелкій (о водѣ), Чеш. płyt-wati, не только плыть и течь, но и расточать (ср. самое рас-точ-ать). Ст.-Сл. ты-ти, Пол. tyć, o-tuły Чеш. tyti, Срб. тити, толстѣть, становиться жирнымъ, (Срб. причинное товити, распасать, дѣлать жирнымъ), съ суфф. *к* образуютъ тукъ, жиръ, а съ суфф. *х*—Пол. tusza, плотность, и Русс. туша, мясо убитой скотины, взятое цѣликомъ. Если предположимъ здѣсь основное понятіе литья, то тушить, гасить, будетъ значить заливать огонь, Пол. tuszysć, надѣяться, otucha, надежда, бодрость—заливанье огня, представляемаго горемъ, а тѣшь, тощь (суфф. *ск*)—вылившій изъ себя, и потому пустой (ср. о желудкѣ: на тощакъ, Пол. natszczo, Срб. наташте, напте, стар. Срб. на чесрѣдце, Млр. нашѣсердце), Ст.-Сл. тѣщити пѣны (см. Radic. Mikl.)—соб. изливать пѣны. Предположеніе, какъ кажется, вѣроятное, тѣмъ болѣе, что отъ тоути, ты-ти—и Ст. Сл. туу-ніе, даромъ, т. е. напрасно.

Такъ какъ величина сродна съ тучностью, что можно видѣть въ сл. плотный и въ Срб. дебео, дебелый и жирный; то Пол. duży, большой, Русс. дюжій, прежде этого, и прежде другихъ значеній (напр. здоровый, какъ въ Млр. тавтолог. выраженіи „дужъ—здоровъ“ и словѣ не-дугъ) могло относиться къ жиру. Въ этомъ удостовѣряетъ его близость къ Срб. дуга, Чеш. duha. Русс. радуга, въ которыхъ можно предполагать значеніе литья на слѣдующемъ основаніи. Пол. te,csza—радуга, тождественно со ст. тѣча, туча, изъ чего слѣдуетъ, что основное значеніе въ нихъ одно, именно, по повѣрьямъ Славянскимъ—литъе, вбираніе воды. У Словаковъ есть поговорка: rije, ако duha (Пам. и Обр. 156); у Млр.: „Веселка, красна пані (радуга, по-

связи ея со свѣтомъ) воду з криниці бере“; у Вѣлоруссовъ, Поляковъ — тоже. Въ Новгородск. словарѣ XV в. (Ск. Рус. Нар.) слово смерчъ объяснено такъ: „шіявица, облакъ, дождевенъ, иже воду отъ морѣ възимаетъ, яко въ губу, и паки проливаетъ на земля“; у Зизанія: „сморщъ, оболокъ, который съ неба спустившися, воду съ мора смокчетъ“. Слово смерчъ, заключающее въ самомъ себѣ понятія и изливанья, судя по сл. сморкаться, могло имѣть болѣе общее значеніе облака дождеваго (Ср. „идутъ сморци мыглами“ въ Сл. о Пѣлку Иг.), и слѣдовательно вполнѣ равняться слову туча (см. связь этого послѣдняго съ литьемъ въ Rad. Mikl.). Изъ сказаннаго о связи литья и жиру слѣдуетъ, что дождь можетъ приравниваться къ пишѣ, сообщающей полноту тѣлу, и къ оплодотворяющему человѣка и животныхъ сѣменн. Не даромъ плодородіе земли постоянно приводится въ соотношеніе съ плодородіемъ человѣка и животныхъ: „Од руке му ништа не родило, Руйно вино, ни шеница бела; Не имао польског беринета, Ни у дому од срца порода“ (Срп. пјесм. II, 301); въ Млр. колядкахъ и щедровкахъ, коихъ различie относится къ позднимъ, христіанскимъ временамъ *), вмѣстѣ съ плодородіемъ жены хозяина (Метл. 322), красотою, доброю славою и скорымъ замужествомъ дочери, удалю сына, славится и плодородіе скота хозяйскаго (Метл. 341), сада (340), полей (при посыпаныи говорять: „Роди, Боже, жито и пр.). Что славить, того и желаютъ. Упомянутое средство подтверждается еще слѣдующимъ:

Обливанье. Въ Курской губернії, а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ Россіи, независимо отъ обливанья на Свѣтлое Воскресенье, есть обычай во время засухи обливать другъ друга у колодца и тѣмъ вызывать дождь.

---

*) Первоначальное ихъ тождество видно и въ томъ, что „Щедрий вечіръ“, припѣвъ Млр. щедровокъ, у Карпатскихъ горцевъ и вообще у Галицкихъ Русиновъ относится и къ колядкамъ, а у Поляковъ и тѣ, и другія пѣсни — Kolędy.

Очевидно, что обливанье въ этомъ случаѣ есть обрядъ символически выражающій дѣйствіе дождя. У Сербовъ, въ засуху, одна дѣвушка, раздѣвши до-нага, обвивается травами и цветами, такъ что тѣла нигдѣ не видно. Эта „Додола“, въ сопровожденіи другихъ дѣвицъ, которыхъ поютъ вызывающія дождь пѣсни, идетъ по селу и останавливается передъ каждой избою. Каждая хозяйка выносить полное ведро воды и выливаетъ его на Додолу. Между прочимъ ея спутницы поютъ: „Ми идемо преко села, А облаци преко неба, А ми брже, облак брже, Облаци нас претекоше, Жито, вино поросише“ (Срп. пјесм. I. 113). Онѣ перегоняются съ облакомъ: оно-ль скорѣе оросить землю, или Додола будетъ облиты у извѣстной избы. Тогда-же поютъ: „Ми идемо преко села, Ој Додо-ле, мој Божо-ле! А облаци преко неба, Из облака прстен паде, Ујагми га колобоћа“ (ib). Облак въ Срб. пѣсняхъ—женихъ: „Надви се облак из-над дјевојак; То не би облак из над дјевојак, Већ добар јунак тражи дјевојак“ (Срп. пјесм. I. 2). Это поютъ, когда просятъ дѣвушку (на просидби), а когда женихъ собирается ћхать за нею: „Облак се вије по ведромъ небу И лепи Ранко по беломъ двору“ (ibid). Впрочемъ облак и вообще юнакъ: „У госпоће мајке лепу ћерку кажу; Неда је видити сунцу на месецу, Ни мутномъ облаку, ни младомъ јунаку“ (ib. 356). Перстень—символъ брака, и Додола, молящая дождя и обрученная съ облакомъ, есть земля. Оплодотвореніе стыдливо обозначено перстнемъ. Земля представляется напоеною, что видно изъ Срб. и Млр. „пјан, као земља“, опише се као земља црна“ (Срп. пјес. III. 40), „пьяный, якъ земля“. Ея обыкновенный эпитет, „сыра“ можетъ быть связанъ съ жиромъ и богатствомъ (невѣстѣ желаютъ: „будь богата, як земля“ Метл. 127, 208, 228), на слѣдующемъ основаніи: Сырой и Ст.-Сл. соуровъ имѣютъ одно значеніе: не сухой; Симб. сурофица—первый погонъ смолы и водянистый отстой въ смолѣ (ср. област. сырецъ, сурошка, деготь); р въ сырой есть сурф., приставленный

къ корню су, лить. Жиръ переходитъ: а) къ значенію довольства, счастья, какъ въ Арх. Волог. жи́ра, Волог. Олон. жи́рова, хорошее житье, довольство, Оренб. жи́риться, проводить время въ праздности (болѣзнь и трудъ сродны въ языкѣ, слѣдовательно съ отсутствіемъ труда связано понятіе благоденствія), Камч. жи́ровать, есть вдоволь и жить въ довольствѣ; б) къ значенію веселья, откуда встрѣчаемое во многихъ губерніяхъ жи́ровать, играть, возиться, щекотаться, Пенз. жи́ровня, игра съ хохотомъ, щекотня, толкотня; с) къ значенію бѣшенства, что видно изъ пословицы: „съ жи́ру собаки бѣсятся“. Значеніе веселья и бѣшенства, гнѣва встрѣчаемъ въ суровый, суровой, рѣзвый, шаловливый (разн. Сиб. губ.), и о лошади: бѣшеный, съ норовомъ (Том.), суровѣться, шалить, рѣзвиться, дѣлать что-либо безразсудно (разн. Сѣв. и Сиб. губ.) и сердиться, гнѣваться, хмуриться (Арх.), сурбиться, рѣзвиться (Волог.), горячиться (Влад.). Относительно связи шалости и бѣшенства ср. Срб. бијес въ выраженіи „отишао у хајдуке од бијеса (отъ нечего дѣлать, изъ шалости) или од невоље?“ и Рус. шальной, Пол. szalony, бѣшеный. Если припомнить связь Славянского корня сур съ жидкостью, то можемъ заключить, что суровъ, заключаетъ въ себѣ не понятіе свѣта (Mikl Rad.), а влаги, и, такъ-какъ Волог. волога—масло, то и понятіе жира. Слѣдовательно „сыра земля“ значитъ тучная, жирная, обильная; но земля—мать (мать сыра земля), а потому сыра можетъ значить: оплодотворенная дождемъ, какъ женщина съменемъ. Возвращаясь къ Додолѣ, нельзя не замѣтить, что предположенное нами ея тождество съ землею можетъ не безъ основаній быть заподозрѣно; но сходство съ землею безъ сомнѣнія есть.

Обсыпанье. Въ Далмациѣ мѣсто Додолы, дѣвицы, занимаетъ молодой и неженатый парень, котораго зовутъ прпаци; товарищей его называютъ прпорушѣ (мн. ч.). Трудно сказать навѣрное, какъ древня эта замѣна женщинъ мужчинами, и связана ли она съ перемѣнью

представленій о посылающемъ дождь божествѣ. Самый обрядъ не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ приведенного выше: также одѣваютъ „коловоу“ зеленью, обливаютъ его и поютъ о плодородіи женъ и полей: „Прпоруша ходиле, Терем бога молиле, Да нам даде кишицу, Да нам роди година, И шеница бјелица, И винова лозица, И невеста ћетића До првога божића“. Женскій родъ слова прпоруша говорить въ пользу большей древности Додолы. Дѣвицы могли быть устранины влѧніемъ христіанства. Самое слово прпоруша, не смотря на свою близость къ Ново-греческому πυρπυροῦν, можетъ быть объяснено средствами Славянского языка. Какъ литье переходитъ къ сыпанью и самое сыпать употребляется въ значеніи лить (въ Млр. Срб.), такъ прахъ въ Чеш. prch, prš—дождь pršeti—дождить, Рус. прыскать и брызгать, относится къ литью же. Общее между пылью и дождемъ—ихъ мелкость, что видно изъ Млр. дрибен дощ, Чеш. drobný dešť, sitno pršeti, Срб. ситна киша. Но въ словахъ прах и prch x есть суффиксъ; слѣдовательно Срб. прпор=прпа, зола смѣшанная съ водою и просто песокъ, могутъ намъ представляться такими же удвоеніями корня пра—пръ, какъ Чеш. plapolati и Ст.-Сл. гла-гол-ати—корней пла, гла (ср. пла-мя, гла-съ). Соответствующее, по формѣ, слову прпор—прпоруша, можетъ значить обливаемая, обсыпаемая.

Дѣйствительно, сыпанье, по символич. значенію, вполнѣ соотвѣтствуетъ обливанью. Когда наканунѣ свадьбы мать невѣсты обсыпаетъ будущаго своего зятя зерномъ, передъ тѣмъ, какъ онъ войдетъ въ избу, то дружки поютъ: „Ой сипъ, матінко, овесецъ, Щобъ нашъ овесецъ рясенъ бувъ, Щобъ нашъ Юрасъко красенъ бувъ; Ой сипъ, матінко, пшеничку, Шобъ наша пшеничка рясна була, Шобъ наша Маруся красна була“ (Метл. 192). Оставляя въ сторонѣ соотвѣтствіе между рясенъ и красенъ и между овсомъ и женихомъ, пшеницею и невѣстою, мы обратимъ вниманіе только на то, что обсыпанье имѣеть здѣсь двойное назначеніе: чтобы хлѣбъ

родился колосистый и чтобы сохранялась красота (и здоровье) молодыхъ. Та-же двойственность значенія соединена съ посыпаньемъ на Новый годъ, какъ это видно изъ Рождественскихъ и Новогоднихъ пѣсень. Каша, по основному понятію, которое сохранилось въ названії мелкихъ дѣтей кашею и въ выраженіяхъ, какъ Чеш. „на kaši rozbiti“, значитъ растертое на-мелко зерно (см. ниже: касать—драть, рвать, а дѣлать крупу—драть, рвать, какъ видно изъ словъ: круподерня, крупорушня). Черезъ понятіе мелкости, она роднится съ сыпаньемъ, а чрезъ это—съ изобиліемъ и плодородіемъ. Въ Сербіи варятъ кашу (варица) изъ разнаго зерна наканунѣ Варвары Великомученицы (подъ 4 декабря), и смотря потому, какою корой она покроется, предполагаютъ, что она сулить на слѣдующій годъ урожай, богатство или смерть. Въ Нокѣ этой варицей посыпаютъ воду, говоря: „Добро утро, ладна вода! ми тебе варице, а ти нама водице и јарице, јањице и мушке главице и сваке срећице“. Воротившись отъ воды, посыпаютъ варицею по избѣ, говоря: „оволико људи, волова, бродова, коња, улишта, пила, коша, де се плоди плодъ и род“. Потомъ посыпаютъ ю ульи, отгоняя отъ пчель урокъ (Спр. Рјечн., подъ „варица“). Кутя наканунѣ Рождества, обычай не только общеславянскій, но и Германскій (Grim. Märch. III, 183—4), есть остатокъ жертвы, имѣвшей отношеніе къ плодородію женъ и полей; Курское название втораго дня Рождества—бабы каші очень подходитъ къ извѣстіямъ о томъ, что „бабы каши варятъ Рожаницамъ“ и вообще о „трапезахъ котѣныхъ“ Роду и Роженицамъ (Срезн. Роженицы у Слав. и пр. Арх. Калач. кн. II, пол. I). Прибавимъ, что такія трапезы, вѣроятно, ставились не только Роду, но и отцу. Теперь въ Малороссіи, замужняя дочь, когда рождается у нея дитя, посыпаетъ своему отцу „узваръ“ (З. о Ю. Р. II, 24); на богатый вечеръ дѣти носятъ крестному отцу вечерю, въ которую непремѣнно входить кутя и узваръ. Замѣтимъ также, что есть Слав. сказки, очень близкія къ

Нѣмецк., о чудесномъ горшкѣ, который варить капи столько, сколько нужно, и который, если не остановить его, зальетъ кашею домъ, улицу, село;—къ подобной же Индійской о горшкѣ; куда положить зерно рису, и будетъ ъды въ волю (Grim. Märch. II, 90). Сродство пон. множества съ сыпаньемъ—литьемъ выразилось между прочимъ въ двухъ сл.: бурунъ (Арх. и др.), множество чего нибудь, оть бурить, лить, откуда буря, собств. дождь проливной, и Срб. буре, ведро; кишѣть напр. о муравьяхъ, которые, какъ увидимъ, сродны съ богатствомъ, тождественное по происхожденю киснуть, мокнуть, и Срб. киша, дождь.

Туча можетъ имѣть не только благотворное, но и пагубное дѣйствіе на землю, хотя непохожее на то, какое оказываютъ облака—корабли Германцевъ, забирающіе въ себя жатву съ полей. Мнѣ неизвѣстны никакіе слѣды сближенія облаковъ съ кораблями, а что до вреднаго значенія облаковъ, то есть Лужицкое повѣрье, что если дождь идетъ, когда молодые ъдутъ къ вѣнцу, то невѣстѣ придется много плакать замужемъ, а если тогда, когда ъдутъ изъ церкви, то молодая будеть жить въ счастьи и довольствѣ (Haupt. II, 258). Въ этомъ повѣрье, дождь, какъ начало оплодотворяющее, противополагается дождю же, принимаемому въ смыслѣ слезъ, горя.

Разливанье, разсыпанье. Сюда-же относится, повидимому, разливанье воды и разсыпанье въ собственномъ смыслѣ, какъ символы потери, разлуки, печали: „Ой пий, мати, тую воду, що я наносила; Люби, мати, того зятя, що я полюбила.—Ой не буду води пити, буду розливати; Нелюбого зятя маю, буду розлучати“. (Метл. 72); „Не розливай, мати, води, бо важко носити; Не розлучай мене зъ милимъ: не тобі зъ нимъ жити“ (ibid. 73). Такое-же значеніе имѣтъ разсыпанье: „Було въ мене три орішки, та всі роскотились; Було в мене три женихи, та всі поженились“, слѣдовательно оставили ее; „Стрішки (?)—орішки котяться (=разсыпаются); Чого-сь наші бояре смут-

тяться“ (ibid. 191); „Oj bryznuły zstriszkie—woriszke po stoli, Oj zajrzały woroni konyke na podwiru; Oj ne daj mene, mij bateńku, wid sebe; Szczem ne schodyła rutiancho winoczka w tebe“ (Z. P. I, 119). „Брызнули“, разсыпались, соответствует предстоящей для новобрачной разлуке съ отеческимъ домомъ. Жемчугъ—символъ слезъ; потому „сыпахутъ ми... великий жемчугъ на лоно“ (Сл. о Пыл. Иг.) слѣдуетъ, кажется, понимать въ смыслѣ разсыпанья, какъ въ слѣдующемъ: „Ты разсыпся, крупенъ жемчугъ, По атласу, по бархату, Что по той парчѣ на золотѣ! Какъ расплачется свѣтъ Прасковья душа“ и пр. (Ск. Рус. Нар. I, 3, 198). Въ Сербскомъ причитаны за мертвымъ тотъже мотивъ, только выраженный весьма темно, соединяется съ другимъ, именно—собираньемъ разсыпаннаго: „Просую се бисерь по грохоту, Ма се саже Йокичина мајка (мать умершаго), Јадна мајка и тамна љубовца, Да покупе бисер по грохоту; Из грохота удари ихъ змија, која им је очи извадила“ (Ковч. 105). Вообще собиранье разсыпаннаго—трудное дѣло и символъ горя. Такое значеніе горя имѣютъ и овцы, когда онѣ не „роятся“ и не собираются въ стадо (совокупность согнанныхъ въ кучу животныхъ; ср. о-тара и Срб. ѡерати), а равно и собиранье ихъ: „Роспустивъ вівчарь вивці та по крутій гірці; Мені-ж буде тяжко-важко, якъ ти пійдешь відсиль. Ой розпустивъ вівці, тай не позбираю; Мені-ж буде тяжко-важко, Якъ тебе згадаю“ (Метл. 108). Сказочный пріемъ, по которому собиранье разсыпаннаго маку, бисеру, какъ дѣло трудное для человѣка, поручается птицѣ, встречается въ слѣдующей пѣснѣ: „Ой ходила дівчинонька по городу, Та сіяла дрібній макъ изъ приполу. „Ой якъ мині сей дрібній макъ позбрати? Ой якъ мени та свекорка називати? Позбіраю дрібенъ мачокъ сивимъ голубцемъ; Назову я та свекорка ріднимъ панотцемъ“ (Метл. 160). Какъ трудно собирать посѣянный макъ, такъ трудно назвать свекра роднымъ отцемъ.

Наконецъ, разливанье и разсыпанье (ср. на-pras-но)

символы всего тратимаго попусту, нестоющаго, что видно въ значеніи слюны. Слюна расточается, разсыпается, какъ деньги, которыя такъ-же ничтожны, какъ она, и такъ-же катятся, потому что круглы: „Твоі гроші якъ та слина, А я дівка, як калина; Твоі гроші розкотятся, ти не діждешъ посміяться“. Брату невѣсты, когда онъ продаетъ сестру, поютъ: „Uczysia tarhowaty, Jak sestru spredawaty! Hrosz-słyyna, sestra—myła Bratykowi swojomu“ (Wójc. II, 124). Ср. Соу-и, тоу-ніє и на-pras-но.

Облако. Возвращаемся къ облаку, о которомъ мы упоминали прежде, какъ о замѣнившемъ другое, неизвѣстное намъ слово мужскаго рода, имѣющее связь съ литьемъ и дождемъ. Облако (Срб. облак и Пол. obłok—муж. рода), по собственному значенію, сближается съ тканью, что видно между прочимъ изъ выражений, какъ: „Бојна копља, као чарна гора, Све барјаци, као и облаци“ (Срп. пјес. II, 313). Но облако—пары, дымъ, а потому тонкая ткань сравнивается съ дымомъ: „рубочокъ, якъ димъ тонесенькій“. Ткань—символъ покрыванья; оттого въ Польшѣ, когда покрываютъ молодую („podczas osczepin“; Пол. osczepinу, серіпу, Крак. Маз., одного корня съ чепецъ и Млр. очипок), поютъ: „Przykryło, sie, niebo obłokami, Przykryła sie, Marysia rąbkami“ (Wójc. II, 77). Значеніе самого покрыванья можно видѣть изъ слѣдующей пѣсни, которую поютъ въ то время, какъ двѣ свахи надѣваютъ на новобрачную „намитку“: „Яжъ тебе, сестрице, напинаю, Щастіемъ здоровьемъ наділяю: Будь здорова, якъ вода, А богата, якъ земля, А пригожа, якъ рожа“ (Метл. 208). Покровенѣе, слѣдовательно, символически изображаетъ здоровье, богатство и красоту. Та-же связь покровенія, изобилія и красоты выражается, если не ошибаюсь, въ слѣдующемъ. Сравнивая слова: ряса (вѣроятно одежда вообще, какъ порты), Пол. rzęsa ресница, Млр. ряска и Пол. rzasa, мелкое растеніе, покрывающее стоячую воду мы находимъ въ нихъ, если не основное, то про-

изводное значение покровенія. Кашебская поговорка: „*gęsti, jak rząsa*, съ ряской соединяетъ понятіе густоты, отъ коего могло произойти значение изобилія въ Млр. рясный, напр. „*wiśnien ręsno*“, т. е. дерево покрыто вишнями, и въ Пол. *rzesisty*, напр. „*Mój warkoczuły zlocisty! Urósl žeś mi rzesisty*“. Въ Чеш. *řasa*, складка платья, и въ *řasno*, бахрома, предполагающемъ Ст.-Сл. *ರಾಸ್ಯಂ*, откуда *ರಾಸ್ಯ*, обшитый бахромою, въ Чеш. *řasity*, *řasný*, *řasnaty*, богатый складками, видна мысль о связи платья и украшения. Въ Чеш. *řasna*, украшение изъ драгоценныхъ камней, въ Млр. выраженияхъ „*ärjasytъ* (украсить) коровай, ельце“, у Памвы Бер. въ переводѣ Слав. въ лѣпоту черезъ въ рясноту,— видно болѣе далекое отъ первоначальнаго значенія понятіе красоты. Особенно ясно соединеніе въ Млр. рясный значеній: покровенія, богатства и красоты въ словахъ, влагаемыхъ думою въ уста Хмельницкаго: „*Якъ дастъ Богъ, що прииде весна красна, Буде вся наша голота рясна*“ (Зап. о Ю. Р. I, 54). Здѣсь именно голь противополагается богатству вообще и покровенію въ особенности. Связью красоты и любви объясняется, почему Млр. ряска (водяное растеніе)—символъ любви, а отбиванье ряски отъ берега—утрата любви, расположенія: „*Ой одбивае од берега шука-рыба ряsku; Утеряла дівчиночка у козака ласку. А я жъ тую дрібну ряsku зберу у запаску; А в-вечері козакові підійду підъ ласку*“ (Метл. 8).

Листья. Дерево покрывается листьями, какъ человѣкъ платьемъ: „*Oj dubrowo, ta dubrowońko! ty dobroho pana mejesz, Szczosia w odnym roku Troma barwy pryodiwajesz: Odna barwa zeleneńka — wsemu switu myleńka; Druha barwa żouteńka — wsemu switu sumneńka Tretia barwa bieńka — wsemu switu studeńka*“ (Z. Р. I, 44). Пол. *bargwa*, не только цвѣть, но и ливрея (такого цвѣта, какъ поле герба) и платье вообще, такъ что Памва Бер. Ст.-Сл. *риза* объясняеть словомъ *барва*. Всему свѣту мила зеленая одежда ду-

бровы, по связи съ весною, свѣтомъ и весельемъ. Зеленое платье дѣвицы имѣть отношеніе къ близкому ея выходу замужъ: „O mój Jasiczku kleinocie! Chodziłam przy tobie w złocie“—Oj teraz bѣdziesz w zieleni: Pojdziesz-ci zamąz w jesieni, (Wojc. II. 316. Ср. Метл., 333). По этому покровеніе, какъ символъ брака, изображается и облакомъ, и зеленою листьевъ: „Przykryło sie, niebo obłokami, Przykryła sie, Marysia rąbkami. Okrył się jawor zielonym listkiem, Młoda Marysia biełuchnym czereńkiem“ (Wojc., II. 77). Сближеніе дѣвицы съ явромъ—позднее, и въ Млр. пѣсняхъ символическое значеніе явора всегда соотвѣтствует грамматическому роду этого слова, какъ и въ слѣдующихъ стихахъ Моравской пѣсни: „Siroky list na javoře, Hezky synek pole oře, Oře, oře, a i seje, Hezke devča sobě vede“ (Mor. Nar. P. 430). Дерево развивается—NN женится, хотя странно, что покровеніе, если только оно лежить здѣсь въ основаніи, относится къ самому молодому: „Не развивайся, сухій дубе; Завтра морозъ буде: Не женися, молодый козаче: завтра походъ буде!—Я морозу не боюся: таки розівьюся; Я походу не боюся: таки и оженюся *) За тѣмъ, по обычному переходу отъ любви и брака къ битвѣ и смерти, развиваться—биться: „Ой на горі явронько зелено розвився; Козаченько з товарищемъ за дівчину бився“.

На-оборотъ, опаданье листьевъ сравнивается съ раз-
лукой: отношеніе къ развиванью то-же, что разливанья къ литью: „Ой піду я. у садочокъ, ажъ листъ опадае; Порадъ мене, подруженько: женихъ покидаете!—Ой ти руто, ой ти мъято, ой ти зелененъка! Не журися, дівчинонько, ще ти молоденька. Ой хочъ же вінъ опадае, та ще зелененъкій; Сей покине,—другій буде, ко-

*) Морозъ сближается съ войною, потому что война на-водить печаль, коеи символъ морозъ. Такъ и въ Лужц. пѣснѣ: „Runupm tym polu je wulka zyma, Wo rjane hol u je wulka wojna. Nech je ta zyma tak wulka, haé'ce Pšecy so weselje kholícy dže. Nech je ta wojna tak wulka, haé'ce, Swojej so lubki níd' newostaju“ (Haup. I, N 157).

закъ молоденький“. Тоже въ Болг. пѣснѣ: „Янка прѣзъ горж минува, Прѣзъ горж прѣзъ крушёвенѣ, Съсь крѣ-
шевъ листецъ свирѣше. Листецъ свири—говори: „Го-
ро-ле, горо зелена, И ти, водо-ле студенна! Чернѣй,
горо, чернѣй, джянамъ, Двама да чернѣй ми: Ти за зе-
ленъ листецъ, черно горо, И азъ запѣрво либе“ (Безс.
Болг. пѣсни. Врем. кн. 22. 82), т. е. чернѣй, печаль-
ся вдвойнѣ (двами), и за себя, потому что ронишь зе-
леный листъ, и за меня, потому что я потеряла перва-
го милаго.

Рой. Въ значеніи роя пчель находимъ то-же соеди-
неніе понятій густоты, изобилія, красоты, покрыванья,
какъ и въ ряска, рясить. Съ роемъ сравнивается многолюдство и вообще многочисленность чего бы ни бы-
ло. Такъ, въ заговорѣ XVII в. на счастье въ торговлѣ,
говорилось: „Какъ пчелы ярыя роятся да слетаются,
такъ бы къ тѣмъ торговымъ людямъ купцы сходи-
лись“. Это наговаривали на медъ и тѣмъ медомъ ве-
лѣли умываться (Альм. Комета. Забѣл. Сыскн. дѣла и
пр.), подобно тому, какъ въ Польшѣ въ XVI ст. кропили
кабакъ или лавку отваромъ муравейника, который—то-
же символъ многолюдства, чтобы завлекались въ нихъ
и роились покупщики. Лужицкая пословица относить-
сл. роиться къ имѣнію, богатству: „компѣ жону mrѣja,
а коне steja, temu so kublo roji“ (Пам. и обр. 287).

Рой—символъ молодого и поѣзданья. Въ Бѣлорус-
сіи, когда женихъ собирается съ боярами въ домъ от-
да невѣсты, поютъ: Собрався раѣчакъ, Да уцѣмны
куточакъ, Хочець шалецѣцъ на щирые бары, На жов-
ты цвѣты, На салодкіе мяды; Сабрався NN (женихъ)
зъ сваей дружиной, Хочець йонъ паѣхашъ, Тесценъ-
ку зваевацъ, NN (невѣсту) къ сабѣ взяцъ“ (Пант. 1853.
№ 5. Бѣлоруссія и пр. Шпилев.). Въ Млр., когда за-
водятъ жениха за столъ и сажаютъ рядомъ съ невѣ-
стою, поютъ: „Ой вився рій, вився, Та хотівъ політіти
На Юрасеву (имя жениха) сосну, А Юрасева сосна тон-
кая та високая, Тонка та кудрявая, На пчоли прида-
лая“ (Мѣтл. 195). Можно думать, что рой здѣсь—сим-

волъ самого жениха, или по крайней мѣрѣ покрыванья невѣсты, что видно изъ слѣдующаго обычая. Когда на-дѣнуть „очипок“ на молодую и прежняя ея подруги начнутъ пѣть: „Ой погано, Марусю, погано! Скинь чепець шідь столець“ и пр.; то княгиня быстро срываетъ съ себя чепець и бросаетъ его подъ столъ, что повторяется до трехъ разъ. Но покрыванье молодой сравнивается съ роемъ, садящимся на дерево, а потому княгиня, показывая презрѣніе къ головному убору замужнихъ женщинъ, тѣмъ самымъ не хочетъ, чтобы садился рой; потому то, если отецъ или мать ея имѣютъ пчелъ, то просятъ, чтобы не скидала чепца, не то—не будутъ садиться рои (Метл. 209.). Что до значенія красоты; то оно нѣсколько сомнительно. Оно основывается на соотвѣтствіи съ рясить и на сближеніи словъ роить и строить, при чемъ послѣднее принимается въ смыслѣ: готовиться. Готовиться и украшаться—понятія родственныя, какъ видно изъ Рус. рядиться, одѣваться, и нарядить отправить, снарядить—приготовить, напр. въ дорогу;—изъ обл. скрутиться, окрутить, покрутить, убрать невѣсту, Волог. скрута, головной уборъ невѣсты послѣ вѣнчанья и приданое ея, покрута (уборъ)—синонимъ покрасы, и Тамб. скручаться и др.—снаряжаться готовиться; Пол. stroїć się, наряжаться, Млр. Зап. строиться—готовиться, какъ и въ слѣдующемъ: „Jak sia pczołońki, rojat‘, Tak sia bojare strojat‘, Jak pczoły na leszczynońku, Tak bojare na cziujońku (Žeg. P. I. 70. 86. 129).

Вить и вязать. Приступая къ замѣчаніямъ о символическомъ значеніи нити и ткани, предварительно разсмотримъ въ нѣсколькихъ словахъ тѣ представления, которые соединяются съ нитью и тканью. Нѣкоторыя слова, означающія нить, заключаютъ въ себѣ понятіе витья, свиванья и переходятъ къ значенію ткани. Отъ одного корня съ сучить, сукать, крутить,—Хор. sukanç, нить, общеславянское сукно, Пол. suknia, Чеш. sukňe, платье, Пол. suka, треугольная, обыкновенно красная пелеринка Краковской свитки, Русс. Пол.,

Бол. сукмана, въ которомъ вторая половина означаетъ шерсть. Отъ вить—свита, въ Млр.—только верхняя одежда, въ Хорут. (switice, гаће)--только нижняя, въ Срб.—извѣстное украшение одежды (clavus саeruleus aut ruber), а въ Хорват. и старииномъ Сербскомъ—одежда вообще; послѣднее значеніе безъ сомнѣнія древнѣе, чѣмъ всѣ частныя, подобно тому, какъ стариинное порты, платье, древнѣе теперешняго портки, Пол. portki. Ни въ сл. сукно, ни въ свита нѣть ничего, что-бы приурочивало ихъ къ одной только ткани; они могли бы означать и нить и, вѣроятно, означали. При с-ви-та находимъ с-ви-ла, которое въ Срб.—шелкъ, въ Хорут.—проволока, слѣдовательно въ стариину—нить. Свила можетъ относиться къ ткани, какъ обл. Влр. скрута, головный уборъ невѣсты, могло бы—къ нити. Самое нить, имѣющее теперь одно значеніе, переходило и къ ткани, судя по Арх. разнититься, раздѣться если только слово это не значитъ собственно раздѣться до нитки. Такое тождество нити съ тканью объясняется очень естественнымъ сближеніемъ витья съ плетеньемъ и тканьемъ, которое, принимаемое въ собственномъ смыслѣ, позже плетенья. Плетенье предполагаетъ гибкость материала, почему однимъ корнемъ, переходящимъ къ плетению, означались разнородные гибкие предметы: при вить стоять: Вят. витвина, стебли корнеплодныхъ растеній, вица, вичка, прутъ, розга (во мн. губ.) вѣтвь, потомъ чрезъ понятіе плетенья—вѣнь (ср. Арх. Костр. витень, плеть) и Орл. повѣть, лѣтнее жилье, построенное изъ плетня; одного корня съ нить—Арх. нетина, то-же что витвина, а можетъ быть и Пол. паѣ, то-же. Отъ корня си—сило, конскій волосъ, изъ котораго скручиваютъ поводокъ удочки (Шерм.). Ст.-Сл. ситніе, Пол. sitowie, ситникъ, болотное растеніе, а черезъ вязанье и плетенѣе—сило-силокъ, си-то, рѣшето, и сѣть, которое Павма Бер. объясняетъ черезъ сило. Какъ Срб. влас—извѣстная порода льна, что не чуждо и Русс. языку и предполагается областнымъ (Влад. Костр.) волоха, рубаха,

такъ, наоборотъ, ленъ можетъ значить шерсть, какъ видно изъ Хорут. linitise, Срб. линјатисе, терять шерсть, волоса *). Какъ жила переходитъ къ значенію веревки, откуда Срб. жилити, вязать известнымъ образомъ, такъ наоборотъ отъ свила, нить, — Яросл. свилёватый, жилистый, а отъ значенія нити, веревки, предполагаемаго въ словѣ ленъ, въ Камч. это слово переходитъ къ значенію жиль, идущихъ по обѣ стороны шейныхъ позвонковъ. Усиленный корень сл. ленъ, Ст.-Сл. лѣнъ, образуетъ съ суф. с (ср. часть, гласъ) слова: лѣса, плетеный шнурокъ уды, Серб. лѣса, Кур. лѣска, плетенка изъ прутьевъ, Млр. лиса, плетень. Вязанье переходитъ къ значенію не только связной, скрученной или вяжущей веревки, но и узла. Одного корня съ вязать — Влр. вѣсло, Млр. перевѣяло, скрученная изъ соломы веревка, которой вяжутъ споны, Твр. вѣзло, сумка съ известнымъ сна добьемъ, навязываемая на шею передовой коровы, для предохраненія стада отъ звѣрей (слѣдовательно пауза), и узелъ, собств. вяжущее г-ужъ (ср. г-усеница), петля у хомута, которой прикрѣпляется дуга къ оглоблѣ, въ областныхъ говорахъ (Арх., НовГ.) — петля, замѣняющая уключину! Узда — слово несложное изъ вѣзъ и дѣти, какъ полагалъ Миклошичъ, а простое, со звуками эд, ставшими на мѣсто коренного д, какъ въ гнѣздо; оно близко къ Пол. wѣdzidлo, Чеш. vѣdido, удило, и къ слову wѣda, уда, которое можетъ относиться собственно не ко крючку, а къ лѣсѣ. Близость корня жд къ вѣз показываетъ, что узда — веревка или узелъ, петля. Пол. powrѣz, Млр. поворозокъ, Срб. повразити и другія того-же корня, съ основнымъ понятіемъ вязанья переходятъ къ плетенью въ Русс. верзти, откуда Арх. верзни, лапти, и къ узлу въ Серб. врж, узель на деревѣ, сукъ. Перм.ничей,ничейка, петля у мережи, по всей вѣроят-

*) Русс. линять, кроме этого, значить и терять цветъ, по связи линяния животныхъ и перемѣны цвета ихъ шерсти.

ности одного корня съ нить. Такимъ-же образомъ путо значило прежде веревку, какъ видно изъ Яросл. опутина, нити, привязываемыя къ верхнимъ угламъ и серединѣ бумажнаго змѣя. Нити эти зовутся еще путлями, а путля, по формѣ, соотвѣтствуетъ слову петля, гдѣ е изъ я. Языкъ распространяетъ завязыванье и на замыканье, сохраняя тѣмъ память о старинной простотѣ быта. Одного корня со Ст.-Сл. врѣти, заключать, замыкать,—слова, означающія веревку, плетенье, ткань; вервь, Камч. поборъ, родъ веревки, обора, веревка вообще (Костр.) и шнурокъ, которымъ привязывается лапоть къ ногѣ, свора, равное по основному значенію своему уменьшительному шворка; Пол. wóг, Русс. ворохъ могли произойти отъ понятія заключать, но Ст.-Сл. врѣтище, власяница, ст.-Чеш. vreсе, cilicium, vestimentum ex pilis capraram (Вадер.)—скорѣе отъ плетенья. Замокъ, замыкать предполагаетъ значеніе завязывать, сохраненное въ смыслѣ (свора), Серб. замицати, закинуть веревку, напр. на шею волу, Срб. замка, живая петля, въ Чеш. smečka, лента, петля, узель, по первому значенію, соотвѣтствующемъ Польскому ws-tęga, Чеш. s-tužka и пр. при Чеш. s-tužiti стягивать. Изъ всего сказаннаго можно заключать, что гибкость, витѣе, плетенье, вязанье и замыканье должны имѣть сходныя символическія значенія.

Тонкое дерево. Малое представлялось народу моло-дымъ и красивымъ *); тонкость, извѣстный видъ мало-

*) Какъ мелкій отъ одного корня съ молоть, а названія крошки, малости имѣютъ при себѣ глаголы со значеніемъ измельчать, напр. Срб. трина—тереть, Олон. сùрушка—руншать, напр. крупу, кроха-крушить, крошить, нарѣч. трóха, трóхе, трóхы—трощить, ломать на мелкія части и расточать; такъ и слова малъ, милъ, будучи видоизмѣненіями того корня, что въ млѣти, имѣли вѣроятно одно общее значеніе разбитаго, размолотаго, мягкаго, потомъ малаго. Отъ этихъ значеній сл. милъ перешло къ красотѣ, любви и состраданію, горю. Молить, собств. растирать, потомъ умягчать, умилостивлять, от-

сти, а потому и она переходит къ значеню красоты, что выражалось въ обычныхъ выраженіяхъ Болгарскихъ пѣсень, гдѣ тонкій значитъ прямо прекрасный: „тѣнка пушка, саба“; красота женщины обозначается ея стройностью: „тѣнка снага“ (совокупность всѣхъ членовъ, Пол. postač): „либ... на снагѣ тенко-високо“ (Бес. Болг. п. Врем. кн. 22. стр. 51, 71 и др.); поэтому причина, по коей стебель, вѣтка, дерево служатъ символами дѣвицы—ихъ тонкость и гибкость, принимаемая въ смыслѣ красоты. Въ Млр. пѣснѣ тополь, въ которую обращена невѣстка злу свекровью — „Тонка та висока, та листомъ широка; Безъ вітроньку мае (качается), безъ сонечка сяе“ (Метл. 286). Сербская красавица — „танка је како и шиблѣнка, а висока, како оморика“ т. е. сосна (Срп. щес III. 267). Ель, любимый въ Серб. пѣсняхъ образъ красоты, обыкновенно — „танковрх“ , „танка-поносита“ или „вита јела“. Согласно съ послѣднимъ эпитетомъ, принимаемомъ въ смыслѣ гибкости, самое сл. ель сближается съ витьемъ, такъ что Млр. свадебное деревцо, символъ невѣсты, вільце, имѣеть и другую форму: ельце. При хвоя. Пол. choina, есть глаголь chwiać się, шататься (въ Азбуковнику хвѣюся, волнуюся, влаюсь). Въ Тамб. губ. хвоя, вершины или вѣтви срубленныхъ деревъ всякаго рода; слово „срубленныхъ“ не имѣеть основанія въ собствен. значеніи хвои, но значеніе вершины объясняется тѣмъ, что верхъ — самая

носится къ тому-же корню (Бес. Врем. 22. 111—112). На этомъ основаніи риемуются въ Млр. пѣснѣ слова млинъ, мельница, мелющая, миль, и сближаются понятія — молотъ и вызывать умоляя: „Закотилось сонечко за новенький млинъ. Цілуються, милуються а хто кому миль“ (Метл. 317), „Ой млинъ меле, Ой млинъ меле не колесомъ, листомъ (?) ; Викликае козакъ дівку не голосомъ, свистомъ: Вийди, вийди, дівчинонько, моя не чужая! Війди, війди, дівчинонько, потіхомъ ти моя“ (ibid. 116.). По связи просить и спрашивать, сближаются молотъ и пытать (ср. Ž. Р. 11. 199.).

гибкая часть дерева, почему и сравнивается съ дѣвицей—дочерью: „Стой, яблонка, вѣкъ безъ верха; Живи, моя матушка, вѣкъ безъ меня“ (Ск. Рус. Нар. I. 3, 149); „Стой, рябина, безъ верху: Живи, батюшка, безъ дочери“ (Гул. Оч. Ю. С. 6, 43). Серб. лоза имѣеть такой-же эпитетъ, какъ и ель: вита лоза, что выражается однимъ словомъ павит, павитина, дикая виноградная лоза: по этому и лоза, виноградная ли, какъ въ Серб. пѣсняхъ, или верболозъ, какъ въ Малорусскихъ, есть символъ женщины.

Нить. Вѣтвь роднится съ нитью общимъ той и другой свойствомъ гибкости: Срб. жица, област. жичка, нитка, и Рязан. жичика, хлысть, пруть, розга, жичить, бить, сѣчь, Тамб. жикать, стегать кнутомъ или прутомъ; Новг. с-трощать, ссучивать, Пенс. выстрагстить, ссучить, сродно съ трость (ср. Серб. „танак као трст“) и Чеш. trestati, наказывать, т. е., вѣроятно, первоначально—бить. Потому гибкость слѣдуетъ считать причиною сближенія нити, ткани и женщины, дѣвицы: „Што се оно у планини сјаше? Је ли свила међу свиларима? Али злато међу златарима? Али свита међу терзијама? Али маре Међу ћеверима?“ и дальше (Срп. пјес. I. 37); „Бијела свила по мору плила. Бијела свило, не поквасисе! Лијепа маре, не омрази се“ (*ibid.*). Можно думать, что въ слѣдующей Петровочной пѣснѣ бѣлая пряжка—символъ самой дѣвицы, которая ее бѣлить. Пряжка раздѣляетъ участъ самой дѣвицы: она тонка и бѣла, если та выйдетъ за милаго и будетъ любима; толста и не бѣла въ противномъ случаѣ: „Ой горе, горе, сухій дубе! Паше поблажа черезъ води, Ой черезъ води на слободи, Де Катерина біль білила, Зъ тонкою більлю говорила: „Ой беле жъ моя тонка біла! Якъ я тебе убілила! Ой якъ я піду за милого, Тоя тебе, беле, въ шовку потчу, То я тебе, беле, въ будень зношу“. Затѣмъ повторяются первые четыре стиха и слѣдуетъ: „Зъ Товстою більлю говорила: „Беле-жъ моя товста не біла! Ой якъ я піду за нелюба, то я тебе, беле, въ чернітъ потчу,

То я тебе, беле, въ свято зношу". Чернитъ — черная шерстяная пряжа и плахта изъ нея. Подобный же мотивъ составляетъ содержаніе Сербской пѣсни, но тамъ неудобно сближеніе, потому что дѣвица не бѣлить пряжу, не прядеть нити, а плететь гайтанъ (сущ. муж. р.), шнурокъ, и думаетъ, кому онъ достанется (Срп. пјесм. I. 291.). Отсюда понятно, отчего вѣдьмы подкатываются подъ ноги прохожихъ именно клубкомъ нитокъ, а изъ разсказа, приводимаго Караджичемъ какъ бѣлый конь, бывшій марою (Срб. мора, Чеш. mýra. Млр. мара), привидѣніе вообще, Пол. zmora), въ видѣ клока бѣлой шерсти, давиль спящаго человѣка, можно догадываться, что и женщины-моры превращались въ клокъ шерсти или льна.

Какъ вообще мысль переходить отъ красоты къ любви, такъ и свиванье, символъ этой послѣдней. Какъ пара любовниковъ представляется свившееся виноградною лозою (Срп. пјесм. I. 401, 402), такъ и растенія, выросшія на гробѣ любовниковъ, вьются одно около другаго: „Више драгог зелен бор израсте, А виш' драге румена ружица, Па се вије ружа око бора, Као свила око ките смиља" (Срп. пјес. I. 240). Въ другомъ мѣстѣ прибавлено, что ихъ обвиваетъ чемерица — горе: Изъ Омера зелен бор никоа, Изъ Мериме зелена борика; Борика се око бора вила, Кано свила око ките смиља, Чемерика око обадвога" (*ibid.* 259). Такъ и невѣста, по отношенію къ жениху, сравнивается съ нитью, которая навивается на валекъ (die Spule): „Одви се Маре од рода, Каконо чела од роја; Приви се Петру делији, Каконо свила къ јумаку" (*ibid.* 34). Паутина — тоже нить *), и потому имѣть въ Млр. пѣснѣ то-же значеніе, какъ свила въ Сербскихъ: „Ой би-

*) Въ Пермской губерніи тенето, паутина. Паукъ прядеть, снуеть, и на этомъ послѣднемъ основаніи самое название его можно сблизить съ областнымъ паутъ и паутъ, оводъ, слѣпень (ср. т въ паутина); летанье насѣкомыхъ и птицъ сравнивается съ витьемъ и снованьемъ, что доказывается сл.

лая паутина по тину повилась; Марусечка зъ Ивашечкомъ понялась, понялась. Яки руки, таки ноги, така й голова: Изійшлися, обнялися, люба й размова“ (Петровочная). Въ слѣдующихъ стихахъ къ свиванью—любви прибавляется новое значение привыки, которая впрочемъ, по поговоркѣ „стерпится—слюбится“, представляется любовью (Арх. свыка—привязанность къ чему): „Не свивайся, не свивайся, трава со былинкой; Не лестися, не лестися голубь со голубкой, Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей“ (Ск. Рус. Нар. I. 3. 137); „Какъ не бѣлая березанька со липой свивалась, Какъ въ пятнадцать лѣтъ дѣвица съ молодцемъ свыкалась“ (Гул. Оч. Ю, С. 107). Такъ какъ лень—волосъ, кудри сближаются въ языкѣ съ куделью, и выражение „прядь кудрей“ вполнѣ народно, потому что Твр. прядка—волокно льна, Арх. прядено — коночля для пряжи, и такъ-какъ витье соединяется съ понятиемъ кудрей, откуда Серб. витица, локонъ; то и волоса имѣютъ то-же значение, какъ нить и былинка: „Прилегайте кудри черныя Къ моему лицу бѣлому, Къ моему лицу румяному; Привыкай, душа Машенъка, Привыкай, свѣтъ—Ефимовна, Къ моему уму—

мотыль, отъ мотать, сновать, и тѣмъ что ласточка названа въ Влр. и Млр. загадкѣ: „шило-мотовило“. Въ Сербской загадкѣ ласточка: „спријед шило, страга вило (хвостъ, ср. хвость—хвостать и хлестать, что предполагаетъ гибкость) оздол хартија, озгор мантїја“; но пчела: „мотовило-вило по гори се вило, куби долазило, соли не лизало“. Нельзя ли па въ сл. паукъ считать предлогомъ, а—жк, на основаніи *t* въ паутину, считать родственнымъ съ жда и понятиемъ вязанья, или на основаніи сродства съ *k* (десять и бѣха)—съ жс—wəs, которое отъ шерсти и волосъ (Енисейск. усь, шерсть, Чеш. wausy, борода, усеница—гусеница, волосатый червь) переходитъ къ кожѣ (усниe, Чеш. usnì, usnał. Ср. Камч. укенчина, плохая оленья кожа безъ шерсти) и ткани (Костр. усло, часть тканья, Млр. ўсы, извѣстн. украшения верхняго платья, какъ Серб. свита)?

разуму, Ко нраву молодецкому, Ко обычаю княженецкому“ (Ск. Рус. Нар. I. з. 108).

Отъ любви и брака мысль переходитъ къ другому „суду Божію“, битвѣ и смерти: „Ой у городі у Отобурі Да дві квітки въеться: Що підъ городомъ Отобуромъ Тамъ Овраменко бъеться. Ой у городі у Отобурі да дві квітки звито; А підъ городомъ, підъ Отобуромъ Тамъ Овраменка убито“ (Млр. и Черв. Думы 52). Хмѣль, какъ въющеся растеніе,—очень обыкновенный символъ любви, и, какъ показываетъ грамматической родъ слова и крѣпость хмѣлю,—симв. жениха, а не невѣсты. Въ Мазовецкой свадебной пѣснѣ поется: „Zebiś ty, chmielu, na tyci nie loz, Nierobił byś ty z panienek niewiost“. Тоже въ Моравской: „O chmelu, chmelu, chmelu zeleny, Bez tebe žadneho vesele něni. Dyby's ty, chmelu, po plotach ně lez, Nenadělal bysi z parenek něvest; A že ty, chmelu, po plotach lezeš, Ně jednej rapenče věneček vezmeš“ (Мог. паг. р. 300). Виться по тыну или „по тичинѣ“—любить, какъ видно изъ приведенного выше мѣста о паутинѣ; за тѣмъ—биться: „Ой чи це той хміль, що по тину въется, Чи це той Нечай козакъ, що зъ Ляшками бъется? Годі тобі, хмелю, та по тину виться! Годі тобі, Нечай козакъ, изъ Ляшками биться“ (Метл. 405).

Отъ витья—любви ведеть свое начало завиванье кудрей, какъ символъ домашняго счастья и счастья вообще. Въ говорной Влр. пѣснѣ женихъ чештеть кудри и приговариваетъ: „Завивайтесь кудри! Ужъ какъ завтра васъ, кудри... Не самъ буду завивати; Завивати станеть красна дѣвица“. Мать его, услышавши это, говоритъ: „Какова еще рука у дѣвицы?... Либо завьются кудри, Либо не завьются черныя. Коли будетъ созвѣтъ да любовь, Кудри сами стануть завиваться; Коли будетъ кось да перекось, Не развиши стануть развиваться... Завиваются... кудри Отъ веселья, отъ радости;... Развиваются ли черные Отъ печали отъ горести, Отъ тоски отъ кручинушки (Ск. Рус. Нар. I. з. 107. 8). Въ пословицѣ: „вейся усокъ, завивайся усокъ:

будеть мяса кусокъ“ вейся можно сблизить съ радуи-
ся. Въ Серб. пѣсняхъ золотая нить принимается за сим-
волъ счастья: „Одвила се златна жица од ведра не-
ба, Савила се првјенцу око клобука; То не била злат-
на жица од ведра неба, Већ то била добра срећа
од мила Бога“. Послѣдній стихъ замѣняется другимъ
„Већ то била снаха наша од добра рода“, или „Већ то
была лепа Ружа од добра рода“ (Срп. пјес. I. 38, 54,
57, 58,), изъ коихъ можно заключить, что подъ золо-
тою нитью понимается невѣста, дарованная Богомъ, и
приносящая счастье. Но этого объясненія нельзя рас-
пространить на слѣдующій припѣвъ при заздравной ча-
шѣ на свадьбѣ: „Пустиласе златна жица из рожанства
луга, Савила се старом свату око клобука“. Караджичъ
замѣчаетъ, что „изъ рожанства луга“, по словамъ тѣхъ
людей, между которыми это поется,—изъ той рощи,
гдѣ родился Христосъ, и значитъ „изъ мира“, чтобы
свадьба мирно прошла. Подъ измѣненіями, отъ вліянія
Христианства, можно распознать въ этомъ объясненіи до-
вольно явственная языческія вѣрованія. Мы видѣли,
что витѣе, а слѣдовательно и нить, относятся къ двумъ
важнымъ моментамъ человѣческой жизни: браку и смер-
ти, и сверхъ того имѣютъ значение счастья. Нить от-
носится и къ несчастью: при Бѣлорусской пословицѣ
о постоянной удачѣ („кали ведзецса (нитка), и на щеп-
ку прядзецся“) стоить другая, о постоянной неудачѣ:
„бѣда на бѣда—якъ на нитцѣ идзе“ (Пам. и обр.
48. 176). Такое-же двойное значение имѣетъ паутина,
потому что есть примѣта: если паукъ опустится на че-
ловѣка до полдня, то это знакъ счастья, если послѣ—
несчастья (ср. Лужиц. примѣту о дождѣ). И такъ,
нить—судьба вообще. Изъ сближенія этого съ мѣстами
Серб. пѣсень о нити изъ неба или изъ рощи, коей на-
званіе напоминаетъ Рожаницъ, можно заключить, что
нити эти ведутся миѳическими существами, завѣдываю-
щими судьбою людей. Точно, Сербская сказка представ-
ляетъ „добрю срећу“ прекрасною дѣвицей, прядущую
золотую нить, а что несчастье прядеть, видно изъ по-

словици: „нечрећа танко преде“, т. е. легко можетъ приключиться (можетъ быть къ нити судьбы относится и „гдѣ тонко, тамъ рвется“). Предполагая, что „Срећа“ и „Несрећа“ и Рожаницы вообще относятся къ Виламъ, можно думать, что понятіе витья соединялось съ словомъ Вила не только въ позднѣйшую, но и въ древнѣйшую эпоху, и что Вила значитъ собственно не только вяжущая наузы, но и прядущая, именно—нить судьбы (Булл. въ Арх. Калач. ч. I). Впрочемъ, виться, Ср. вијатися, значать и летать.

Путо, узда. Такъ-какъ конь и волъ довольно обыкновенные символы человѣка въ разныхъ положеніяхъ (Срп. посл. 283, 257, 140. Срп. пјес. 428 и мн. др.), а витье сродно съ вязаньемъ; то пута, налигачи (ремни, привязываемые къ рогамъ воловъ), узда—символы любовныхъ связей: Ой на волики та налигачі, а на конники пута, Коли-бѣ-же не ти, сердце дівчино, то не бувъ би я тута“ (Метл. 56), т. е. какъ воловъ—налигачи а коней—пута, такъ меня удерживаетъ здѣсь любовь къ тебѣ. Опустить повода—потерять, оставить любимую прежде: „Jedzie Jaśieńko, jedzie nadobny przez zieloną dąbrowę kozpuscił cugle, rozpuścił złote konikowi na glowę; Nie tak ci mi żal tych złotych cugli, com je rozpuścił; Bardziej cie, mnie żal, dziewczyno, com ciebie opuścił“ (Wojc. I. 159. Ср. Morav. Narod. Pis. 245, съ важною впрочемъ перемѣною: „регеѣка“ вм. „cugle“). Пuto отъ любви переходитъ къ значенію брака: если дѣвица или холостой найдутъ нечаянно путо, то это признакъ скораго выхода замужъ или женильбы (Пенз. губ.); свахи ходятъ сватать съ путомъ, какъ символомъ своего дѣла или залогомъ удачи. Отсюда, а можетъ быть непосредственно отъ сближенія понятій ловить, путать лошадь и любить, сватать дѣвушку, опутать значитъ въ Оренб., Новг. сватать. Соответственно этому, какъ Ворон. свозжаться, связаться, познакомиться, свести дружбу, такъ и запрягать—жениться, вѣничаться: „Zaprzegaj, Jaśieńku, cisawe koniczki“.—Jakże ci zaprzegać, kiedy sie, motaja? Wielki żal dziewczynie,

kied jej slub daję“ (Wójc. l. 159). Метанье лошадей сравнивается здѣсь съ сопротивлениемъ невѣсты, а въ слѣдующемъ—со сплетнями на невѣсту, которая мѣшаютъ свадьбѣ: „Zapřahaj, milý Janičkó, ty brane (w) koničky“.—Kerak jich Zapřahat’, Dy se mi motaju? Tebe, prošwarna dzěvuscho, lude omučuji“ (Mor. Nar. T. 415). Отъ любви—обычный переходъ къ счастью вообще, что видно изъ слѣдующаго мѣста: „Ой воли мої та половії, Чомъ ви не орете? Ой літа-жъ мої та молодії, Чому ви марно йдете? Ой коли-б же ми та запряжені, Ми бъ орали, не стояли; Ой коли-б же ми роскоши мали, Ми бъ марно не пропали“ (Ластивка). Можно думать, что, подъ вліяніемъ мысли о связи запряганья съ бракомъ, сл. супругъ отъ знач. пары воловъ (или лошадей) перешло къ значеню мужа и жены вязтыхъ вмѣстѣ, потомъ — каждого изъ нихъ (ср. тягло—пара воловъ, потомъ мужъ и жена). На то же указываетъ, теперь не имѣющее нагляднаго значенія, Пенз. вязаться, ухаживать, сватать, напр. „молодецъ вяжется на дѣвицу“. Извѣстно, что и родство, вытекающее изъ брака представляется въ собственномъ смыслѣ связывающимъ людей, что видно изъ Ст.-Сл. жжика, Пол. powinowactwo, Чеш. powinowactví, родство, а можетъ быть и изъ нетій, племянникъ. Впрочемъ, нельзя сказать покамѣсть, какъ именно представлялись витья и вязанье, принимаемыя за символъ родства. Можно думать, что изъ отношений семейныхъ развилось и понятье обѣя обязательствъ вообще, хотя доказать это разборомъ значения словъ трудно. Вышеупомянутое Чеш. слово, при значеніи родства, имѣеть и другое—powinowaty, обязанный. Но какъ въ близкихъ къ витью, веревкѣ, тканью—одеждѣ: Арх. покрутить, договорить работниковъ на промыслъ изъ части, покрутъ, наемка людей для морскихъ промысловъ, потомъ—часть улова; таѣ и въ обыкновенномъ обязать, обязанность, не видно ничего, кроме того, что они относятся къ вязанью.

Вязанье. Вышеупомянутое сближеніе словъ свы-

каться и свиваться; прибавимъ еще Моск. замычка, привычка, указывающее на близость витья, вязанья и замыканья. Трудно понимать это свыканье мужа и жены, невѣсты и жениха рядомъ взаимныхъ уступокъ. Въ самой пѣснѣ говорится, что невѣста привыкаетъ ко нраву молодецкому, ко обычаю княженецкому, т. е. приоравливается. На это указываетъ и сближеніе словъ покорный, поклонный и повинный: при тавтологическомъ выраженіи „покорный—поклонный“, „покориться поклониться“ могутъ быть поставлены равныя себѣ: „поклонная голова“ и „повинная голова“. Поклонъ—просьба, „прійти съ покорищемъ“—съ просьбою; оттого въ Влр. свадебной пѣснѣ прививанье нити къ стѣнѣ (ср. „наутина по тину повилась“) приравнивается къ просьбѣ о прощеніи и сопровождающему ее поклону: „Шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ, Марьюшка батюшкѣ челомъ беть: „Прости, батюшка, багаслави на Божій судъ пойти“ (Вѣст. Георг. Об. 1855. IV.) Витье же—любовь, привычка. Этимъ мы не хотимъ сказать, что, при образованіи словъ повиновеніе, вина, выражавшихъ, по словоизводству, отношеніе предмета связанного къ свободному, подчиненнаго къ властующему, имѣлось въ виду только отношеніе жены къ мужу или младшихъ членовъ семьи къ старшимъ: было много предметовъ полнѣе и очевиднѣе подчиненныхъ власти человѣка. Какъ бы ни было, власть и подчиненіе, съ одной стороны, и любовь, а черезъ нее и подарокъ, съ другой, выражались вязаньемъ.

Не говоря уже о томъ, что витье, какъ мы видѣли выше, символъ поклона, а поклонъ символъ подарка, откуда Срб. поклон, поклонити, подарокъ, подарить, укажемъ на связь вязанья—любви съ вязаньемъ—подаркомъ въ стариинномъ Германскомъ обычай дарить любовницамъ брелоки, которые навязывались на руку или надѣвались на шею (Grimm, Ueber Schenk und Geb. Abh. der Ak. zu Berl. 1848). Соответствіе Русскихъ гравенъ Нѣмецкимъ helsets, wörgeta заставляетъ думать, что

Чеш. *vazat*, въ смыслѣ дарить, не заимствовано оть Нѣмцевъ: „Oba kmotři powidali, comu (своему крестнику) budú wazat' jeden a druhý. Sw. Petr powídal: „Co já mu mám vásat? ja mu budu vásat', aby se mu na zemi dobrě vedlo, čeho-by si přal, aby měl“. A Pan Bůh zase, že mu bude vazat' aby se mu po smrti dobrě vedlo“ (Pohad. a pow. národ, Morav. Sebr. Kulda. I. 178). Сущность обрученья у Славянъ состояла, по видимому, въ размѣнѣ подарковъ между женихомъ и невѣстою. На родь этихъ подарковъ указываютъ слова: обручить, Млр. заручить и обручъ, Пол. *obraczka*, перстень. Срб. заручити діевојку до сихъ поръ сохранило наглядное значеніе: подарить перстнемъ, надѣть перстень на руку невѣсты. Этому соотвѣтствуетъ Моск. выраженіе: платки давать, въ слѣдъ за говоромъ, въ увѣреніе, что родители невѣсты не отопрутся отъ своего слова, посыпать жениху платокъ, а роднѣ его подарки, и Малорусское: „вже-й хустки побрали“, уже говорены. Нѣм. форма *eingebinde* при *angebinden*, подарокъ—находить объясненіе и въ (Млр. (можетъ быть общеславянскомъ) обычай подъ весну завязывать дѣтямъ монету въ рубашку, чтобы были при нихъ деньги въ то время, какъ въ первый разъ услышать кукованье зогули. Если не ошибаюсь, есть мѣста, где вмѣсто того, чтобы класть серебряную монету въ башмакъ невѣсты, завязываютъ эту монету въ подолье невѣстиной рубашки. Слѣды витого золота Германцевъ есть и у насъ. По пѣснѣ, перстень, символъ жениха, вьется: „Межъ ними (отцемъ и матерью, лежащими въ постели) вьется не златъ перстень; Павелушко—златъ перстень, Златъ перстенекъ да Ивановичъ“ (Сел. свад. обр. въ Малм. у. Собр. 1857. I).

Если витье, вязанье, въ смыслѣ любви, выражаетъ взаимныя отношенія лицъ, то въ словахъ повинный—покорный можно видѣть переходъ вязанья къ выражению отношеній лица дѣйствующаго къ страдательному, или—къ вещи. Кромѣ любви, запряганье, узда, вожжи, нальгачи, ярмо имѣютъ значеніе нужды—не-

воли: „Ой на волики—воловідики, на коніченъки—узды; Коли-бъ не ти, сердце дівчино, не знатъ бы я нужди. Ой на волики—та налигачи, на коніченъки віжки; Коли бъ не ти, сердце дівчино, не ходивъ бы я пішки“ (Ластивка. 352), т. е. быть бы богатъ, не знать бы горя, которое постоянно ходить рядомъ съ нуждою (ср. „Ой не знатъ козакъ ні горя, ні нужди“). Близко къ этому слово бороздить, сдерживать на удилахъ (Дон.), которое значитъ также: мѣшать, препятствовать (Костр.). Отсюда же многія слова для бѣды и горя, съ основнымъ значеніемъ вязать, крутить: Чеш. *swizel*, веревка, а также трудъ, бѣдность; отъ крутить—кручина и Волог. сукрутина, круто свитая нитка, а также печаль, тоска, особенно отъ недостатковъ; отъ тѣг=тѣг—Рус. Срб. Чеш. туга, *tuha*, коего значеніе видно въ тавтологическомъ Срб. выражениі: „туго и невольо“; при крѣп—кроп, рядомъ съ Новг. крѣпать и Общерус. кропать, шить, вязать кое-какъ, Серб. крпiti, ставить заплаты, латить, Пол. *kigrie*, лапти (основное предст. вязанья), Чеш. *krep* (ед. ч. ср. р.; мн: *krapata*), *krop*, *krip* (ж. ед.), Срб. крпље (мн. ж.), родъ лыжъ или обуви для хожденія по снѣгу, рядомъ съ усиленною формою того-же корня въ Новг. крѣпальница, рукодѣльница, находимъ и Новг. Костр. кропата, забота; отъ клячъ, обрубокъ, Млр. цурка, цурупалокъ, т. е. палочка, которую скручиваютъ обвязанную вокругъ чего веревку,—Волог. склячить, связать, скать, коего переносное значеніе (притѣснить) соответствуетъ такому же значенію слова скрутить. Сердце сжимается отъ горя, и горе представляется въ Нѣмецкихъ сказкахъ желѣзнымъ обручемъ, который давить грудь человѣка печального и разрывается, когда сердце растетъ отъ счастья (Grimm. Mrch. I. 1—5; II. 3—6). Изъ сказанного ясно, почему считается дурною примѣтой, если на ниткѣ у шьющаго сами собою вяжутся узлы. Въ одной Моравской сказкѣ разбойникъ, который шьетъ себѣ сорочку, не зная, что вертепъ, гдѣ онъ сидить,

уже окружень людьми, говорить другимъ: „ale, bratři mili, mně se zdá, že nas jakési neštěstí očekává! Mně se na niti samé slučky (smečka, suk, uzel) dělaji“ (Poh. a p. N. Mor. Kuldý. 538).

Если вязанье въ этихъ словахъ можно объяснить изъ положенія связаннаго человѣка, то изъ связи вязанья и силы можно заключить, что сильный представлялся имѣющимъ возможность связать. Сл. сила несомнѣнно одного корня съ силокъ и си-то; Пол. t\u0105gi, равное по звукамъ Рус. тугой, но употребляемое въ смыслѣ человѣческой силы и удальства, родственно съ тянуть, стягъ, wstega; Волог. в\u0105рега, нить, веревка, Арх. варежка, сила, мочь: „б\u0105жать во всю варежку“; Ряз. гасъ, силачъ, имѣть связь съ Новг., Вят., Спб. гасникъ, гашникъ, шнурокъ; отъ крутить—ст. Чеш. krutost', сила, krutý, ukrutný, Пол. okrutny, жестокій (ср. впроч. Срб. крут, толстый, и Русс. крутой, густой); крѣпкій близко по формѣ къ словамъ, означающимъ вязанье, плетенье, шитье. Чеш. k\u0105rpk\u00f9—не только сильный, но и быстрый, подобно тому, какъ Арх., Нов., Твер. крутой, скорый, ловкій, крутило, скорый, торопливый, ярый. Къ представлению силы витьемъ относится сходное съ библейскимъ Серб. выражение: „опасао се снагомъ“, пришель въ силу; опоясыванье есть витье и вязанье, какъ видно изъ загадки о плетнѣ: „три брата за пани-брата однимъ кушакомъ подпоясаны“ и о вѣнкѣ, который „подпоясанъ коротенько“ (Ск. Р. Н. I, 2. 101, 92). Основываясь на томъ, что и власть, какъ произведеніе силы, символически изображается вязаньемъ, думаемъ, что для объясненія отношений словъ могу и владѣю къ понятію рости, заключенному въ ихъ корняхъ (Mikl. Rad. Скр. v\u0105dh и mah, рости), слѣдуетъ принять посредствующія понятія долготы и вязанья. По крайней мѣрѣ участіе понятія долготы очень вѣроятно: Ст.-Сл. оудолѣти, осилить, побѣдить, Пол. zdo\u0105a\u0105, быть въ силахъ сдѣлать что, podo\u0105a\u0105, справиться съ к\u0105мъ, относятся къ длить (объ отношеніи долготы къ понят. рвать см.

ниже). Сильный укрощаетъ слабъшаго, т. е., быть можетъ, связывая, лишаетъ свободы; тождество сл. кроткій и короткій доказывается обл. укорачивать вм. укрощать: „Не я тебя (рой пчель) сажаю, сажаютъ тебя бѣлые звѣзды, рогоносый мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ“ (Ск. Р. Н. I, 1, 21). Плѣнъ-полонъ—не только добыча вообще, какъ можно судить по Пол. plon, Чеш. plen, spolia, exuviæ, но и добыча связанныя, какъ видно изъ Ст.-Сл. плѣница, цѣль, Влр. плѣнка, плёнки (мн.), силокъ.

Спрашивается: исключительно ли отъ гравень и т. п. подарковъ пошла связь подарка вообще съ вязаньемъ? Чеш. vázané (род.-ého), т. е. вязаное, и болѣе отвлеченное по формѣ Пол. wiązanie, подарокъ, могутъ относиться и къ той вещи, которую навязываютъ, и къ самому принимающему подарки, котораго при этомъ связываютъ. По Нѣмецкому, Польскому и Чешскому обычаю, именинника вяжутъ (и даже тѣ, которые ему ничего не дарили); связанный долженъ выкупиться, и, слѣдовательно, является какъ-бы должникомъ вяжущихъ, ихъ собственностью, вещью, надъ которой власть выражена вязаньемъ. По видимому въ этомъ обычаѣ остались слѣды перехода понятій отъ дара къ мѣнѣ, а за-тѣмъ къ торговлѣ. Такой переходъ отмѣченъ и въ языкахъ. Памва Бернда переводить сл. куплѣ (им. мн.) черезъ измѣны, т. е. мѣны, а мѣды—черезъ гостинцѣ, т. е. подарки. Въ Пол. źusczyć, Чеш. źiſciti, einem gewogen sein, gewähren, wünschen, можно предположить, съ одной стороны, вязанье, основываясь на близости этихъ словъ къ Срб. жица, обл. Влр. жичка, нить, Ряз. жичика, жичинка, хлыстъ, пруть, розга, Тамб. жикать, Срб. жицнути, стеггать,-нуть, съ другой—значеніе дарить, потому что желаніе сопровождаетъ подарокъ. Въ Чеж., Пол. rožićili, rožusczyć, Млр. позичить слово это переходить къ значенію: братъ и давать въ долгъ, въ чёмъ можно видѣть смѣщеніе дара и займа. Пол. winien, долженъ, напр. деньги—отъ вить, и самое сл. долгъ одного

происхождения съ долгій, которое получаетъ значение веревки въ Чеш. *dlažec*, родъ ремня (ср. также *dluhák*, змѣя); но и противоположное этимъ Твер. ши-ромъ, даромъ, имѣть въ основаніи понятіе долготы (Mikl. Rad.).

До сихъ поръ въ Славянскихъ земляхъ покупщикъ не иначе, какъ съ извѣстными церемоніями, напр. не голою рукою, а черезъ полу принимаетъ отъ продавца веревку или обратъ, на коей приведена скотина. Пере-дача веревки здѣсь необходима, потому что выражаетъ передачу власти надъ проданнымъ товаромъ. Такое зна-чение упомянутаго обряда можетъ быть выведено изъ одной очень замѣчательной сказки, извѣстной всѣмъ по-чи Славянскимъ племенамъ и Нѣмцамъ (Grimm. Märch. I. № 68; Wójc. Klechdy, стр. 28; Kulda, Pohad. a pow. nář. Morav. I., 481; Срп. припов. 45; Малорус-ская сказка въ Малор. лит. сборн. Мордовц.).

Главные черты этой сказки слѣдующія: Сынъ одно-го бѣдняка попадаетъ въ ученье къ человѣку, который оказывается колдуномъ, или чортомъ. Когда оканчивает-ся срокъ ученья, то мастеръ не хочетъ отпускать свое-го ученика, но этотъ, выучившись уже всѣмъ премуд-ростямъ, успѣваетъ перехитрить мастера, и возвращает-ся къ отцу. Дома, чтобы добыть денегъ, сынъ обора-чивается сначала соколомъ, потомъ хортомъ, наконецъ конемъ (по Млр. ск.), и отецъ дорого продаетъ его. Первые два раза отецъ, согласно съ наставленіемъ сы-на, не передаетъ покупщикамъ цѣпочки съ сокола и веревки съ борзой, но (по Срб. ск.) бросаетъ то и дру-гое на землю, въ слѣдствіе чего товаръ не переходитъ во власть покупателя, и ускользаетъ отъ него. За тре-тьимъ разомъ покупщикомъ является самъ мастеръ, добивается того, что отецъ, пользуясьвшись на барыши, передаетъ ему коня и съ уздою, и овладѣваетъ конемъ. Конецъ сказки сюда не относится.

И такъ, символъ продажи скота, лошадей и т. под.— вязанье; но скотъ, какъ уже замѣчено многими, полу-чаетъ значение богатства вообще. Этому, кроме извѣст-

наго сопоставленія Слав. скотъ съ Нѣм. *schatz*, можно найти еще нѣсколько примѣровъ: Срб. стока, стада и товары, ст.-Рус. и Млр. товар, воль и собир. волы (отъ ту, ты-ти, посредствомъ двойного усиленія; должно быть, скотъ вообще), Срб. товар, осель и выюкъ, Рус., Пол., Чеш.—*merces*; наоборотъ, Срб. благо отъ богатства переходитъ къ скоту: синто благо—козы и овцы, крупно благо—волы и коровы. Отсюда ясно, какъ вязанье могло стать символомъ торговли вообще. Такое значение вязанья замѣчается, кроме Ст.-Сл. вѣнити, покупать, продавать, сроднаго съ вѣнѣ и вити, еще въ нѣсколькихъ словахъ. Какъ въ сл. покрутъ уже отъ значенія наемки образовалось значеніе доли, участка, пая въ добычѣ, т. е. цѣны труда одной изъ договаривающихся сторонъ; такъ и знач. *pretium* въ сл. цѣна предполагаетъ зн. договора и торговли, на что указываютъ Срб. нар. цјене, ср. ст. цјење, денево, цјеноћа, деневизна, и особенно Срб. цјенъкатисе, торговаться. Сродныя съ этими: Сарат. цѣны, пасмы въ ниткахъ, въ талькѣ, Тамб. цѣнка дорожка въ плетеныи лаптей, а можетъ и Ст.-Сл. цѣста, Чеш. *cesta*, дорога (если съ относится здѣсь къ суфф.) *). возводятъ сл. цѣна къ значенію вязанья. Сл. дорогой, принимаемое въ теперешнемъ смыслѣ, тоже предполагаетъ другое, болѣе древнее переносное значеніе, а что до собственнаго, то оно можетъ быть выведено изъ Арх. дорѣга, веревка, Нижег. дорогъ, дорокъ, шелкъ, т. е. собственно нить (какъ Серб. свила), изъ Чеш. *drh.* узелъ и, наконецъ, изъ дорога, *via*. Торгъ можетъ быть сближено съ Чеш., Серб. трак, родь веревки, ленты, Пол. *troki*, Рус. торока, а можетъ быть и въ Срб. траг, слѣдъ, потому что слѣдъ лежитъ въ основаніи дороги и сближается съ нею въ языкѣ. Сопоставленіе словъ: плата и платъ—портъ не будетъ слишкомъ смѣлымъ, потому что и

*) Дорога представляется веревкою, длинною тканью, чemu доказательства представимъ ниже.

портъ имѣть при себѣ Срб. пртина, слѣдь на снѣгу, а въ основаніи—понятіе долготы (долгота и широта тождественны въ языкахъ) и, можетъ быть, вязанья.

Если предположимъ сходство посла и слуги въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой—человѣкъ связанный, повинующійся; то объяснится переносный смыслъ слова поручить (собственно повязать руки, судя по Ирк. поручъя, запястья, браслеты), а также и значеніе слѣдующихъ сближеній вязанья, порученія и посольства: „Mù červený pantličky, na čiž já vás važu? Mám synečka daleko, po kem ja mu zkažu“ (Mor. nár p. 289); „Červene pantličky, na co ja vas važu; Můj milý daleko, po kym ja mu zkažu“ (id. 416); „Jatelinko drobná, co's tak odrobněla? Ne možu tā našat z rana do večera. Už sem ta nažala, do čeho t'a svašu? Svarný šohajičku, po kom na t'a zkážu? A zkážu já, zkážu po malém posličku...“ (ib. 288); „Oй за яромъ брала дівка лёнъ *), Та забулась повъязати; Ой недалеко мій милий од мене, та нікимъ наказати. Ой повъяжу лёнъ хоть синюю ожиною; Ой накажу свойму милому хоть чужою чужиною. Ой синяя ожинонька вона лёну не повъяже; Ой чужая чужинонька вона правдоночки не скаже“ (Метл. 60).

---

*) Выраженія „брала лёнъ“ и „недалеко мій милий“ поставлены рядомъ, какъ соответствующія одно другому, хотя этого и незамѣтно въ приведенныхъ стихахъ. Брать ленъ нужно непремѣнно съ милымъ, откуда бранье льна—близость любовниковъ другъ къ другу и самая любовь: „На гарѣ лёнъ Бѣлый кужель; Не съ кимъ стаци Лёнъ ирваци. Свекарь казецъ: „Я съ табою, Съ маладою!—Тожъ не рванѣ,—Гараванъ“. Точно также со свекровью, деверемъ, золовкою: не рванье льну, а гореванье. Наконецъ „Милый казецъ: „Я съ табою Зъ маладою!“ Тожъ на рванѣ—Милаванѣ“ (Пам. и Обр. 237. Ср. Костом. Объ ист. зн. Рус. Н. Позз. 42). По этому въ слѣдующемъ двустишии бранье льну противополагается разлукѣ: „Ой за яромъ брала я лёнъ, всю долину зходила; Нема того, тай не буде, кого я вірю любила“ (Метл. 61).

Ключь и замокъ. Ключь, слово родственное съ Астр. за-клевать, закрѣпить веревку (т. е. завязать),—такой-же символъ власти, какъ и веревка. Это особенно ясно въ упомянутой выше Срб. сказкѣ юаво и ѿегов шегртъ, гдѣ ключи отъ сундука съ краснымъ тозаромъ играютъ при продажѣ ту-же роль, что узда при продажѣ лошади. Въ Витебской губерніи когда поѣзжане молодаго подѣзжаютъ къ дому невѣсты, то начинаются переговоры между ними и дружкою невѣсты. Этотъ послѣдній, на вопросъ, дома ли молодая, отвѣчаетъ такъ: „Наша княгиня молодая хадзила гуляць па лясамъ, па лугамъ, па синю морю-астравамъ, и чаво да гуляла? Златы ключи пацеряла. Таперь пошла ключовъ сачиць (искать). Такъ вотъ, пріяцили, вамъ приходзиться время прастаяць (т. е. передъ воротами)“. На это дружка жениха возражаетъ! „Эта, пріяциль, твая сказка нашимъ дзяламъ ни павязка (не помѣха). Нашъ князь маладой, ни гуляль, съѣздиль въ городъ, шолку накупляль, съ шолку сяцей на вязалъ и въ синя моря пакидалъ; тамъ бялу щуку ёять паймалъ, щуки серца разрязалъ, златы ключи вынималъ. Ключи княгининны въ насть“. Дружка молодой отвѣчаетъ: „Ну такъ и княгиня будзя въ васъ“ (Этн. Сб. II, 175). Ключи, знакъ власти дѣвицы надъ своимъ хозяйствомъ, приняты за символъ ея самой: у кого ея ключи, у того и она. Въ Влр. свадебной пѣснѣ невѣста забываетъ въ домѣ родительскомъ ключи, а вмѣстѣ съ ними—„волю батюшкіну, нѣгу матушкіну... свою русу косу“ (Ск. Р. Н. I, 3, 192). Въ Нѣмецкой сказкѣ царевичъ, напедши прежнюю свою невѣсту, приказываетъ сказать второй: „кто нашель старый ключъ, тому новаго не нужно“ (Grimm. Mrcb. I, № 67). Подобнымъ образомъ въ Чеш. сказкѣ царевна находить прежняго своего жениха, и на свадебномъ пиру сообщаетъ это гостямъ въ видѣ загадки: „быль у меня золотой ключъ къ золотому замку; этотъ ключъ я потеряла и дала вмѣсто него сдѣлать серебряный; но когда мнѣ его уже сдѣлали, напала я потерянный золотой

ключь. Скажите, который изъ нихъ мнѣ оставить при себѣ?” (Kulda, Poh. a pov. nár. Mor. I, 421; Grímm. Märch. №№ 97, 167). Ключь—символъ власти надъ сердцемъ: „Ujel milé do Jevička, Vzal mně klíče vod srdyčka... Ujel za Slezský hranice, Vzal mně vod srdyčka klíče”; „Falešný šohaju, Jako falešný klíč, Ne odemkneš ty mně meho srdečka víc” (Mor. nár. p. 221). Ключемъ представляется власть надъ разсвѣтомъ и днемъ: „Dybych měla klíče o toho svítaní, Ne dala bych svítat zétra do snídaní” (ibid. 293. Pís. sv. L. Slov. v Uhř. 1823. 51); „Ja dybych měl klíče, ty ode dňa bílého, Ne dal bych ja svítati až do roku celého” (Mor. nár. p. 293). Ключи эти принадлежать зорѣ, какъ видно изъ слѣдующей прекрасной пѣсни: Ой у степу край дороги Тамъ дівчина жито жала, Къ сирій землі припадала: „Земле-жъ моя, мать сирая! Приняла-жъ ти отца и неньку, Приими и мене молоденъку, Щобъ я по людяхъ не ходила, Щобъ я людямъ не годила! Прииде празникъ—неділенъка, Въ мене сорочка не біленъка; Ой тимъ вона не біленъка: Въ мене-жъ ненька нерідненька. Коли-бъ знала я відала (т. е. еслибъ могла, умѣла), То-бъ я въ зорі ключі взяла, И нічинъки доточила, Изъ ненькою говорила”, потому что ночь—время свиданія съ мертвыми. Въ загадкѣ: „заря—зарянница, красная дѣвица къ церкви ходила, ключи обронила, мѣсяцъ увидѣлъ, солнце скрало” (Ск. Р. Н. I, 2, 100) ключами зори названа роса. Причинъ, кроме одновременности развѣта и паденія росы, не видно; но то, что солнце скрадываетъ ключи, значитъ, что оно беретъ власть надъ свѣтомъ и днемъ.

Ключъ раздѣляетъ свое символическое значеніе съ замкомъ. Заключенные выраженія заговоровъ, какъ напр. „замыкаю я васъ (слова) тридевятью замками, запираю я васъ тридевятью ключами” или „всѣ эти слова до слова заключаю замкомъ крѣпкимъ и ключъ въ воду” (Гул. Оч. Южн. С. 47—50) относятся къ силѣ слова, что очевидно изъ слѣдующаго: „какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣтки” (Ск. Рус. Нар.

I, 2, 23). Какъ ключъ и замокъ замыкаютъ, такъ языкъ, губы и дубы заканчиваются молебную рѣчъ, такъ что нѣть ей ни недоговору, недомолвки, ни переговору лишняго и ненужнаго: „тѣмъ моимъ словамъ губы за зубы—замокъ, языкъ мой—ключъ“ (Гул. 17. 51). Самое слово называется замкомъ, т. е. крѣпкимъ, какъ замокъ: „слово—замокъ, ключъ—языкъ (Ск. Рус. Нар. I, 2, 24).

Пустая вздорная рѣчъ сближается съ плетеньемъ: клев-ета, оть корня клю, имѣющаго между прочимъ значение вязать (ср. ключъ и Астр. заклевать, за-крѣпить веревку), въ Чеш. имѣеть и смыслъ болтовни, напр. не слѣдуетъ вѣрить примѣтамъ, потому что это— „same babskѣ klewety“, подобно тому, какъ выдумки, новыя сказки, въ противоположность стариннымъ, называются въ Арх. губ. плетенициами; плести, Пол. plesc, говорить вяло, нелѣпо, можно (отн. первого ср. „говорить, какъ лапти плететь“), откуда сплетня, Пол. plotka, Чеш. pletka, затяжная петля и сплетня; Серб. петљати, застегивать, завязывать, латать, дурно шить, бѣдно жить и говорить вздоръ, откуда петљанацъ, петљарица, лгунъ,—ья, сплетникъ,—ица; путать—вратъ, Ворон., Тамб. путляться говорить вздоръ, Моск. путлякать, дурно вязать или шить; верзти, плесть, нести дичь, Смол. кавирзать, городить, путать, дурно писать *); „ко-клюнки плесть“, говорить аллегорически, притчами, или говорить съ намѣреніемъ обмануть; Волог., Ряз. „бредки городить“ имѣеть при себѣ сл. бредина, ива, и, вѣроятно, по связи гибкости и плетенья, бредень, бредникъ, неводъ; самое городить, вратъ, вѣроятно тоже отъ плетенья, по связи огорожи и плетня. Хотя во всѣхъ при-

*) Ка—предл.=ко, къ; ср. Чеш. ka—dlub, сосудъ, выдолбленный изъ одного куска дерева, потомъ вообще сосудъ, откуда Пол. ka-dlub, туловище, какъ Сл. туловище отъ туль, колчанъ (сосудъ?); Оренб. Сар. ка-домить, ходить безъ дѣла изъ дома въ домъ; Смол. ка-спорка, подпорка и проч.

веденныхъ словахъ вязанье, какъ символъ рѣчи, имѣть дурной смыслъ; но, зная, что вязать зн. колдовать (см. ниже) и что чародѣйское слово переходитъ обыкновенно ко лжи, можно предположить, что и такое слово имѣть символомъ вязанье—крѣость.

Замокъ и узель, какъ символы силы слова, получаютъ значение запрещенія, уничтоженія порчи. Замыкаются силы, враждебныя заговоривающему: „А кто бы на меня и на нея подумалъ и замыслилъ (недобroe), у того человѣка ничего бы не послѣдовало, а за перло бы ключами и замками и восковыми печатями запечатало“ (Гул. Оч. Ю. С. 50). Есть и обрядъ, соотвѣтствующій этому заговору. Для предохраненія лошадей отъ звѣря, берутъ висячій замокъ, замыкая и отмыкая его трижды обходить стадо, при чемъ наговариваются: „Замыкаю я (имя) симъ булатнымъ замкомъ сѣрымъ волкамъ уста отъ моего табуна“. За третьимъ разомъ, замкнувъ замокъ, кладутъ его въ воротахъ, въ которыя выгоняютъ лошадей въ поле (Гул. ibid.). Такой же смыслъ запрещенія имѣть и то, что знахарь, вырѣзывъ по-немногу шерсти со скота разныхъ мастей, завязываетъ ее въ узель, трижды обносить этотъ узель около стада и опускаетъ его въ воду до осени (Гул. ibid. 55—6). Еще яснѣе видно значеніе узловъ въ заговорѣ отъ оружія: „Завяжу я рабъ NN по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному—невѣрному на пищалихъ, лукахъ и всякому ратномъ оружіи. Вы узлы... замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія“ (Ск. Рус. Нар. I, 2, 27). Симпатическое средство отъ бородавокъ—завязать на ниткѣ по узлу надъ каждой бородавкою ибросить нитку эту въ сыroе мѣсто: когда узлы сгниютъ, тогда пропадутъ бородавки. Въ Сербіи враги незамѣтно завязываютъ узлы на платьѣ молодой или молодого, чтобы у нихъ не было дѣтей. Сюда-же относится закручиванье колосьевъ на нивѣ на погибель хлѣба, скота и людей (запомъ, закрутка, завитокъ), до сихъ поръ наводящее ужасъ на цѣлныя сѣла. Отсюда завязать знач. вообще уничто-

жить. Ср. завязать дѣвство, завязать свѣтъ: „Co's mně, milý, dokazal, Že's mně stav panenský Brzo zavazal, A zavazal, savazal, A udělal smečku. Vodpush' ti to Pan Bůh, Hezké synečku“ (Мог. нár. р. 474); „Взяли-жъ мене извінчали И свѣтъ Божій завязали“ и мн. др.

У Подляской Руси рассказываютъ, что вѣдьма, чтобы оборотить весь свадебный поѣздъ въ волковъ, скрутила свой поясъ и положила подъ порогъ той избы, где была свадьба. Кроме того, она крутила лишовыя лыка, варила ихъ и отваромъ этимъ подливала людей (Wojs. Klechdy I, 154). Отваръ лыкъ значитъ то-же, что и самыя лыка, какъ настой муравейника—такой-же символъ многолюдства, какъ и муравейники; но трудно сказать, выражаетъ ли здѣсь крученье только силу слова, или же имѣеть какое частное значеніе. Вообще чары такъ часто сопровождаются вязаньемъ (ср. завязыванье болѣзней въ тряпку, запиранье мары (Пол. змога) въ бутылку. Klechdy II, 158), что въ Млр. колдунъ назыв. каверзникъ, т. е. вяжущій, что соответствуетъ Твр. паузникъ, собственно дѣлающій паузы.

Рвать. Въ нѣкоторыхъ словахъ для шерсти или льна, нити и ткани можно распознавать основное представлениe рвать. Форма рѣвати предполагаетъ корень ру, который находимъ въ руно, шерсть, кожа и (въ разн. Влр. губ.) будничное изорванное платье, т. е. платье вообще; съ другимъ суфф.—то-же значеніе: Срб. ру-хо, нить: „Јела танко рухо преде“ (Срб. цјес. III, 147), Срб. и Чеш.—платье; въ Русс. въ старину значило вѣроятно шерсть *), осталось же въ сл. рухлядъ при значеніи мѣха и платья. Отъ дратъ—Чеш. раздер, Пол. paždzióг, клокъ пакли и пр., Перм. падера густой, падающій хлопьями снѣгъ, а съ л. вм. р. и съ суп. к-длака (у Вацер. мн. ч. tlaki), шерсть; Русс. Пол. дра-тва, нить сапожная, Серб. дреtва,

*) Ср. ирха т. е. рѣха съ ѿ вм. ү: Вят. опушка на шубахъ, оторочка, Нижегород. веткая кожа, Млр. Пол. Чеш. родъ мягко выдѣланной кожи, замша.

шнуроκь; Чеш. Луж. drasta и Луж. drastwa, платье. При сл. хлопокъ находимъ Пол. szarpać, рвать, держать и Влад. Костр. харпай, Тул. харапай, шерстяной каftанъ, халатъ. Какъ Русс. кудри, Пол. kędzioru, Чеш. kadeře и др. переходитъ въ сл. кудлы къ значенію длинной, мохнатой шерсти животныхъ, а въ кѣдель, кудель, kädziel, Серб. кунадра—къ значенію пакли; такъ и кор. мъх, имѣющій значеніе шерсти въ сл. мохнатъ и въ Млр. вовки сироманьці (съ перестановкою зв. х. См. Зап. о Ю. Р. I, 38), сук-мана (Ср. баять и баҳаръ, маять и маҳатъ)—къ волосамъ въ приводимомъ Памвою Бер. сл. мох-ры, пукли. На по-нятіе рвать указывается здѣсь Влр. маҳры, отрепъя, клочья одежи, откуда мақъ маҳровый, такой, коего лепестки будто порваны. Какъ слову холстъ соотвѣтствуетъ сл. шерсть, такъ при плать—порть, обл. Влр. портино, полотно, находимъ старинное порть, ленъ (Азб. въ Ск. Рус. Нар.), откуда Срб. пртен, Хорут. perten, льняной. Предполагая сродство между Пол. piatać, Русс. пластать и пра-ти—пороть, мы находимъ основное представление рвать въ приведенныхъ словахъ и въ сходныхъ съ ними: ст. Русс. прѣ, паруса и удвоенномъ пра-поръ, знамя, Пол. пгброгзес, значокъ на копъѣ. Отъ знач. рвать (пороть) идетъ и Русс. портить.

Переходъ отъ шерсти (въ основ. предст. рвать) къ нити посредствуется тѣмъ, что и прясть знач. рвать, что видно въ выраженіяхъ „мыкать мычку“ *), Млр. скубти куделю“, откуда Смол. скубить, прясть, и въ самомъ прясть, которое блико къ прядатъ, прыгать и Млр. прудкий, Пол. rędkі быстрый. Связь рванья и быстроты видно въ словахъ: Хорут. dir, dirjati рысь,

*) Ср. смыкать. Пряденіе лину загадывается такъ: „пять овечекъ стогъ подъѣдаютъ, пять овечекъ прочь отѣгаютъ“ (Ск. Р. Н. I, 2, 95), откуда видно, какъ сложилась очень древняя сказка о матери, обороченной въ корову, которая пряла за свою дочь.

бѣжать рысью, Болг. подиря въ слѣдъ, дирѣх, слѣжу, преслѣдую, Русс. удирать; Пол. имукаѣ, убѣгать, Рус. мчать; въ Пол. гуч, движение, при коемъ Пол. Луж. guchły, Чеш. guchlý быстрый, поспѣшный; въ Пол. rzucić, бросить, (рю-ру), п. ч. и бросанье сродно съ быстротою, какъ въ прати, быстро бѣжать (Азбуков.), и прати, метать, откуда праща, Пол. ргоса; въ Влр. торопить и торопъ, порывистый вѣтеръ, при коихъ Ст.-Сл. трапъ, яма, т. е. вырытое, и тропа (см. ниже. Ср. также Волог. трупать, бить, ударять, и Арх. Новг. тропаѣть, стучать ногами, тяжелоходить).

Для объясненія перехода понятія шерсти (рвать) къ ткани нужно предположить родство понятій рвать и плести—ткань. Въ тавтологическомъ выраженіи косу чесать, въ коемъ первое слово по формѣ относится ко второму какъ ход къ шед, находимъ основное значеніе рвать. Какъ при сл. гребень, которое должно иметь основное представление близкое къ тому, которое выражено словомъ чесать, находимъ гл. грести, изгребье, грубыя волокна, отдѣляемыя при чесаныи льна (откуда изгребный холстъ, Пол. zgrzebne plótno, грубый холстъ) и Срб. уграбити=Пол. рогваѣ; такъ, при чесать (волоса) есть Чеш. česati, рвать, напр. плоды съ дерева, вѣти. Послѣднее значеніе встрѣчаемъ въ Млр. від-чах-нуть гдѣ *x* изъ *c*, въ чесвенія, по Азб., рождія, лозіе древесъ, храстіе, и въ Срб. кош-ље, обрубленныя вѣти дерева. Срб. драча, чешлья, чешльуга, терновникъ, а можетъ быть и встрѣчаемое въ нанихъ старинныхъ словаряхъ драчіе, хоина, напоминаютъ формулу: „Мене змиють дрібні дощі, А розчешуть густі терни“. Рвать переходитъ къ понятію рѣзать (ср. Влр. рушать, напр. жаркое, хлѣбъ) и бить (ср. дратъ и ударить), а понятія бить и рубить—сходны, такъ что вм. рубить и высѣкать огонь, говорять кресать. Отсюда понятно, почему Срб. кресати—не только обрубливать вѣти, но и чесать волоса: „Трећи јунак прне брке веже (усы плететь), А четврти сједу браду креше

(чешетъ)“ (Пјес. III, 317). Подобнымъ образомъ и чесать, кромѣ обыкновенного значенія, можетъ имѣть и другое: рѣзать, рубить, такъ что коса, capilli, и коса, falx,—слова одного корня, относящіяся другъ къ другу, какъ страдательный предметъ къ орудію: коса, кос-ма чех-ла (по Азб. шерсть)—самостоянно то, что рвутъ, рѣжутъ**). Но въ томъ-же корнѣ есть и представление плетенья. Положимъ, что его нѣтъ въ словахъ: чехоль, Чеш. *česel*, простира и родъ платья, Каз. чехликъ, волосникъ, наголовникъ, носимый женщинами подъ платкомъ, въ Срб. коша, кошуља (=Русс. Пол. Чеш.), рубаха: Кост. Влад. кошуля—овчинная шуба, покрытая бѣлымъ толстымъ холстомъ, и значение шубы (основн. понят. рвать) можетъ быть въ этомъ словѣ древнѣе значенія рубахи; но трудно допустить, что рванье не переходитъ къ плетеню въ с. кошъ, корзина, и во всѣхъ отъ него образованныхъ, изъ коихъ замѣтимъ Твр. кошолки, плечи. Какое наглядное значеніе имѣло плетеніе въ этомъ послѣднемъ словѣ—нельзя сказать навѣрное; но плетеніе находимъ и въ двухъ синонимахъ сл. кошолки: плечи родственно съ плету, а спина, вѣроятно изъ съ и плати. Такое-же отношеніе, какъ кошъ къ касать, имѣютъ Каз. тор-

**) Доказательствомъ, что коса и чесать есть значеніе рвать, можетъ служить и то, что родственные съ ними слова имѣютъ значенія: быстро бѣжать и дотрогиваться. а) Какъ отъ чесати съ суфф. *r*—*čebrati* (Вацер. *carmiagē*), такъ оттуда же, но съ у въ *e*—Млр. чухрати, быстро бѣжать (Ср. чухатись, почесываться); самое чесать—бѣжать: „Козакові велика потуга: Поламалась дощечка у плюга. „А чи мені дощечку тесати, Чи до дівки на всю нічъ чесати“. Согласно съ этимъ Срб. кас, касати—рысь, бѣжать рысью. б) Какъ Костр. рѣть и Пол. *tu-szab*, трогать,—одного корня съ рвать, а Русс. трогать—съ трѣгати, Пол. *targać*, дергать, рвать; такъ и Ст.-Сл. касатисѧ, касаться, соответствуетъ значенію рвать въ другихъ словахъ того-же корня.

пýще, соломенная рогожа, тóрпище, пологъ для перевозки зерноваго хлѣба (Дон.), веретье (Тамб.), и проч. *)

Въ Серб. пýсняхъ выражение „кроити рухо“ употребляются даже тамъ, гдѣ бы мы сказали пошить платье. Отсюда портной — въ Пол. Чеш. krawiec, krawec, krejčí; соответственно этому Чеш. rub, платье (ср. сродныя съ нимъ слова въ другихъ нарѣч.) — отъ рубить, риза — близко къ рѣзать.

Платье. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ основаніи нѣкоторыхъ изъ символическихъ значеній платья и ткани должно лежать понятіе рвать, рѣзать. Рубаха и вообще ткань бывають символами дѣвицы, женщины: „Рубашечка полотняна, Аифисычка молодая, Рубашечка подарена, Аифисычка сговорена“ (Сказания Русскаго Народа, 1, 3, 115). Слова — подарена и сговорена соотвѣтствуютъ другъ другу, потому что говору предшествуютъ подарки жениху и другимъ, состоящіе изъ рубашекъ, рушниковъ, платковъ, приготовленныхъ обыкновенно самою невѣстою. Дары эти называются въ Великороссійской пѣснѣ полотняными, а въ Сербскихъ — бѣлыми: „Красна дѣвица дары мыла Тонки полотняные, Дорогіе все тафтяные“ (Ск. Рус. Нар. 1, 3, 129); „Слажи, мајко, моје беле даре“ (Срп. пјес. 1, 22. Ср. 29, Пам. и Обр. 240). Любить женщину

*) Выше, на основаніи Ст.-Сл. плѣница, цѣпь, сдѣлано предположеніе, что плѣнъ — полонъ — собств. связанное. Взявши въ разсчетъ Чеш. plenitѣ и равное ему по значенію плѣти — полоть, скорѣе можно бы перевести плѣнъ черезъ Пол. ťup. Въ сл. плѣница будетъ то же основное значеніе рвать (отсюда же Пол. рѣпѣ: rѣnia=Млр. о-полонка, прорубь, дира во льду, какъ дира отъ дратъ), Быть можетъ сл. рѣ-мы, —ень можно приурочить къ встрѣчаемому у Бер. и Зиз. „рѣю волоку, шарпаю, пхаю“. Ср. сродныя съ этимъ рѣю: Перм. Арх. ремокъ, рямокъ, лоскуть, оторванный отъ одежи, Оренб. ремохъ, Вят. ремоха, —ива, ўшка, родъ тряпки.

значить рвать платье: „Удовице лице объубъено, Дјевојачко јако заљубљење; Удовице рухо подерано, Дјевојачко јако за дераше (Срп. пјес. 1, 227). За-тѣмъ ткань—и женихъ, любовникъ, и рвать ткань—житъ съ нимъ, что видно изъ слѣдующихъ стиховъ, въ ко-ихъ противоположеніе любовника добру (имѣнью) и платью предполагаетъ сравненіе: „Најстарија говорила: „Ja bi благо највољила“. А средње је говорила: „Ja bi руо највољила“ Најмлађа је говорила: „Ja bi драга највољила: „Ти ћеш. благо потрошити, „Ти ћеш руо подерати, „Ja ћу с драгим живовати“ (*ibid* 328). На основаніи сродства сл. пороть, рвать и прать, мыть, послѣднее ста-вится вмѣсто первого, какъ символъ любви: „Ој не žal my toji chustki szczom ju biło prała Tilki my žal Wasyleńka, zsom ho wirno kochała“ Ž. Р. П. 23). Впрочемъ сближеніе можетъ здѣсь быть основано на томъ, что бѣлъ значитъ милъ, Ср. „Упергсе, масиѣко, košnlenku; Juž mi odmluvaju mu milenku. Juž je košulenka vyškrobená; Moja majmilejší od-mluvena“, т. е. выходитъ за другаго, слѣдовательно любить его? (Mor. Nar. Р. 312). Какъ ни мало этихъ примѣровъ, но они имѣютъ полную силу, находя подтвержденіе въ символическомъ значеніи дороги и земли.

Дорога. Не тронутое ногою человѣка пространство представляется цѣлымъ, откуда Влр. идти цѣлкомъ, цѣликомъ — идти безъ проложенной дороги, Срб. цијелац—снѣгъ, на коемъ не видно слѣда, Вят. цѣ-локъ, сугробъ. Такъ-какъ снѣгъ — бѣлый платокъ (Grim. Märch. 1, 109), новая скатерть: „У насть на молоду скатерть бѣла, весь міръ заслала“ (первый снѣгъ. Ск. Рус. Нар. II, 7, 106); то можно сблизить съ цѣлъ Польское *całun*, саванъ, Чеш. *čalaun*, коверь.

Человѣкъ рветъ на ходу землю, а жукъ, легкій на ходу, „идетъ—земли не дереть“ (Сказ. Рус. Нар. 1, 2, 94); слѣдовательно цѣликъ—не изорванная но-гою земля. Согласно съ этимъ, названія слѣда, колеи,

тропы, дороги имъютъ основное представлениe рвать *): Вят. космá, колея на дорогѣ, собственно то, что рвется, рѣжется, по связи съ подобнозвучнымъ словомъ для шерсти и съ коса, falx; Серб. пртина, слѣдъ на снѣгу, пртити, прокладывать такой слѣдъ, Чеш. prt', Словац. rугt', у Подгалянъ регé, лѣсная (и горная) тропинка, относятся къ портъ и портить; Срб. траг, слѣдъ (ср. Чешск. trh, прорѣзанная, проведенная черта), откуда тражити, искасть, т. е. идти слѣдомъ,—къ трѣгати **); тропа, стезя, слѣдъ, какъ напр. въ тропить, Серб. трап. („кола на широки, узани или на ду-гачки трап“, возь съ широкимъ длиннымъ, узкимъ ходомъ, при чемъ разстояніе колесъ обозначено слѣдомъ ихъ) имъютъ при себѣ гл. тропать, топать, стучать ногами (Арх.), тяжело ходить (Новг.), т. е. рыть, бить землю: ср. Новг. тропнуть, ударить объ землю, Ст. Сл. и Срб. трапъ, яма; дорога, по звукамъ, можетъ такъ

*) Тождество слѣда и дороги видно въ Сарат. „шляхомъ доиель“, слѣдомъ, въ Чеш. drahowati, Русс. (вы) тропить Пол. tropic' слѣдить, слѣдомъ идти.

**) Отсюда Срб. с-тражњи, заднїй; такъ какъ „ходить за кѣмъ“ значить повиноваться, служить, то Хорут. stregi—служить кому; отъ понятія ходить за кѣмъ образовалось Общеславянское значеніе словъ с-теречь, с-торожа. Кажется, Млр. стражнѣ перо значить крайнее, самое большое перо, напр. въ гусиномъ крылѣ. Что до лѣтописного „ходить“ (за кѣмъ) и связанного съ нимъ вести, жена водимая, то оно сохранилось въ Млр. веснянкѣ: „Якъ задумався молодъ жениться, ходивъ же молодъ по всіхъ городахъ, Та найдшъ молодъ себѣ дівчину. „Оде-жъ буде моя сванечка, „А оде—буде моя свіилка, Оде-жъ буде дружко мій, „А де буде моя дівчіва, „А ти, дівчино, ходи за мною: „Будешъ ти міні повікъ слугою“. Послѣ каждого стиха—припѣвъ: „Э—эхъ, я молодецъ тихий, Перебуриць я молодицъ“. Перебуриць, по объясненію пѣвицы, перебирающій, а молодиць можетъ быть не род. мн. ч., а имен. молодецъ, потому что въ Валкахъ э близко по выговору къ ѿ.

относиться къ трагъ, какъ дергать къ тръгати, дряхлый къ трюхлый, дрязги къ трески. Какъ при дорога, via, есть Арх. дорода, веревка, Нижег. дбогъ, дброкъ, шелкъ, Ст.-Сл. подрагъ, fimbria, а при трагъ и Срб. траканац (слѣдъ и „шаран исјечен у каиш“; послѣднее зн., конечно, отъ значенія полосы)— Срб. трак, лента, повязка, Русс. торока, торочокъ, шнурокъ для обшивки одежды (Волог. Оренб.), т. е. оторочка, Твр.—лента въ косѣ; такъ при Ст.-Сл. цѣста, Чеш. cesta можетъ стоять Сарат. цѣны, пасмы. Дорога рвется (ср. Чеш. chlр cesty, Пол. kawał drogi, кусокъ дороги), длинна, какъ веревка, и вяжеть, какъ веревка: по загадкѣ ее „къ избѣ не приставиши“ (Ск. Р. Н. I, 2, 62); по другой, она могла бы до неба достать: „Лягла Гася, простяглася, а якъ встане, до неба достане“; она говоритъ о себѣ: „Кабы руки да ноги, я-бы вора связала, Кабы ротъ да глаза, я-бы все рассказала“ (Ск. Рус. Нар. I, 2, 100). Постоянный эпитетъ дороги, широкая, имѣть въ основаніи значеніе длины, память о чёмъ сохранилась въ языкахъ: ст. Пол. szurz зн. даль, разстояніе: „bila wyelka szirz myedzi gimi“ (Maciejow. Dod. do Pism. Polsk.) и тавтологическія выраженія въ слѣдующихъ стихахъ: „Szeroko daleko mojej matki pole; Ale szerzej-dalej pocieszenie moje“ (Zejznn. R. L. Podh. 103). Дорога—ткань: въ святочномъ гаданіи, кому вынется платокъ, тому ъхать въ дорогу (Терещ. Б. Р. Н. VII 176); въ загадкѣ дорога — „ширинка — всему свѣту не скатать“ (Этн. Сб. I, 170); то-же говорять выраженія: „полотно дороги“; „пожелать скатертью дороги“, т. е. гладкой дороги и счастливаго пути. Какъ и ткань, дорога—женщина: „Лягла Гася“, т. е. Анна; ср. „Широкая улиця очеретомъ перетикана; Чорнявая лівчина всіхъ козаківъ перекликала“. Ходить вообще любить: „Ej Hicsi! sia lekko wbijje, lekko mi chodyty; Lubka moja sołodeńka, muszu tia lubiły“ (Stare gaw. i obr. Wojcik. II, 152). Отсюда ходить по дорогѣ, какъ и рвать ткань, значитъ любить

женщину: „Což je ta cestička auzka, kterau jsem chodí wáwal; Což je ta panna hezaučka, kterau jsem milowáwal“ (Staročeské pow. etc. sebr. Sun. lork. I, 15); „Ишовъ, ишовъ дарогою, да и въ ямку впавъ; Любивъ, любивъ харошую, да-й плюгавку взявшъ“ (Пам. и обр. 47).

Пахать. Дорога представляется частью поля. Это довольно вѣроятно, хотя бы и не было вѣрою, что шляхъ, Пол. szlak, дорога, Чеш. šlek, šlak, колея—изъ съ и ляха—лѣха, поле, и что слѣдъ—изъ съ и лѣда. Поле тоже цѣло, если оно не тронуто плугомъ (ср. цѣлина Срб. цјелица = ледина, непаханное поле), потому что и пахать, какъ идти, значить рвать, какъ видно изъ Пензен. дрань, вспашка сохою цѣлины *). Изъ такого очень естественного взгляда можетъ быть объяснено, почему названія бороны, какъ и назв. гребня, имѣютъ въ основаніи понятіе рвать. Серб. дрѣча, борона, не требуетъ объясненій; Срб. влача, борона и Русс. волочить имѣютъ при себѣ Срб. влачити, не только орать, но и чесать ленъ, паклю, откуда влакно, ленъ.—Сл. брана—борона сродно съ братъ и усиленною формою послѣдняго—

*) Чеш. pachati, дѣлать (ср. Пам. Бер. вѣздѣланіе, оуробленье, запаханье; вѣздѣлай, оуроблю, запахую), получило это значение отъ зн. орать. Рус. пахать вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ имѣеть еще значенія: махать, вѣять и мести. На этомъ основаніи метенье сближается съ орьбою, какъ видно изъ загадки о поду печномъ: „у насъ въ дому сѣро поле распахано, разглажено не сохой, не бороной, а козлиной бою одой“ (Ск. Рус. Нар. II, 107), т. е. помеломъ, которое загадывается такъ: „въ углу за полицей сидитъ старъ съ бородой“ (ibid.). Отсюда метенье, какъ и оранье,—любовь, бракъ: „Не метена уличка, не метена; Ще старша дружечка не ведена. Треба уличку промести, Треба дружечку провести“ (Метл. 211). Издатель замѣчаетъ, что это относится къ обычаямъ прогожать дружку до ея дому; но не имѣеть ли здѣсь иести, кромѣ собственного значения, еще другаго: братъ жену?

бороть, которые въ обоихъ видахъ выказываютъ значение хватать, рвать: ср. тавт. выраж. „хватцы-борцы“ и Млр. „брать лёнъ“=Блр. „лёнъ ирвать“, Серб. „жито брати“, т. е. жать. Что до Чеш. *brana*=Пол. *brama*, ворота, Ст.-Рус. борона („стоиши на борони“), забоболо, Серб. брана, плотина, то они получили свои значения черезъ посредство пон. плести, городить заборъ. При Пск. боро-ада, борона, находимъ общеслав. зн. этого слова: *sulcus*, т. е. вырытое сохой, плугомъ, а равно и реченія, указывающія на отношеніе этихъ словъ къ понятію рвать: бра-дѣвъ, Срб. брадва, сѣкира, и ткацкое бердо=Срб. брдо. Слѣдовательно, борона сходится въ основномъ значеніи съ тканью, а потому и сближается съ нею, изображаясь въ загадкахъ плахтою и рядномъ: „плахта—тарахта все поле забігає“; „диряве рядно все поле вкрило, Бога просило, щобъ ся зазеленіло“.

Оратъ, какъ рвать ткань, значитъ любить, жениться „*Oraw že ja oranyciu na jaru pszenyciu; Perewiw ja divczyuńku ta na mołodyciu*“ (*Ž. P. II. 192*); „*Šykna rola podworana, naša hyšcer pusta; Sykne žowča koženione, naša hyšter fryjna*“, т. е. не выдана (*Haupt. II. 102*); *Nie siej takiej roli klóra źle zorana; Nie kochaj sie, w takiej, klóra rozkochana* (*Wójc. II. 200*). Даже ходить по вспаханному полю значитъ потерять девство: „*Chodziła dziewczyna po zoranej roli, Zgubiła wianeczek swój rozmarynowy*“ (*Wójc. II. 215*). Въ слѣдующемъ забыть уже полъ земли, и пахать землю значитъ любезничать съ мужчиной: самое паханье замѣнено признаками его, волами и раломъ: „*Na Krakowskiej roli stoja, woły z radłem; Nie żal by pogadać, byledy z kim ładnym*“ (*ibid. 200*). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ оратъ при роля—слово не линнее только въ такомъ случаѣ, если роля—пахатное, а не вспаханное поле. Въ послѣднемъ смыслѣ Млр. *rillja*—жена, мать дѣтей: „*Ta лучча rillja ранняя, а нижъ тая пізняя;... Ta лучча жінка першая, а ніжъ тая другая*“. Копать—то же, что рыть и оратъ: „*Ne oři, ne koru*

samo mi se rodí; Má m takú galanku, sama za mnú chodi“ (Mor. nár. p. 295); ср.: „Було-бъ не копати зеленого гаю; На що жъ було брати зъ далекого краю? Було-бъ не копати зеленои вишні; На що-жъ було брати, коли не підъ мисли? Було-бъ не копати зеленого дуба; На що-жъ було брати, коли я не люба? Було-бъ не копати билоі берези; Ой ти-жъ мене сватавъ не пьяний, тверезий. Гора—женщина: „Сунце зађе међу две плачине, Момак леже међу две девојке“ (Срп. пјес. I, 215). Осюда: „Адна гара высокая, а другая низка; Адна дзѣука далёкая, а другая близка. Буду тую гару капаць, которая низка; Буду тую дзѣуку любиць, которая близка“ (Пам. и Обр. 238). Не соответствуетъ ли въ слѣдующихъ ст. колоться (о горѣ) — любви, такъ-какъ лупаться — признаться въ любви: „Ой ти горо кремінная, чомъ ти не лупаешься? Скажи, скажи, сердце дівко, правду, въ кимъ ти кохашься? Ой що-бъ же я за гора була, щобъ я лупалася! Ой хиба-бъ же я розуму не мала, що-бъ я призналася“ (Метл. 37). Не сближается ли также оранье земли конскими копытами и копытами, съяные костыми и поливанье кровью (ср. Сл. о Пыл. Иг., Ск. Р. Н. I, 3, 241 и друг.) съ любовью и бракомъ?

Равнина. Нѣкоторыя назвація пространства, частью сближаемыя съ тканью, частью такія, въ коихъ это сближеніе не можетъ быть нами доказано, имѣютъ въ основаніи понятіе рвать. Слова руб-ежъ, край, краина, Украина, Срб. стар. краище, первоначально означавшія только границу, потомъ перешедшія на всю страну и даже міръ („весь світъ—україну кругомъ облітала“), собственнымъ своимъ значеніемъ указываютъ на дѣленіе страны. Это послѣднее сравнивается съ раздираньемъ платья: „Колись-то, якъ ще Польща пановала, бо теперъ Польщи тилько рукавъ: увесь світъ-свита, а Польщі тилько рукавъ...“ (З. о Южн. Р. I, 5); „Тогді ще Московської землі бувъ тілько одинъ рукавъ, та-й годі“ (ibid. 115). Какъ Срб. драга, долина, сродно съ дорога и понятіемъ рвать, такъ

и долъ, долина, сближаются съ дратъ, такъ что долина—собственно вырытое (водою)? Ровный, равнина очевидно относятся къ к. ру—рвать; подобнымъ образомъ поле (и полъ, sexus, пола, платья)—къ плѣти, въ см. рвать, и прати, пороть. Оближеніе поля съ долиною здѣсь и въ обыкновенномъ пѣсенномъ выраженіи: „поле раздолыице широкое“, можно понимать такъ: если долгота и ширина тождественны въ языкѣ, а долгій имѣть въ основаніи понятіе рвать; то и ширина сближалась съ разрываньемъ, а по широтѣ названо поле.

Въ самомъ началѣ привели мы примѣры связи иириянья птицъ и свободы; ширина поля—тоже символъ свободы и сродныхъ съ нею понятій: раздолье, собственно широкое пространство, потомъ свобода, наслажденіе (если съ нимъ связана мысль о свободѣ); роскошь—тоже, потому что противополагается неволѣ („Nie uzyje roskoszeїki i тѣё źona, Tylko biedy i niewoli“) и сближается по значенію съ рвать, рѣзать, такъ, что предполагаетъ значеніе широты; сл. пространство, просторъ, близкія къ стереть, стрѣти, переходять къ свободѣ, что чувствуется въ сл. просторъ и въ слѣдующемъ выраженіи: „и уже не гордится (то есть не страдаетъ подъ бременемъ: гордость—бремя, тяжесть) въ законѣ человѣчество, но въ благодати пространно (свободно, безъ труда) ходить“ (Илар.). Отсюда поле—воля: „Коли-жъ я у полі, тогді я на волі“. Равнина—свобода дѣйствій: Якъ сюди, такъ туди, такъ всюди рівно; Якъ мені, такъ тобі кохатися вільно“ (Метл. 114), и веселье: „Долина, долинушка, раздолье широкое. Приволье широкое, приволье веселое“ (Терещ. Бытъ Р. Н. II. 305).

Горы. Горы стѣсняютъ свободу движенія, затрудняютъ путь, такъ что трудный путь лежить непремѣнно черезъ рѣки и горы (Срп. пјес. I. 226. Метл. 217 и др.), оттого горы противополагаются равнинѣ, какъ символъ неволи, горя. Невѣста противополагаетъ гористое мѣсто, гдѣ она выросла, своей дѣвичьей волѣ, а

равнини, среди коихъ прійдется жить у свекра,—стѣсненіямъ, которыхъ тамъ ея ожидаютъ: „Що у моого батенька да усюди гори, да гуляти до-волі, А у свекорка да усюди рівно, та гуляти невільно“ (Метл. 147—8). Отсюда жить на горѣ—тужить: „Ой ти живешъ та на горі, А я підъ горою: Чи ти тужишъ такъ за мною, Якъ я за тобою“, т. е. ты живешь въ крутыхъ обстоятельствахъ, а я въ довольствѣ; но тоскуешь ли ты такъ за мною въ своемъ горѣ, какъ я за тобою? Измѣна наводить горе, а потому въ слѣдующихъ стихахъ пшеница (дѣвица) посѣяна на горѣ: „Ой яромъ, яромъ пшениченъка, по-підъ низомъ овесь; Ой не по правдї, мій миленький, ти зо мною живешъ“ (Метл. 67); „Ой посію на горі пшеницю, підъ горою овесъ; Ой чому не по правдї, молодий козаче, ти зо мною живешъ? (ibid. 68). Въ Влр. пѣснѣ снится чужая сторона, которая „безъ вѣтру сушить, безъ морозу знобить (Ск. Р. Н. ч. III. 204, 208 и 248. Метл. 258) и тяжелая работа въ видѣ высокой горы: „Ужъ я видѣла, подруженьки, гору высокую... Эта гора то высокая—чужадальняя сторона“ (Тер. Б. Р. Н. II. 247); Видѣлись мнѣ, горькой, Темные лѣса, круты горы: Темные лѣса—чужа семья, Круты-тѣ горы—тяжелая работушка“ (ibid. 302). По Лужицкой пословицѣ, „Коїду та swoje hory“, т. е. свое горе (Нацрт. II. 194). Отсюда видно, что сближеніе горы и горя основано, какъ большая часть подобныхъ сближеній, не на пустой игрѣ словами, а на извѣстномъ взглядѣ на природу.

О СВЯЗИ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ *) ВЪ ЯЗЫКЪ.

(ПО ПОВОДУ СЛЕДУЮЩЕЙ ПѢСНИ:

Зеленая явріночка,	Молодая Марусечко,
Чомъ ти мала невеличечка?	Чомъ ти мала невеличечка?
Чи ти росту не великого?	Чи ти роду не великого?
Чи коріння не глибокого?	Чи ти батька не богатого?
Чи ти листу не широкого?	Чи ти матки не розумної?
— Я й росту високого,	— Я й роду великого,
Я й коріння глибокого,	Я й батька багатого,
Я й листу широкого.	Я й матки разумної

(Метл. 156—7).

Эта пѣсня—величанье невѣсты. Чтобы найти случай похвалить родь, отца и мать невѣсты, у нея спрашиваютъ: отъ чего она мала ростомъ: отъ того-ли, что она не „великого рода“, т. е. что у нея въ роду нѣть рослыхъ? отъ того-ли, что ея отецъ не богатъ и мать не умна? Предполагается, что багатство отца и умъ матери нужны для того, чтобы вскормить и выростить дочь.

Мы обратимъ вниманіе на сближенія росту дерева и роду, корня и отца, широкого листа и ума матери, находящія соотвѣтствіе въ языке).

*) Представленіемъ называется тотъ признакъ, посредствомъ коего слово выражаетъ содержаніе мысли. Такъ напр. все мыслимое при Скр. имени родоначальника людей *Ману* обозначено въ этомъ словѣ однимъ признакомъ,—способностью

I. Родъ и ростъ и т. п.

Чи ти росту не великого?..

Чи ти роду не великого?..

Слово *родъ*, въ смыслѣ совокупности родичей, предполагаетъ значеніе произращенія (дѣятельности, Великор. обл.) и плода (результата). Въ Серб. оно есть между прочимъ синонимъ слова *плодъ*. И само по себѣ, независимо отъ явственнаго сближенія съ ростомъ дерева, оно заключаетъ въ себѣ сравненіе рода, какъ явленія человѣческой жизни, съ про-

---

мысли; *Ману* есть мыслящій (кор. *ман* тотъ самый—что и въ слав. *мънѣти*, память). Въ Скр. названіяхъ человѣка: *мануджса* (рожденный отъ Ману, потомокъ Ману=слав. *мужъ*) *мануш а* (суфф. *а* обозначаетъ зависимость), *манава* (отечественное отъ Ману=Русск. на *ицъ*, *огича*) а равно и въ Нѣм. Mensch, признаки человѣка (арійского племени), сколько бы ихъ ни было, обозначены однимъ, именно происхожденіемъ отъ миѳического родоначальника Ману.. Такимъ образомъ языки установилъ связь трехъ представлений: мысли, Ману и человѣка вообще. Быть можетъ, вліяніе первого изъ этихъ представлений следуетъ видѣть въ томъ, что Великор. глаголь произведеній отъ *мужъ*, именно *мужеватъ*, значитъ обдумывать, соображать, разсуждать:

И *мужеватъ* тутъ старой (Илья М.) разговаривалъ:

„Куда мнѣ ище старому да съ золотой казной“—(Пам. и обр. 353).

Вѣроятно впрочемъ и то, что такое значеніе слова *мужеватъ* родилось безъ вліянія корня *ман*, что слово это значитъ собств. быть мужемъ, дѣлать то, что прилично взрослому, т. е. разсуждать. Соответственно этому Бр. *старовать* (собст. быть старымъ) зн. бесѣдовать, говорить.

Какъ бы то ни было, изъ этихъ примѣровъ видно, а) что собственное значеніе слова не есть полное содержаніе мысли, связанной со словомъ, а только одинъ признакъ, символически обозначающій эту мысль, что слово есть *представленіе* мысли; б) что измѣненіе значеній одного и того же слова и образованіе отъ извѣстнаго слова новыхъ словъ устанавливаетъ прежде всего связь представлений, а потомъ—всего того, что мыслится подъ представлѣніями. Въ этомъ установленіи связи обнаруживается вліяніе языка на мысль. Принятое въ языкъ соченіе представлений становится исходною точкою для мысли всѣхъ говорящихъ этимъ языкомъ. Однимъ словомъ *Манава*

израстеніемъ дерева и вообще растенія. Скр. глаголь ардн, ближайшій по формѣ къ слову *родъ* (и *ростъ*, гдѣ с изъ д) имѣеть въ Скр. только переносная значенія удачи, благополучія и т. п.; но гл. вардн (врдн), отъ котораго произошелъ первый посредствомъ

дана исторія происхожденія племени. Поколѣнія, слѣдующія за создателями этого слова, могутъ расширить и углубить взглядъ, выраженный этимъ словомъ (напр. приписать происхожденіе отъ *Ману* и не-Арійцу), могутъ и устранить этотъ взглядъ новымъ, но миновать его не могутъ, пока, произнося, понимаютъ смыслъ слова *Манава*. Подобнымъ образомъ слова *мужевать, старовать* даютъ не только связь представлений *мужъ, старъ* съ дѣятельностью мысли, но до извѣстной степени опредѣляютъ и самое содержаніе ими обозначаемое. Съ точки зрѣнія этихъ словъ такъ должно быть, чтобы старый разсуждалъ; эта точка зрѣнія ведетъ къ противоположенію старости и скудости мысли.

Извѣстное сочетаніе представлений, принятое въ языкѣ въ словѣ одного корня, по нѣскольку разъ повторяется въ словахъ другихъ корней; послѣдующія образованія подчиняются аналогіи съ предшествующими. Такъ, напр. въ нѣсколькихъ словахъ различнаго происхожденія замѣтенъ одинъ и тотъ же переходъ отъ быстрого движенія къ хитрости и уму. Повтореніе одинакового способа сочетаній образуетъ привычку мысли. Поэзія и міѳологія развиваютъ сочетанія представлений, какія находять въ языкѣ. Въ текстѣ представленъ примѣръ параллелизма рядовъ представлений въ языкахъ съ одной стороны и въ постоянныхъ пѣсенныхъ выраженіяхъ съ другой. Въ отдѣльныхъ случаяхъ не всегда ясно, развитое ли сравненіе родилось изъ одного слова, или наоборотъ, слово создано подъ вліяніемъ развитаго поэтическаго образа. Но причинная связь между тѣмъ и другимъ въ періодѣ безличнаго творчества не подлежитъ сомнѣнію; вѣрно также, что слово, какъ простѣйшая форма поэтическаго сравненія, первоначально предшествуетъ этому послѣднему.

Извѣстный способъ сочетанія представлений не есть общебязательная форма человѣческой мысли. Языки различны по направленію рядовъ представлений.—Сгибъ народного ума, на сколько онъ зависитъ отъ языка, можетъ быть открытъ только путемъ мелочнѣхъ этимологическихъ изслѣдованій, которыхъ дадутъ матеріалъ для общихъ выводовъ. Покамѣстъ для характеристики языковъ законами перехода представлений сдѣлано весьма мало.

опущенія начальнаго въ, сохранилъ не только производныя значенія (цвѣсти, быть счастливымъ), но и первообразное „рости“.

„Великій родъ“ могъ бы быть сравненъ съ ростомъ древеснымъ не только въ томъ мелкомъ значеніи, которое мы видѣли въ приведенной пѣснѣ („рослые родичи“), но и въ другомъ: *великий родъ*—хорошій, старинный, древность коего ручается за достоинства его членовъ *).

---

*) Если человѣка хотятъ почитать, то называютъ его *вичемъ*, по отчеству. По имени—*называютъ*, по отчеству *величаютъ*: „какъ васть назвать по имячку и *воззвеличить* по изотчинѣ“ (Обл. Слов. Олон.).

Тебѣ пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ,
Что по имени тебя *называемъ*,
По изотчеству *величаемъ* (Гул. Оч. ю. с.).

Въ Мр. пѣсняхъ неопределенное почетное название почетеннаго молодого человѣка или дѣвицы есть *отецький сынъ, батькова дочка*:

„перевозила царівъ та панівъ,
Та отецькихъ сынівъ (Метл. 333);
по смыслу колядки, величающей дѣвицу, честь быть батьковою
дочкою не уступаетъ чести быть царевною:
...До церкви пійшла, якъ зоря зійшла,
У церковъ війшла та й засіяла.
Тамъ пани стояли та ії питали:
„Чи ти царівна, чи королівна“
— Я не царівна, ни королівна,
Батькова дочка, славная панна (ib. 331).

„Отецький сынъ“—вообще хороший человѣкъ: „якъ лутиця отецький сынъ, отдастъ мене мати“. Подобнымъ обр. и въ Вр. наоборотъ „неотецький сынъ“—не столько ругательство въ родѣ серб. *курви*, *копиле*, и подобныхъ русскихъ, сколько невѣжа, человѣкъ безъ воспитанія:

Ты невѣжа, ты невѣжа, не отецкій сынъ,
Для чего ты невѣжа, эдакъ дѣлаешь? (Пам. и обр. 52).

На глубокодревнемъ убѣждениіи, что хорошія свойства передаются по наслѣдству, сохраняющемъ силу въ известныхъ слояхъ и до нашихъ дней (Ср. Полхи Черном. Коз. о выборѣ въ пластиуни), основанъ и почетный смыслъ Серб. названій человѣка хорошаго гнѣзда: *кућић* (изъ хорошей *кущи*, хаты), *одисаковић* (отъ хорошаго очага), *кољеновић*, *племић* (хорошаго колѣна, племени).

На основаніі нѣкоторыхъ словъ можно думать, что наблюденіе надъ измѣненіями человѣка отъ времени сдѣлано было не непосредственно надъ человѣкомъ. Сначала замѣчены были и обозначены словомъ измѣненія дерева, растенія, и эти измѣненія послужили образомъ и объясненіемъ возраста человѣческаго. На безсловесный вопросъ, что такое возрастъ, возмужалость, старость и т. п. человѣкъ отвѣтилъ себѣ: это то же, что фазы роста дерева; онъ отвѣтилъ такъ, назавши старость человѣка и т. п. словами, обозначавшими прежде только явленія растительной жизни. Такъ связаны были въ мысли два различныя явленія. Это одинъ изъ множества примѣровъ того, какъ языкъ, во времена скучного развитія, одинъ, свойственными себѣ средствами, ведеть мысль по тому же пути обобщенія и отвлеченія, по которому потомъ идетъ наука. Указать извѣстную степень тождества развитія человѣка и растенія, можетъ быть, для своего времени также важно, какъ для нашего—научно доказать сходство двухъ повидимому несходныхъ явленій.

Слѣдуютъ подтвержденія сказаннаго.

Признакъ взрослаго дерева тотъ, что оно стоитъ перпендикулярно (Вр. обл. *стамо, стамово*, т. е. стоямъ), прямо, прочно, что оно wysoko. Отсюда строевой, высокій лѣсь называется *стоячимъ*: „выше лѣсу стоячаго“. Связь дерева и отвѣтного направленія видна въ серб. *дубити*, стајати упрано, стоять прямо (отъ *дубъ* въ смыслѣ дерева вообще) *дупке*=Пск. въ *дыбки*, на заднихъ ногахъ, прямо *дыбомъ, на дыбахъ*. Связь отвѣтности, высоты и дерева находимъ въ словахъ: Mr. *стремитъ* (и др. Слав.) торчатъ, Вр. обл. *стромко*, высоко, литер. *стрем-главъ*, сторч головою, *стремнина*=Серб. *стремо*, крутизна, Чеш. *strom*, дерево (какъ стоящее отвѣтно). *Стоячий* (высокій) лѣсь служить образомъ человѣческой старости въ Нѣм. *alt* (по Боппу, отъ к. ардѣ, рости, откуда и Лат. *altus*, высокій), которое не только само по себѣ указываетъ на сравненіе старости съ высокимъ (выросшимъ, рослымъ) деревомъ.

вомъ, но и явственно сравнивается съ wald: оборотень (Вр. обмѣнъ, обмѣнныиъ) говорить о себѣ: „ich bin so alt, wie der Westerwald“ (Gr. Myth. 437 и др.). Такое или подобное сближение старости и (стоячаго) дерева видимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ:

а) Съ Скр. *стхавира*, старый (кор. стхѣ, стоять), ср. Скр. происходящія оттуда же стхѣвара, стоящій, не-подвижный, стхира, то-же, стхѣла (отъ видоизмѣненаго корня стхѣ, большой, толстый, грубый. Съ послѣднимъ ср. Слав. *стволъ* дерева, растенія, доказывающее присутствие въ Слав. яз. такого же видоизмѣненія гл. стхѣ въ стху, какъ и въ Скр. Оближая Серб. *дебло*, стволъ древесный, съ *дебео*, дебелый, толстый, жирный, увеличивимъ вѣроятность того, что въ словѣ *стволъ* можетъ быть то-же значеніе толстоты, прочности, производное отъ значенія „стоять“ (прочно), какое есть въ Скр. стхѣла.

б) Сл. *Ста-ръ* (состѣв. стоящий) и одинаковое съ нимъ по значенію и корню Серб. *ста-ман*, могли-бы значить не только „старый“, какъ значать дѣйствительно, но и „крѣпкій, прочный“, какъ Серб. *ста-мен*, прочный, вѣрный, Скр. стхира и Скр. стхѣ-ман, сила (сред. р.; въ Слав. должно бы быть, если-бъ было, въ видѣ *ста-мя*, какъ Скр. на-ман есть въ видѣ и-мя).

в) Каково бы ни было собственное значеніе сл. *дрѣво*, нельзя, не смотря на разницу въ правописаніи, не признать его сродства съ древинъ, древлю. Съ дрѣво сближаемъ Польск. *trwac*, Чеш. *trvati*, *durare*, и Mr. *trvati*, ждать (вѣроятно изъ Польск.); переходы звучныхъ въ однозвучные весьма обыкновенны. При этомъ Серб. форма *трајати*, *durare*, представляется вторичною, съ ј изъ в., какъ въ Серб. *лавезис*, лай.

г) Быть можетъ, какъ *trvati* относится къ дрѣво, какъ Серб. *боравити* (если это слово, известное только въ Серб. не есть иностранное)—къ борѣ, въ смыслѣ дерева вообще. *Боравити*—*vitam agere* („какъ боравиш? не боравиш?“); *санак боравити*—спать; потомъ, т. к.

жить=быть, а забыть потерять изъ памяти, то заборавити—забыть.

д) Сл. гол-ѣмъ (Ст. сл. Серб. Болг.), великий, Костр. галъма, галъмо, много, очень много, можно сравнить съ Русс. голомя, стволъ {дерева, подобно тому, какъ мы сблизили сл. стволъ съ Скр. стhула. Въ обл. Бр. напрѣчии голомя, давно, высота ствола становится мѣрою времени: „давно ли упель такой-то?—уже голомя“. Голъмъ и голомя ср. съ Лит. gal-ч, gal-ѣти, мочь, быть въ состояніи, быть здоровымъ, сильнымъ. Въ этомъ послѣднемъ можемъ предположить основное значение „рости“, опираясь на аналогію съ могу (môgen, mègas, mag-nus, Скр. ман-ат и пр.), при коемъ стоитъ скр. манh, манh, рости.

е) Мы видѣли близость представлений старости и крѣпости, прочности, объясняемую тѣмъ, что образомъ старости было стоячее, прочное дерево. Связь (стоянья) прочности и дерева можемъ предположить и въ словѣ съдрасъ, даже если сблизимъ его не съ кор. дру, firum esse (такого корня не находимъ въ Петерб. словарѣ; при томъ этому производству мѣшаетъ полно-гласіе слова здоровъ), а съ Скр. дару въ значеніи дерева, въ которомъ, въ силу вліянія другихъ словъ, могло появиться этимологически не заключенное въ немъ значение крѣпости. Что до предлога въ словѣ съ-драсъ, то въ Скр. прилагательное, образованное изъ предлога са (=сл. съ) и названія предмета, значитъ: находящійся вмѣстѣ съ этимъ предметомъ (*сапутра*, вмѣстѣ съ сыномъ), снабженный имъ (*сапущна*, съ цвѣтами, цвѣтущій), сходный съ нимъ (*сарупа*, имѣющій одинаковый видъ, сходный). Это послѣднее значеніе можетъ имѣть предлогъ съ и въ словѣ съдрасъ, которое въ такомъ случаѣ будетъ значить: сходный съ деревомъ (по прочности). Другіе примѣры такого значенія предлога съ въ славянскомъ съврѣсть (имѣющій одинаковую версту, т. е. возрастъ), сверстникъ; съобразъинъ (имѣющій одинаковый образъ), сходный, и пр. При напоминѣ объясненіи Малорусское зна-

ченіе слова *здоровый* (большой, дюжій) будетъ предшествовать значенію „*sanus, incolumis*“.

ж) Представленіе старости, древности, протяженія времени въ образѣ *высоты дерева* есть частный случай обыкновенного пріема мысли измѣрять время пространствомъ. Другіе примѣры этого пріема:

аа) Высота полета птицы есть образъ дальняго времени:

Ой *високо* соколові до неба літати;
Ой *далеко* козакові до осени ждати.
Хоть *високо*—не *високо*, треба долітати;
Хоть *далеко*—не *далеко*, треба дожидати,
(Метл. 7).

бб) Скр. *дұра*, далекій (о пространствѣ) имѣеть неправильную сравн. и превосход. степень *дав-йанс*, *давишина*, съ коими справедливо сравниваютъ (Гильф. Микуц.) Славянское *давинь* (далекій—о времени, при чмъ степень отдаленія можетъ быть очень невелика,—часъ или нѣсколько; ср. Вр. обл. *дави*, *давя* (*давъ?*) *давечка*). Интересно, что Онеж. *давненько*, сохранило значение такое же, какъ упомянутыя Скр. слова и близкое къ нему: далеко (о пространствѣ), высоко.

Сшибалъ молодца со бѣлыхъ грудей,
Давненько сшибалъ да выше лѣсу темнаго.
(Пам. и Обр. 358).

вв) Вѣкъ человѣческій представляется пространствомъ, полемъ, моремъ; перейти, переплыть зн. пережить, перебыть: „кручино поля не изѣздишъ“ (вѣку не проживешь); „вѣкъ прожить не поле перейти“; „однимъ волокомъ вѣка не проживешь“ (волокъ—водо-раздѣлъ, лѣсь на немъ и вообще лѣсь, дорога лѣсомъ, разстояніе между смѣнами лошадей, станція; приведенная пословица зн.—въ одинъ перегонъ, въ одну упряжку вѣку не проживешь);

Переступлю я сінечки и покутню лаву;
Пережила поговора, переживу й славу (М. 87);
„Жизнь изжить, что море переплыть“;

Ой я въ морі купалася
И я въ біду попалася;
Я-жъ море *перебреду*
И я біду *перебуду* (Лаврен. Пісн. 5).

Возможно, что Лит. metas, время, годъ, значитъ собств. нечто измѣренное ходьбою, движеньемъ; корень—Скр. *ми, ма*, идти. Слав. *вѣкъ* сравниваютъ съ Скр. *ê ka*, одинъ (Гильф.); но вѣрнѣе, кажется, принять *къ* за суффиксъ и сблизить съ Скр. *вај-ас* (кор. *вај*, вѣ, идти), *вѣкъ*, юность, птица (идущая, летящая): *вѣкъ*, молодость летитъ какъ птица:

Видно пролитъ мої дивій вѣкъ
Еснимъ младымъ соколомъ
Мимо моей буйной головы,
Крылышкомъ не задержиу онъ

(Этн. Сб. V, Вельск. свад. обр. 34).

Съ одной стороны старость граничить съ возмущалостью, здоровьемъ, силой; съ другой—она переходитъ къ зпаченію заботы, печали, болѣзни, для коихъ, какъ и для первыхъ, языкъ находитъ образы въ жизни дерева.

a) Согласно съ пословицею „старость не радость“, въ Серб. Чеш. Луж. *старость*—забота, печаль (здравица: „да Бог окрене старост на радост“); *стараться* значитъ прежде заботиться, „печаловаться“, а потомъ уже—усиливаться что сдѣлать.

b) *Дряхлый* въ разныхъ своихъ измѣненіяхъ имѣть значения—болѣзни дерева, человѣческой старости, болѣзни, печали: ср. *трюхлый*, о деревѣ: гнилой; *дряхлый* старикъ—дряблый; Стар. сл. *дряхло*, *дряхсель*, печальный, озабоченный; Чеш. *truchlý*, *truchlivý*, печальный; Серб. *труо*, трюхлый, но *трухла* жена=трудна, беременная и въ этомъ смыслѣ больная (*труд*=болѣзнь); Новг. *трухавый*, хилый, хворый. Вѣроятно, основная форма этихъ словъ начинается съ отавучной; ср. Лит. *tręsz-tu*, *tręsz-au*, *tręsz-ti* трюхнуть, гнить. Можно думать о корнѣ *trac*, дрожать, который въ славянскихъ нарѣчіяхъ является съ носовымъ зву-

комъ (*труслисти*, *трусистъ*), и безъ него (*стражъ*; если предположить не встрѣчаемую форму *състрахъ*, то это слово будетъ цѣликомъ равняться Скр.-му *саімтраса*, страхъ). Въ такомъ случаѣ *трюхлый* (о деревѣ) значило бы собственно: дрожащій, колеблющійся, противоположный старому въ смыслѣ крѣпко стоящаго.

с) Сродные корни *хыл*, *хыр*, со значеніемъ клонить (хилити), качать, колебать, бросать (Новг. захирить, закинуть; швырять; представленія колебанья и бросанья сродны и въ другихъ случаѣахъ) отъ значенія клониться, качаться переходить къ значенію слабости и болѣзни: хилый, слабый, больной; Обл. Вр. *хиль*, болѣзнь, *хильмень*, хилый человѣкъ; *хилкій*, о погодѣ: вѣтренный, но Арх. Новг. *хилкой*, слабый, нѣжный (собств. склоняющійся отъ вѣтру); *хвилкій*, *хвиллы*, слабаго сложенія, больной; *хирый*, тоже, *хирѣть*, болѣть; *хворый*, тоже, Ченп. *chvoravý*, *choravý*, худой, *churavěti*, худѣть. Въ Лит. и Скр. упомянутымъ корнямъ соотвѣтствуютъ уже формы съ конечнымъ *p*, *л*: Лит. *swer-du*, *swerdě-ti*, *swyru*, *swir-ti*, *swygoju*, *swyroti*, хилиться, качаться (напр. очертить отъ вѣтру), *swerti*, вѣсить; Скр. *hвал*, дрожать, колебаться, качаться *); однако, если сравнить слова *хылити*, *хѣгрити* съ тождественнымъ по всѣмъ значеніямъ *хгѣтати* (колебать, Срб. бросать; ср. *хватать*), то нужно будетъ признать какъ *л*, *p* въ первыхъ, такъ и *t* во второмъ, за суффиксы.

Поясненіемъ собственного значенія словъ *хилый*, *хворый* служить то, что въ пѣсняхъ дерево или былина, склоняемая вѣтромъ — любимый образъ печали **),

*) Если сюда же относится Скр. *hvar*, быть кривымъ, извиваться, и если, какъ обыкновенно думаютъ, это *hvar*. изъ дѣвар, то нужно будетъ допустить, что *х* въ *хилить* и въ *hвал* есть остатокъ придыхательного зубнаго, что кажется очень сомнительнымъ.

**) Ср. Не *хилися*, яворонъку, ще ти зелененъкий;

Не *журися*, казаченъку, ще ти молоденъкий.

Не радъ явіръ хилитися; вода корінь мие;

. Не радъ козакъ *журитися*, такъ серденъко ние.—

съ чѣмъ сравни Бр. *маяться*, качаться, потомъ—горевать. Другой образъ горя—болѣзни, тоже взятый изъ жизни дерева, тотъ, на который указываетъ пословица „не гули коре, не чини горе“ (Срп. Посл. 197): печальному и больному человѣку такъ, какъ дереву, съ котораго деруть кору. Сравни Серб. *бортати*, болѣть, съ Чеш. *bortiti*, колоть; *бортъ*—состѣв. дупло, щель въ деревѣ, одного происхожденія съ *брать*, рвать, стало быть—нѣчто выдранное. Не совсѣмъ ясно основное значеніе Бр. обл. *древитъ*, бранить, досаждать („ты

Въ чистімъ полі стояла береза,
А верхъ похилився; казакъ зажурився.—
Изъ-за гори вітеръ віє, березоньку хилить.
Не хилися, березонько, ще ти зелененька,
Не журися дівчинонько, ще ти молоденька
(Метл. 20).

Замѣтимъ противопоставленіе хиленья-журбы и молодости-зелени, согласное съ вышеупомянутымъ сближеніемъ старости и печали.

Самый видъ дерева, склоняемаго вѣтромъ, наводитъ печаль:

Та виліала галка зъ зеленаго гайка...
Сила на дубочку...
„Та не хилися дубе, бо життя не буде,
„Та не хилися сосно, бо й такъ мені тошно“.
„Та не хилися гілко, бо й такъ мені гірко,
Та не хилися низъко: нема роду близъко
(Метл. 245, 250, 251).

Сначала человѣкъ стремится увидѣть состояніе своей души въ окружающихъ его явленіяхъ природы, и ходъ этого сознанія себя во внѣшнемъ мірѣ даетъ ему наслажденіе творчества. Потомъ, когда цѣль достигнута, природа построена по образу человѣка, когда всякий ея лучъ и звукъ напоминаетъ известное явленіе внутренней жизни, можетъ случиться, что человѣкъ радъ бы отдеѣляться отъ этихъ напоминаній, потому что и безъ нихъ сознаетъ въ себѣ тягостное чувство. Отъ всякаго намека ему становится больнѣе, а между тѣмъ привычная мысль по прежнему толкуетъ природу, такъ что кажется будто природа, на зло человѣку, подновляетъ его горе. Къ такому состоянію духа относится вышеупомянутая пѣсня. Ср. еще слѣдующее: кому не весело, тому тяжело слышать шумъ деревьевъ, если съ этимъ шумомъ онъ привыкъ связывать мысль о печали:

ужъ мнѣ не говори да и сердца моего не дрэви“, какъ бы не раздирай, не мучь), Поль. drwić, издѣваться, Чеш. drviti, бить, толкать, глупо говорить. Вовсе не видимъ сродства словъ: Вр. хлибкій, о деревѣ: хрупкій; о человѣкѣ—чувствительный напр. къ морозу, хлибить, быть нездоровымъ. Врядъ ли можно думать о связи ихъ со слабѣ, Лит. silp-ti, быть слабымъ, усталимъ, silp-nas, слабъ.

„Ой не шуми луже ти зеленої гаю,
„Не завдавай серцю жалю,
„Бо я въ чужімъ kraю“.

Склонившіяся вѣтви предвѣщаютъ печаль, смерть:
Ой за лугами,—за берегами схилилися вѣти,
Засідають вражі Ляхи Перебійніса вбити.

(Метл. 401).

Ср. „древо не бологомъ (не къ добру) листвіе срони“
(Сл. о. П.).

Мр. Билина потому именно служить обычнымъ образомъ сиротства, одиночества, горя, что поддается всякому дуновенію вѣтра:

Ой у полі билина, ії витерь колишє;
Горе-жъ мені на чужині, ажъ мій духъ не диме.
(Метл. 78. ср. іб. 136, 262).

Гибкія лози, и потому служащія символомъ печали, на этомъ же основаніи знаменательно риемуются со слези:

Ой виїхавъ молодий козакъ за густій лози,
Ой узяли молоду дівчину дрібненькій слёзи.
(Метл. 110).

Ой поросла запорожжя густими лозами;
Облилися запорожці дрібними слёзами.—
Ви густій лози та одхилітесь;
Ви дрібній слёзи та одкотітесь.—
Вивезли дочку за густій лози,
Обили матку дрібненькій слёзи,

(Костом. у Морд. 275).

Отношеніе между рассматриваемымъ нами символомъ и обозначаемымъ можетъ представляться однимъ изъ проявленій сочувствія природы человѣку. Такъ въ Сл. о П. „уныша цвѣты жалобою и древо съ туюю къ земли преклонилось“.

Сила горя изображается тѣмъ, что оно во внѣшней природѣ производить свой символъ:
(Замужняя дочь) „Обернувшись возулею та въ годъ прилетіла.
Якъ сіла-жъ я въ батька въ саді,

II.

Чи кориння не глибокого?
Чи ти батька не богатого?

а) Пень—*Корень-отецъ*. По Лужицкой половицѣ „kajkiж koreй, taжki wukoreй (Smol. II. 193), каковъ корень, таковъ отпрыскъ, каковы родители, таковы дѣти. Серб. „безъ стара пања сиротно огњиште“ (Посл. 12), плохо семье безъ отца, безъ старшаго въ родѣ. Этой пословицѣ соответствуетъ другая: „тешко кући без чоека, а огњишту безъ хребта“ (ib. 315), при чемъ ясно,

Ой якъ же я закувала, ввесь садъ поламала,
Ой якъ же я затужила, ввесь садъ заглушила.
(Метл. 257),

Перекинуламся въ сиву зозуленьку,
Въ калиновімъ гаю сїла.
Якъ взяла ковати, жалібненъко співати,
Ажъ ся взяли къ землї ліси калинові
Одъ голосу розлягати (Кост. у Морд. 227).
(Зозуля) Ой якъ летила—дугъ поламала,

А где спочивала, кирница стала. (Метл. 258 іл 255, 256).

Она силою своего кованья-плача не только гнетъ, но и ломаетъ садъ. *Ломитъся* такой же знакъ печали, какъ и *гнутись*. Ср.

Що галочка воду несе коромисель гнется,
А Василець въ віконечко якъ береза льетця (вьетця).
...Гнися, гнися, коромисель, *не переломися*:
Василечку, сердце мое, не плачь не журися.

(Метл. 303).

Нѣчто подобное и въ Бр. пѣснѣ:

„Перейди, сударушка, на мою сторонушку“.
—Я бы рада перешла, переходу не напла,
Переходъ нашла—рѣчка глубока,
Рѣчка глубока, жердочка тонка,
Тонка, тонка гнется, боюсь-переломится;
Знать-то мой милой съ иной водится. (Отеч. Зап. 1860. IV. Григ. Р. Н. П. 456).

Качанье дерева, какъ символъ печали, сколько мнѣ известно, рѣже встречается въ друг. Слав. пѣсняхъ, чѣмъ въ Mr.; ср. Бр.

Ня бѣлая бярезушка шатаится,
Ни шалковыя листья асыпаются,

что огнище, очагъ—образъ рода, семейства, хозяйства. *Хреб*, корень, ср. съ Обл. Вр. *хряпа*, большие верхние листы капусты, *хряпка*, кочерыжка (Орл. Тул.) и *старуха* (Смол.). „Као два одсјечена пања“ каже се за стара чоека и жену, који ће не мају (ib. 131). „Оста један, као пањ у лазину“ (272), о человѣкѣ у кото-раго весь родъ вымеръ. *Лаз*, *лазина*—место где је много шуме исјечено. „Нијесам ја тиква без коријена“ (него имам рода) (ib. 217).

Зеленая дубровонько!
Чого въ тебе *пеньку* много,
Зеленого да ні годного,
Порастоньки ні од одного?
Молодая Марусенька!
Чому въ тебе *батьківъ* *) много,
Що рідного да ні годного,
Порадоньки ні од одного? (M. 155).

Въ варианте вм. *пеньку* стоитъ *борівъ* въ томъ же значениі:

Зеленая та дібрівонько!
Чого въ тебе та *борівъ* много,
Зеленаго та ні одного,
Шароста ні одъ одного?
Молодая та дівчинонько!
Чого въ тебе та *батьківъ* много,
А рідного ні одного? (M. 154).

Собирательное значение Рус. *боръ*, красный, хвой-

Тутъ шатаится гарюшка маладзешинька,
Асыпаются гарячие слёзы (Этн. Сб. II. 158).

и Лужицк. *Stój ta lipa we tom dole,*
Wóna se rjedňe zeleni.
Wóna se chwějo tam a how,
Zož (когда, если) *ten wietšik na nju stój.*
Luby ten ježo na wójnu,
Lubka ta šiežce zdychujo (Smoler. Напрт. II 27).

Зеленая липа въ долинѣ качается отъ вѣтру, и это образъ милой, тяжко вздыхающей по миломъ, который ёдетъ на войну.

*) т. е. родичей заступающихъ у сироты мѣсто отца.

ный лѣсь, предполагаетъ единичное значеніе хвойнаго дерева и дерева вообще. Такъ Серб. *бор* (=Нѣм. *föhre*) сосна, ель (какъ и Чеш. *bog*) и всякое дерево, почему въ пѣснѣ и яворъ называется боромъ:

О яворе-зеленъ боре,

Диван ти си род родио (Кар. Пјес. I. 449).

Такъ и Стар. сл. собирательное борије предполагаетъ единичное, и сл. *борина*, лучина (Азбуков.)—значить не часть лѣса, а часть одного сосноваго или еловаго дерева. Въ приведенной пѣснѣ *боръ*, какъ нѣчто находящееся въ дубровѣ, имѣть конечно единичное значеніе, но какое именно—не можемъ сказать. *Боръ* въ смыслѣ корня, пня намъ не встрѣчалось нигдѣ. Въ другихъ Mr. пѣсняхъ лѣсь, какъ собирательное, именно *лугъ*, лѣсь на низкомъ мѣстѣ, есть символъ отца:

Темного лугу калина;

Доброго *) батька дитина (М. 234) **)

Щебечітъ соловейки,

Та задайте ту гу темному лугу

И моему панотченку (М. 142).

Запорожцы, подъ вліяніемъ пѣсенныхъ сравненій, звали батькомъ лугъ растущій по берегамъ Днѣпра: „Січъ мати, а великий лугъ батько“. ***)

б) „Коріння глибокаго, батька богатаго“. Отъ Скр.

*) Темний—добрий. Чѣмъ темнѣе и гуще лѣсь, въ которомъ ростетъ калина, тѣмъ скорѣе она убережется.

**) Жить на извѣстномъ мѣстѣ-росты: „бе који ниче ту и обиче“; ће ко никне, ту и обикнє“ (Посл. 57, 87); ће се ко не еије, нека пе ниче (ib. 76).

***) Другое значеніе луга—другъ, милый:

„Ой пійду я пійду не берегомъ лугомъ

Чи не зостринуся зъ несуженимъ другомъ“.

Здоровъ, здоровъ луже, не сужений друже!

Здорова дівчино, любилися дуже (М. 94).

Не берегом—лугомъ. Ср. „Уже лужечки—бережечки

вода поняла (М. 131, 701, 402).

Лугъ растетъ на берегу, и связанныя на этомъ основаніи представленія *луга* и *берега* не разрываются, хотя бы въ предметахъ и не было этой связи.

врдѣ вардѣ, (оттуда Греч. *riza* корень (изъ *briza*), Лат. *radix* (отъ ардѣ) и Нѣм. *wurzel*, Гот. *waurts* (Боппъ), прич. прошл. страд. врдлна знач. *adultus*, *auctus*, *dives*, *senex*. Въ предѣлахъ сравненія человѣка съ корнемъ: чѣмъ старше, глубже, прочнѣе корень, тѣмъ старше и богаче человѣкъ. Ср. „сидѣть на корю“ владѣть дѣдовскимъ имуществомъ.

Сл. *корь*, род. *коря* зн. корень, родина, наслѣдственное имущество, деревня, выселокъ. Съ *корь* въ значеніи деревни (или и одной избы?) ср. сл. *корчма*, Поль. *karczma* Чеш. *krcma*, Срб. крчма, вездѣ съ однимъ значеніемъ: шинокъ, постоянный дворъ. Слово это очевидно отъ *корчъ*, корень, пень, стволъ. Если взять во вниманіе то, что первобытное состояніе гостепріимства въ Сербіи, о которомъ говорить Караджичъ, еще не такъ давно могло быть повсемѣстнымъ, что корчемъ въ нашемъ смыслѣ не было, но каждый большой домъ былъ для путника корчмою; то можно думать, что сл. *корчма* предполагаетъ значеніе: осѣдлость богатаго человѣка, сидящаго „на корю“.

в) Изъ двухъ пословицъ, приведенныхъ подъ а), видно, что какъ *корень*—отецъ, такъ *отпрыскъ*, *паростъ*—дитя. Отъ значенія дитяти, потомка легокъ переходъ къ назначенію молодаго человѣка или дѣвицы вообще. Ср. Серб. *ћетић*, мужчина вообще, молодецъ (*held*): „намјери се ћетић на ћатића; въ Чешск.-Мор. пѣсняхъ *syn*, *syneček*—очень употребительно въ смыслѣ молодецъ, милый, такъ что сыночкомъ называетъ дѣвица своего любовника (Mor. Nar. P. Susil. 89, 113 и пр.); слово *парень*, сынъ (Перм.), молодой человѣкъ, можно сблизить съ Скр. *प्रि॒* (пар), *प्रिनाति॑*, радовать (родств. съ *प्रि॒*, къ кому относится слово *प्रियते॑ल्य*), такъ что *парень* будетъ значить—сынъ какъ *утѣшающій* родителей, аналогично съ Скр. *नन्दाना॑*, *नन्दाका॑* (отъ *नन्द*, быть довольнымъ, радоваться), сынъ (—нâ, дочь), какъ тотъ, отъ котораго ожидаютъ *утѣшения*, радующій родителей, семью (кула-нандана). Сбли-

женіе вѣткѣ и дитятіи въ пѣсняхъ очень обыкновенно. Въ Mr. риѳмуются слова и віти и діти *):

Въ языке это сближеніе находимъ въ слѣд.: Луж. hole, góлje, дитя, holc, парень, holca, дѣвица, Чен. hole —lete, дитя, holek, holka, мальчикъ дѣвочка,—ср. съ Чеш. hole (голя), hol, вѣтвь, палка, голія, Mr. гілля, гілка; Чеш. holomek, парень, ср. съ голомя. Наоборотъ, пасынокъ—меньшее изъ двухъ сростшихся деревьевъ (Арх.), отростокъ напр. табку (Mr.), Серб. младица—молодая (жена), младица—паростъ, вѣтка.

III. Листъ древесный и слово.

Звуки виѣшней природы весьма часто служатъ въ народной поэзіи образами членораздѣльной рѣчи.

*) Розхилітця, калинові віти;

Приими, мила, хоть мали і діти (M. 266).

Схилилися калинові віти;

Розплакались маленькій діти (M. 271).

Висипъ, милий, високу могилу,

Та посади червону калину,

Уродуються великій віти

Забавляти маленькій диті (ib.)

Ой у полі да калинонька, похилилися вітки;

Не одинъ чумакъ покида жінку и маленькій диткі (ib. 459).

Верхъ дерева—дѣвица, дочь:

Стой яблонка вѣкъ безъ верха;

Живи, мой батюшка, вѣкъ безъ меня

(Сах. ск. Р. н. III, 149).

Кругомъ солнце обошло,

Рядомъ бояре ъхали,

Вершину у рябинушки сломили,

Конямъ подъ ноги бросили:

„Топчите, кони, вершинушку;

Стой рябина безъ верху;

Живи батюшка (матушка) безъ дочери“

(Гуляевъ Оч. Ю. С. 6. 43).

Срб. Одби се грана од јергована (бузокъ)

И љепа Смиља од своје мајке,

Од своје мајке и од свег рода (Кар. Пјес. I, 33),

Какъ вѣтка отрывается отъ куста такъ дѣвица отъ рода. Кстати замѣтить связь куста и пня: Русск. коръ, кря, по формѣ=Польскому kierz, krza, кустъ rzak; можетъ быть поэтому „сыръ крековистый дубъ“ значитъ вѣтвистый?

Такъ напр. человѣческая рѣчъ представляется шумомъ дерева:

А не въ бору сосна зашумила
Не зелена діброва зъ буйнимъ вѣтромъ говорила,
А та вдова старенька въ домівці зъ маленькими
дітками говорила (Метл. 347);

Что не дубъ стоитъ, зміуланъ сидитъ; что не вѣтеръ шумитъ, зміуланъ говоритъ (Гуляевъ, Оч. Юж. Сиб. I, 57). Въ Литовской пѣснѣ, на оборотъ, въ шумѣ дуба слышится человѣческий говоръ:

Tas aužolelis, tas szimtszakelis
Su vėjužiu kalbėjo (Nesselm. Lith. volkslied. 81)

(Этотъ дубъ, этотъ стовѣтвистый съ вѣтромъ говорилъ) *).

Какъ дерево шумить листвою, такъ человѣкъ говорить словами. Отсюда слово представляется листомъ древеснымъ. Такъ въ Литов. пѣсняхъ:

O asz ne turiu tévo nej moczutēs.

Nej jokiōs giminės,
Auga girelej' žalias aužolelis
Taj mano ne tévelis.
Lémū ne tévas, szakos ne rankeles,
Lapelei ne žodelei (Ness. L. V. 60).

(Уменя нѣть ни отца, ни матери, и никакой родни. Ростеть въ лѣсу зеленый дубъ, то мнѣ не отецъ. Стволъ не отецъ, вѣти—не руки, листья не слова). Напомнимъ, что противоположеніе листьевъ словамъ пред-

*) Этимъ сближенiemъ рѣчи и шума объясняется, по видимому, сравненіе *рѣчи* и комнатнаго *сора* въ поговоркѣ: изъ избы сору не выносить, т. е. не выносить того, что въ избѣ говорится. Tertium comparationis *рѣчи* и *сора* есть то, что какъ рѣчъ, такъ и соръ есть шумъ: Обл. Бр. *шумъ, шумка* зн. сметье. Въ Бѣлоруссии свекоръ даетъ невѣсткѣ такое ироническое и двусмысленное наставленіе: ты дачушка, паша избу (подметая), шумки за окно не выкидывай (и не выноси сору, и не сплетничай); я, дождавшись Св. Пятра, сбрызу талаку и самъ шумку вывязу*. (Этн. сб. II. 187). Основаніемъ сравненія шума и сора можетъ быть сравненіе сора и шумящей пѣны: Поль. Szumowiny пѣна, которую при кипяченіи снимаютъ какъ лишнюю, Чеш. Šum пѣна Нѣм. Schaum.

полагаетъ ихъ сравненіе, и что вообще всякое отрица-
тельное сравненіе основано на положительномъ. Непо-
средственное появление отрицательного сравненія психо-
логически невозможно.

Stov ant kalnelio žalia lēpele,
Ten mano nactvynelle,
Szitos lépelés zali lapelei
Bus mano prégalvelis.
Už manēs linko lēpōs szakeles,
Ne moczutēs rankeles.
Už manēs krito lēpōs lapelei
Ne maczutēs žodelei (Ness. ib. 166—7).

Стоить на горѣ зеленая липа, тамъ мойnochлегъ;
зеленые листья этой липы будуть мнѣ взголовьемъ;
ко мнѣ склонялись вѣтви липы, но не материны руки;
на меня падали листья липы, но не материны слова).

Ar pavirsi, aužoleli,
I mano téveli?
O szios žalios szakuželes
I baltas rankeles?
Jr szé žali lapuželei
I meilus žodelius?..
Ne pavirto aužolelis
I mano tèveli etc. (Ness. ib. 64).

(Оборотится ли зеленый дубъ моимъ батюшкою, а
эти зеленые вѣтви—бѣлыми руками, а эти зеленые
листья—ласковыми словами? Не оборотился дубъ, т. е.
не стать дубу моимъ батюшкою, ни и т. д.).

Это сравненіе листа и слова предполагается, какъ
увидимъ, и славянскими пѣснями. Здѣсь приведемъ
только Серб. пословицу: од речена до створена, ка' од
листа до корена“ (Кар. Срп. посл. 347), т. е. отъ слова
такъ далеко до дѣла, какъ отъ листа до корня. При-
чины сопоставленія корня съ дѣломъ не ясны.

Листъ, ставши символомъ слова, получаетъ и нѣ-
которыя изъ дальнѣшихъ значеній, какія имѣть слово.
Такимъ образомъ происходятъ сравненія листа и ра-
зума, листа и лжи, которыхъ будуть непонятныя, если

упустимъ изъ виду, что среднее между листомъ и разумомъ, листомъ и неправдою есть слово, которое служить признакомъ мысли и можетъ стать ложью.

Листъ и разумъ. Какъ весною распускаются листья на деревѣ, такъ въ человѣкѣ развивается мысль:

Не стій, вербіно, *розкидайся*;
Не сиди, Марусю, *розмичилайся*,

Чимъ свою свекруху называть будешь? (Метл. 160).

Чѣмъ шире, тѣмъ шумнѣе листъ; чѣмъ рѣчи-
стѣе, тѣмъ разумнѣе человѣкъ. Отсюда сравненіе
широкоты листа съ умомъ:

Молодая явіріоночка,
... Чи ти *листу ни широкого*,
Молодая Марусечко,
... Чи ти *матки не разумної?* (Метл. 157).
У городі бузина, на ій *листу нема*;
Ти поганий, ты мерзений, въ тебе *хисту нема*
(Лаврен. Пісн. 9).

За тѣмъ широта листа, какъ символъ разума,
противополагается неразумью:

Ой ти дубе кучерявий,
Широкий листъ на тобі;
Ти козаче молоденький,
Дурний разумъ у тобі.

Листъ и ложь.

Pusk, pusk, vѣjeli, pusk sziaurineli,

Pusk, nѣ mano mergytѣs

Daug nev rn  zhodeli .

K k ant ruteli  zhali  lapeli ,

T k ant mano mergytѣs

Daug nev rn  zhodeli .

Krint nѣ ruteli  zhali lapelei

Krint nѣ mano mergytѣs

Daug nev rn  zhodeli  (Ness. L. V. 253,

ib. 260).

(Въй, въй, вѣтеръ, въй съверный, свѣй съ моей милой *) много невѣрныхъ словъ (т. е. напраслины). Сколько на рутѣ зеленыхъ листьевъ, столько на моей милой невѣрныхъ словъ. Падаютъ съ руты зеленые листья, падаютъ съ моей милой невѣрныхъ слова).

Ték ant rutū ne darže lapeliū,
Kék ant manēs nevérnū žodeliū
Krint nū rutū darželij' lapelei,
Kris ir mano graudžos aszareles (Ness. ib 187).

(„Не столько на рутѣ въ саду листьевъ, сколько на мнѣ невѣрныхъ словъ. Падаютъ съ руты въ саду листья, будутъ падать и мои горькія слезы“, т. е. польются слезы отъ людской молвы).

Въ слѣдующемъ Mr. мѣстѣ густота вѣтвей сравнивается съ прекраснымъ, но ложнымъ словомъ:

Ой ти, дубе кучерявий, голля твоє рясне;
Ти казаче молоденький, слова твої красні,
Слова твої прекрасні, превражая думка (Мет. 107).

Здѣсь можно видѣть и противопоставленіе листа, какъ слова въ его лучшемъ смыслѣ. Самый эпитетъ слова „nevérnas žodis“ предполагаетъ и имѣть при себѣ постоянный эпитетъ vérnas žodis, Mr. вірне слово **). На этомъ основаніи въ Серб. пѣснѣ опаданье листьевъ есть измѣна; какъ скоро опадаютъ листья съ вѣтки,

*) „Nū mano ūergy'es“ собственно соотвѣтствуетъ „Mr-му зъ моєї дівчиночки“. Мы не заботимся о полной точности перевода; во многихъ случаяхъ она и не достичима. Такъ напримѣръ вѣсъ существительные въ приведенныхъ стихахъ нужно бы перевести уменьшительными; для sziaurinelis, уменьшительного отъ съверный вѣтеръ, нужно бы выдумать новое слово, потому что Бр. спѣверикъ, съверный вѣтеръ, не есть уменьшительное.

**) Напр. Та ні до кого мені промовити
Та вірненъкого словця (Метл. 243).

Та нема цвіту найсинішого надъ ту ожиночку;

Та нема слова найвірнішого, надъ ту дружиночку (ib), т. е. нѣть человѣка вѣрнѣ мужа. Подобнымъ образомъ въ Поль. и Серб. слов wiara вjера само по себѣ значитъ человѣка вѣрнаго, на котораго можно положиться.

которою ударять по землѣ, такъ скоро юнакъ измѣняеть своему слову:

Друге моје, не ходиле луде!
Не држите вјере у јунаку;
Муника глава и шушњата грана:
Удри граном по зеленој трави,
Лист опадне, а грана остане;
Онака је вјера у јунака (Кар. Срп. прјес. I, 388).

Замѣтимъ связь шума листьевъ и рѣчи въ Серб. эпитетѣ вѣтки. *Шушњата грана*—собственно шумящая, потомъ—покрытая листьями вѣтка; ср. Скр. сва^сышать, вздыхать, стонать, и Чеш. suseti (sausen) šuškatí, Серб. *шушкати, шушкетати*, о листьяхъ: шелестѣть; о человѣкѣ: шептать, тихо говорить. Вмѣсто *шушњата* говорится и *шумњата грана*. При этомъ выраженіи, кромѣ слова *шумъ*, стоять еще: Серб. *шума*, лѣсь, потому что шумитъ, п. ч. „шумъ ходить по дѣбровѣ“; Чеш. obuměti, собственно лишиться листьевъ, а потомъ (такъ какъ листъ на деревѣ тоже, что волосъ на человѣкѣ) олысѣть; Вр. *шумиха*, осока, которая какъ известно, шумитъ особымъ, металлическимъ шумомъ. Въ Русскомъ какъ и въ Сербскомъ чувствуется близость корней *сус* и *шум* вѣроятно родственныхъ: *сусальное золото*, иначе называется *шумихою*.

Шумъ дерева и брань, угроза.

Сочетаніе этихъ представлений очень понятно, даже независимо отъ сказанного выше о связи листа и слова; но примѣровъ нашлось только два:

Ой яворе зелененъкий, не шуми-эсь на мёне,
А ты милий, чорнобривий, не сварись на мене.
(Ужинокъ рідн. поля, 100).

Въ Вр. пословицѣ „береза не угроза, гдѣ она стоить, тамъ и шумитъ“ потому только и возможно отрицаніе сходства между шумомъ березы и угрозою, что это сходство нѣкогда признавалось. Даже это отрицаніе, только мнимое: береза въ самомъ дѣлѣ грозить своимъ шумомъ, но ея угроза не страшна, потому что береза съ мѣста не двинется.

Переходимъ къ ряду представленій, который имѣеть въ основаніи другія чувственныя воспріятія, но въ своемъ развитіи сходится съ вышеприведеннымъ рядомъ (листъ, слово и проч.).

Перо, листъ, слово. Слово *перо* въ нѣсколькоихъ нарѣчіяхъ соединяетъ въ себѣ значеніе пера и листа. Такъ Поль. *pioro, pierze*—и *cebuli*; Бр. *хлѣбъ* на третьемъ *перж*, т. е. колѣнцѣ; Серб. *Хорут*.—*перо*, листъ, Серб. *перје*, листья капусты, лука, травы, лепестки розы. Караджичъ, по поводу стиха „просу се бисер по перја“ (т. е. по травѣ), замѣчаетъ, что въ горномъ приморье всякий листъ зовется перомъ (Срп. Пјес. I, 42). Боппъ относить слово *перо* къ корню *pat* падать, летѣть (откуда Слав. *пъта=пътица*), вѣроятно предполагая основную форму *ptero* и затѣмъ выпаденіе *t* для устраненія чуждаго Ст. славянскому сочетанія *pt*. Миклоничъ сближаетъ *перо* съ *прати*, *перж* летѣть, что ни съ какой стороны не встрѣчаетъ препятствій. По обоимъ производствамъ *перо* зн. собственно нѣчто быстродвижущееся, летящее. Переходъ къ значенію листа можетъ быть основанъ на сходствѣ движенія пера-крыла летящей птицы и падающаго или колеблемаго вѣтромъ листа *). Тоже основаніе сравненія листа и пера находимъ въ Лит. и Скр. Лит. *laksztas*, листъ, особенно капустный, листъ бумаги, ср. съ Лит. *lék·ti*, лѣтѣть, *lakstyti* порхать. Если вмѣстѣ съ Миклоничемъ сблизить Лит. *laksztas* и Слав. листъ, то нужно, что онъ и дѣлаетъ, признать первоначальное тождество Лит. *lék·ti* и Слав. лѣт-ѣти. Отъ упомянутаго выше кор. *pat* происходятъ: Скр. *pata-tра-m* крыло (ср. Греч. *pteron* Др. Нѣм. *fedara*. Боппъ) и *patra-m* (изъ пат-трам), крыло и листъ (Греч. *petalon*, Боппъ). Скр. *parna-m*, вѣтка, листъ, по Бенфею—отъ того-же кор. *pat*, изъ птарна-м, Лит. *sparnas*, крыло, ср. съ Лит. *spurzdai*,

*.) Это не единственное принятное въ языкахъ основаніе сравненія: въ Скр. чнада-м (отъ кор. чнад покрывать), листъ и крыло; общее между тѣмъ и другимъ то, что какъ листъ *покрываетъ* дерево, такъ перо-крыло—птицу.

spursti, su spursti, о полетѣ вспугнутыхъ птицъ: вспорхнуть, и съ Скр. снхар, снхур, снхал, двигаться, дрожать, сверкать.

Представленіе слова и славы (дурной) первомъ встрѣчаемъ только въ пѣсняхъ:

Parlék žyvaité pavasarelij',

Parnesz meilêš zodelius;

Ték nér' žyvaitës raibû plunksneliû,

Kék man meilêš žodeliû (Ness. L. V. 242).

(Прилетѣла птичка *) весною, принесла любовныя слова; не столько у птички рябыхъ *перьевъ*, сколько у меня любовныхъ *словъ*.

Jszausz vasarele, parbégs gegužele,

Parnesz meilêš žodelius nû jaunojo bernelio **).

Kék ant geguželës raibû pluksnuželiû,

Ték ant mudviû, berneli, daug nevérnû žodeliû

(Ness. ib. 89).

(Разсвѣтеть весна, прилетить кукушка, принесеть любовныя слова отъ молодца. Сколько на кукушкѣ *рябыхъ перьевъ*, столько на насъ двоихъ, молодецъ, не вѣрныхъ словъ, т. е. славы—поговору).

Въ первомъ четверостишии эпитетъ *перьевъ (рябыя)* соотвѣтствуетъ добрымъ свойствамъ слова (*милыя любовныя слова*), во второмъ онъ имѣть значеніе противоположное (*raiba plunsna=nevérnas zodis*). Первое значение непонятно. Можетъ быть оно предполагается Mr. двустишіемъ:

На курочці *піръячко рябое*;

Любимося, серденько, обое.

Связь между первымъ и вторымъ стихомъ будетъ восстановлена, если допустимъ, что сравненіе рябыхъ перьевъ и любви основано на сравненіи перьевъ и словъ. Въ противномъ случаѣ это будетъ умышленная

*) По Нессельм. трясогузка, motacilla, Bachstelze, по Шлейхеру какая-то птичка Wippenzagel.

**) Jaunas bernelis соотвѣтствуетъ Mr-му молодий хлопецъ, молодий казакъ.

безмыслица, въ родѣ извѣстной: „Въ огородѣ бузина, а въ Киевѣ дядько“ и пр. Второе значеніе эпитета рябой находитъ объясненіе въ томъ, что *рябой*—перемѣнчивый, непостоянныи, лживыи, какъ лжива молва. Ср. Поль. „*łaska pańska na pstrém koniu jezdzi*“, т. е. панская милость непостоянна; Серб. „не вѣла *шарати* (*variegare*, дѣлать сѣрымъ т. е. лгать), јер ѡемо умиријети“ (Срп. Посл. 276); Серб. *шарен*—пестрый, двоязычный.

Мы видѣли въ нѣсколькихъ словахъ связь представленій пера и листа, и потому считаемъ вѣроятнымъ, что именно эта связь служить посредствующею ступенью въ сравненіи слова съ *перомъ*: перо есть символъ листа, а листъ—символъ слова; потому и перо становится символомъ слова. Понятно, какъ въ первомъ ряду (шумъ, листъ, слово) листъ, представляемый шумящимъ, говорящимъ, могъ стать образомъ слова; трудење объяснить, какъ листъ, представляемый чѣмъ-то сходнымъ съ летящимъ перомъ, могъ получить значение слова и сообщить это значеніе перу. Возможны два объясненія: 1) было въ языкѣ такое сочетаніе представленій листа и пера, въ которомъ перо, а стало быть посредственно, и листъ обозначались признакомъ, какимъ обозначалось и слово, напр. *шумомъ* *); этотъ предполагаемый рядъ (шумъ, перо, листъ, слово), въ которомъ послѣдній членъ легко вытекалъ изъ предшествующихъ, своимъ вліяніемъ пополнилъ трехчленный рядъ (полетъ, перо, листъ) еще четвертымъ членомъ, именно словомъ. 2) Могло вовсе не быть предполагаемаго представлениія пера чѣмъ-то шумящимъ. Переходъ отъ пера къ слову могъ произойти всилу непосредственнаго вліянія указанного выше ряда „шумъ, листъ, слово“. Формула этого процесса слѣдующая: дана привычка мысли переходить отъ *ш* къ *л*, отъ *л* къ *с*; появляется рядъ *n, л, въ* которомъ второй членъ тождественъ или сходенъ со вторымъ членомъ 1-го ряда, и мысль переходить отъ *n, л* къ *с*, точно

*.) Ср. Mr. „Орелъ летитъ—*перо дзвенить*“ (Мак.).

такъ какъ переходила отъ *ш*, *л* къ *с*. Не будь третьяго члена въ 1-мъ ряду *ш*, *л*, *с*, не могъ бы появиться этотъ членъ и во 2-мъ ряду *н*, *л*.

Хотя мы нашли переходъ отъ пера къ слову только въ Лит. пѣсняхъ, но вѣроятно, что переходъ этотъ принадлежитъ глубокой древности и былъ нѣкогда болѣе распространенъ. Сочетаніе представлениія *пера* и *листа* играетъ важную роль въ одномъ индоевропейскомъ миѳѣ, въ который, если не ошибаемся, вплетается и сочетаніе пера и слова. Миѳъ этотъ въ своей индійской формѣ состоить въ томъ, что Индра въ видѣ сокола похищаетъ въ пользу боговъ и людей напитокъ бессмертія (*амртам*), находящійся во власти одного изъ враждебныхъ демоновъ Асуровъ, Сушны. Индра есть громовое божество, быстрая и потому представляемая птицею громовая стрѣла; *амрта*, иначе Сома, божественный напитокъ, отъ котораго происходитъ и земной медъ у Слав. и Герм., есть живая вода, животворный дождь, какъ бы извлекаемый грозою изъ тучъ, скрывавшихъ его. При дальнѣйшемъ развитіи миѳа Индра замѣняется олицетворенною силою людской молитвы, божествомъ Брахманаспати, и, что для насъ важно, даже одною изъ внѣшнихъ формъ молитвы, особенно чтимымъ ведическимъ размѣромъ, Гайампомъ. Замѣтимъ, что Mr. слово значить между прочимъ куплетъ пѣсни, откуда недалеко до значенія размѣра. Гайампъ (собственно пѣсня), оборотившись соколомъ, похищаетъ для боговъ и мудрецовъ Сому (олицетвореніе живой воды). Сторожъ Сомы посыпаетъ соколу въ догонку стрѣлу и выбиваетъ у него перо изъ крыла. *Пero* (парна) упавши на землю, становится листомъ, и священнымъ деревомъ (парна), которое сохраняетъ чудесные свойства Сомы, между прочимъ, какъ и небесная влага, умножаетъ молоко коровъ. Мы находимъ здесь, стало быть, только въ другомъ порядке, сочетаніе пера, листа и слова.

Соколъ-Индра (окрыленная громовая стрѣла) или Агни (огонь) вмѣстѣ въ Сомою приносить на землю и

небесный огонь. Онъ самъ есть этотъ огонь, и отъ него ведеть начало огонь земной. Его крыло или перо, упавши на землю, сохраняетъ его свойства, и потому растенія, напоминающія видомъ листьевъ перо или пурпурнымъ цветомъ цветовъ—огонь, представляются земными воплощеніями небеснаго первообраза огня. Такое воплощеніе есть у Славянъ и Германцевъ между прочимъ папороть. Нѣмецкое название этого растенія Farn буква въ букву соответствуетъ Санскритскому *парна*; Сл. *папрать*, *папороть* есть снабженное суффинсомъ ть удвоеніе того-же корня, къ которому относится слово *перо*. Сродствомъ этого растенія—пера съ небеснымъ огнемъ объясняются всѣ его миѳическія свойства *).

Слова корня *rap*, *lap* представляютъ тѣ-же значенія, изъ которыхъ слагаются вышеизложенные ряды, именно: шума вообще и трепета крыльевъ, листа и рѣчи.

1) **Шумъ.** Пск. Тв. *лопотать*, Влад. *лопотать*, о водяныхъ птицахъ: плывя бить крыльями по водѣ; Серб. *лопетање*, трепетанье, agitatio alarum avis vel piscis capti. Судя по тавтологическому выражению въ необъясненной Караджичемъ загадкѣ „*лепирица лепетиће* (мотылекъ трепечеть или „улепетываетъ“) кроз бијело плијешће, петиња је ћерају, а петиња чекају“, мотылекъ въ словахъ: Серб. *лепер*, *лепир*, Арх. *ляпонька*, *липикъ* (и можетъ быть изъ *лѣ?* или непосредственное ослабленіе коренного а), называть такъ отъ трепетанья, лопота крыльевъ,

2) **Листъ.** Съ Литов. *lapas*, листъ вообще (какъ нѣчто шумящее) сходны слова частью съ такимъ же обширнымъ значеніемъ, частью съ болѣе частнымъ: *лапуха*, *лопухъ*, Поль. *łopian*. Чеш. *laraun*, *łoraun*, *larauch*, *łorauch*: всѣ равныя по значенію и происхожденію латинскому *lappa*; Чеш. *luren*, *лонухъ* и листъ зелья, листъ древесный вообще; Тв. Пск. *лепилка*, *лепильникъ* репейникъ, *лѣпушиникъ*, шишка чертополоха, репей-

*.) Kuhn, Die Herabkunft des Feuers etc.

ника, *лапущиться*, о цвѣткѣ; распускаться (ср. Серб. *листати*, о листьяхъ: распускаться); *лепенекъ*, листокъ растенія, цвѣтка, лепестокъ, Пск. Тв. *лапасть*, листокъ, лепестокъ, Олон. *лепинька*, вѣтка, Нов. *лапнякъ*, сосновые сучья, Нижег. *лопникъ* вѣтка ельника, которымъ кроютъ крыши. Вездѣ основная форма корня—*лап*. Сюда же относять Нѣм. *laub*. Другая, болѣе древняя форма, именно *rap*, видна въ Ст. Сл. *рѣпине*, Чеш. *гѣрік*, Поль. *гзер*, Вр. *репейникъ*, Mr. *репъяхъ*, чертополохъ; Ст. сл. *рѣпина*, яворъ, можетъзначить собственно нѣчто широколистое или вѣтвистое; и здѣсь изъ а, какъ и въ сродномъ *раппа*=Лит. гора (о въ Лит. всегда длинно), Лат. *гара*. Греч. *τραπις* (*).

(*) Какъ нѣм. *Blatter* пузырь на тѣлѣ, оспа, относится къ *Blatt*, листъ, такъ къ словамъ корня *лап* въ значеніи листа—Новг. Тв. *лапуха*, дѣтская болѣзнь въ родѣ кори или оспы, Яр. *лопуха* вѣроятно оспа и снѣгъ большими хлопьями (какъ бы листьями?). Одно послѣднее значеніе въ Обл. *ляпуха*, мокрый снѣгъ.

Мы видѣли выше сравненіе широкаго листа съ умомъ (т. е. словомъ). Кажется, значеніе широты не можетъ быть первоначальнымъ въ словахъ корня *лап*. Оно могло легко развиться изъ значенія листа: широкий листъ, какъ листъ лопуха, называется листомъ по преимуществу (какъ въ словѣ *лопухъ*), представляется какъ чѣмъ то особенно шумящимъ. Впрочемъ возможно, что въ другихъ случаяхъ значеніе широты, распространенія есть основное; Греч. *phyllon*, которое относится къ Скр. *phулл*, расpusкаться (о цвѣтахъ), можетъзначить собственно „нѣчто распустившееся, расширявшееся. Какъ бы ни было, къ корню *лап* относимъ рядъ словъ со значеніями одежды, пространства и др. предполагающими, по видимому, значеніе широты. а) *Одеѧда*, *ткань*. Вр. обл. *лопоть*, одежда вообще. Том.—только верхняя, Перм. имущество; *лопотина* вообще платье, потомъ—самое дорогое, шолковый сарафанъ (Арх.), Сиб. *лопать*, рабочая, ненарядная одѣжа; Пск. Тв. *лопоть* одѣжа въ лохмотьяхъ, *лапихъ* заплатка, *лапить*, латать, лепень, *лопень*, лепешъ, лепеть, леспеть, платокъ. б) *Пространство*. Арх. *лапта*, обширная равнина, Ураль. *лопатина*, низменный долъ, куда стекается снѣговая вода. Камч. *лопатка*, плоскій мысъ, выдавшійся въ море, Ирк. *лопатки*, пещаная отмель, наносъ. в) *Широкое орудие*. *Лопата*, Серб. *лопар*, родъ круглой лопаты, Ряз. *лапта*, Влад. *лопта*, кожа прикрепленная къ палкѣ для битъя

3) **Шумъ и слово Лепетать**, Ворон. *лапатать*, о дѣтяхъ: не ясно, не разборчиво говорить, Тв. *лопать*, кричать, Кур. *лаптъ*, шумѣть, кричать разсердившись. Тв. *лопатить*, говорить скоро, Пск. Тв. *лапущить*, бранить, наставлять, давать нотацію. Глубокая древность значенія „говорить“ видна изъ Лит. Лат. Скр.; Лит. *lepti*, приказать, велѣть, предполагаетъ значение „говорить“ которое точно встрѣчаемъ въ сложномъ *at-si-lèpti*, отвѣтчи; Лат. *loqui* прямо значить говорить (q въ этомъ словѣ сродно съ *n*, какъ и первое q въ *quinqie*); Скр. *лап*, *лапами*, говорить и жаловаться, плакаться. Отъ формы *rap* имѣемъ кромѣ *роптать*, Бр. обл. *рептовать*, Мр. *репетовать*, кричать, Новг. *ропотъ*, Волог. *ропотня*, деревянный колоколъ. Значеніе „жаловаться“ въ словѣ *роптать* мы видѣли и въ Скр. *лап*. Скр. *rap*, *rapâmi*—говорить и хвалить.

Мы не думаемъ, чтобы такія слова со значеніемъ рѣчи, какъ Лит. *lépti*, предполагали значеніе листа, чтобы въ нихъ рѣчь была обозначена именно шумомъ листьевъ. Можетъ быть, только одно *лопушить* вмѣстѣ съ формою *лопух* предполагаетъ и единственное извѣстное намъ значеніе этой формы, именно значеніе листа. Но важно уже то, что слова со значеніями листа и рѣчи, хотя не предполагаютъ себя взаимно, а вытекаютъ изъ значенія *шума*, принадлежать къ одному и тому же корню. Это могло быть причиной болѣе тѣснаго сопоставленія листа и слова, какое мы видѣли выше въ пѣсняхъ.

Другія представленія слова, отчасти сходныя съ вышеупомянутыми,

а) **Громъ и рѣчъ.**

Серб. Какву ѿему стару мајку кажу:

Кад говори, громови пудају,

мухъ, Тульс. *лопта*=Мр. праникъ, *лапта* игра въ мячъ, Серб. *лопта*, самый мячъ. Эти послѣднѣе значенія предполагаютъ предшествующія. г) *Плоскій хлѣбъ*, *Лепешка*, Бр. *лапуны*, лепешки, блины, Серб. *ленина*, *ленинъ* узкій и длинный хлѣбъ.

Кад погледа, муње сијевају,

А кад оди, сва се земља тресе (Кар. Пјес. 552).

Громъ и похвальба сближаются уже въ Скр.:

Nicht prahle ich, wie die wolke im herbste,

Auf deren ruf kein regen folgt;

Ich prahte, wie die wolke im sommer,

Die unter donner die erde netzt

(Kirwinge, Übers etz. v. Holzmann).

Ср. Серб. поел. „кад највише грми, најмање кишешпада“ (Посл. 119.)

Громъ и ложь сравниваются въ слѣд: „Погоди ћевојко, шта се може најдаље чути?“ ћевојка одговори: честити царе, најдаље се може чути *гром* и *лајс*“ (Срп. Приповјет. 134).

Громъ и „слава поговіръ“ (выраженіе имѣющее въ

Мр. пѣсняхъ преимущественно дурной смыслъ

Метл. 15, 32, 34, 54 и 57):

Ой не пайде дрібенъ дощикъ безъ тучи безъ грому;

Ой не пайде дівка заміжъ та безъ поговору.

Настучитця—нагрючитця, дрібенъ дощикъ пайде;

Набрешутця вражі люде, дівка заміжъ пайде.

6) **Звонъ и рѣчъ:**

Котилася, разбилася ципова тарілка;

А въ нашого пригіншого *) дзіндзіверъ, не дівка:

Ой якъ вона заговорить якъ у дзвони дзвонить,

Ой якъ вона засміється въ Полтаві слинетця.

Въ Серб. загадкахъ звонокъ (звено) загадывается такимъ образомъ: „гором иде—гору разговора, водомъ иде—воду разговора“ (Jlić 227), т. е. развеселяется, развлекаетъ своею рѣчью; „клемберъ (вымыщенное название колокольчика) бије, клембер зја, клембер каже: некесезна, тко сам ја“ (ib 228).

Свириль, какъ и струна—„говорить“, а рѣчъ признакъ ума; потому звонъ свирѣли—умъ:

*) Прич. прош. дѣйств.—пригнавшаго (на работу), хозяина. *Дзіндзіверъ*, довольно высокое и *стройное* садовое растение съ лиловымъ цветкомъ.

Звонко деревцо свирельное,
Звончей его во лѣсу нѣть;
Умное дитятко Машенька,
Разумное дитятко Ефимовна,
Умнѣй ея во роду нѣть (Сах. Сказ. Р. П. 107).

Звонъ—пересуды, слава. О сплетникахъ говорять: „нехай звонюць, покуль охоту згонюць“ (Пам. и обр. нар. Поэз. 50). На Вр. свадьбѣ, когда женихъ дарить невѣсту, или наоборотъ, поютъ:

По городу звоны поплыли,
По терему дары понесли,

т. е. дары такъ богаты, что объ нихъ будуть говорить. (Сах. Ск. Р. Нар. III, 155. Оч. Ю. Сиб. Гуляева, 18). Серб. пословица „не валья свое звено на туѣг овна везати“—не валья свое *имя* или свою *славу* другоме давати; „свега села овде, а кнежево (попово) звонце“, т. е. слава дѣль всей общины приписывается кнезу или попу (Срп. посл. 195, 279). Въ Сл. о Полку: „звенить слава въ Киевѣ“; „тый бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли съяше. Ступаетъ въ златъ стременъ въ градѣ Тымутороканѣ, то-же звонъ слыша давный великий Ярославъ, (а) сынъ Всеволожъ Владимира по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ“, т. е. не шумъ вообще, какъ полагаетъ г. Буслаевъ, а слухъ, слава объ этомъ доходила даже до давно умершаго Ярослава Владимировича *). Слава подвиговъ обозначается звономъ и въ Мр. пѣснѣ:

По тимъ боці лісъ рубаютъ,
А на сей бікъ тріски летятъ; **).
Козаченъки въ Волощинѣ

*) Конечно шумъ вообще и звонъ въ частности имѣютъ одинаковое символическое значеніе: „что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ“. Что значитъ: (Всеславъ) „отвори врата Нову-граду, расшибъ славу Ярославу?“ Можетъ быть то, что Всеславъ колокола у Св. Софии снялъ? (Солов. II, 13).

**) Ср. загадку о почтѣ (т. е. о вѣстяхъ): „въ городахъ дрова рубать, а въ деревню щепки летятъ“ (Сах. Ск. рус. нар. 2, 97).

Госпадарити хотять.
По тімъ боці огонь горить
А на сей бікъ луна йде;
Панъ отаманъ що Серпяга
Въ Волошину січъ веде.
По тимъ біці дзвони дзвонять,
А на сей бікъ гомінь йде;
Панъ отаманъ що Серпяга
Въ Волошину иде (Костом. у Мордов. 183).

Ср. еще: „Та не куй, Юрку, золотого ножика,
Та підкуй, Юрку, вороного коника;
Та будемо іхать боромъ зеленимъ,
Боромъ зеленимъ, мостомъ комъянимъ,
Боръ буде шуміти, а камень звеніти,
Та зачутоу люде, намъ слава буде“ (М. 181).

На сближеніи звона и рѣчи основана общая Славянскимъ, Германскимъ и Романскимъ племенамъ прімѣта, что если звенить въ ухѣ, то говорятъ объ нась, если въ правомъ—друзья, если въ лѣвомъ враги (Wolf, Beitr. zur D. Myth. I, gebräuchle u. abergl. N. 172—3). Отсюда прямой переходъ къ причинной связи звона и рѣчи, т. е. можно умышленно произвести звонъ въ ухѣ отсутствующаго, заговоривши объ немъ. Слухи, сплетни (какъ звонъ)—суть симпатическое средство сдѣлать колоколь звучнымъ: „такий то, кажутъ, бувъ той Засоринъ (разбойникъ)... Якъ уже перестали объ ёму чутки ходить, кажутъ було люде, що его й не було ніколи, що то певно десь дзвінъ великий лили, и пустили таку поголоску, щобъ голоснійшій бувъ“ (Хата, 191).

б) **Лай** и **рѣчь**. Какъ всякая тварь, такъ и собака говоритъ языкомъ, который при известныхъ условіяхъ можетъ быть понятенъ человѣку. Отсюда сближеніе въ языке собачьяго лая и рѣчи въ дурномъ ея значеніи, браніи, лжи.

Поль. *szczekać*, лаять, Серб. *штекати*, лаять отрывисто, предполагаютъ значеніе болѣе общее, судя по тому, что въ Сл. о Полку Иг. *щекотъ*, пѣные соловья.

Съ этимъср. Луж. *ścokas*, бранить, ругать (не *ścokaj*, *moterka*, на брани, матъ, Haupt, Smol. II, 25), Вр. обл. *щекатить*, дерзко браниться, ссориться, *щекатый*=Поль. *vyszczekany*, сварливый, бойкій на словахъ, что согласно съ Серб. посл. „не би га надлажало деветеропаса“, не перелаетъ его и девять собакъ (Срн. посл. 196). Съ кор. *щек*ср. Скр. *çach*, говорить, внятно говорить. *).

Скр. *rau* рај-ати (или, вѣрнѣе *râ*, ра-јати, Bopp, Vergl. Gr. I, 209) и Вр. *лаять* значать не только *latrare*, но и бранить; въ Mr. и Поль.—только бранить; такъ и Лат. *latrare*, *convicia jaceere*.

Брехать, которое съ давнихъ поръ значило *лаять* („лисици брешутъ“, Сл. о Пл.), въ Mr. зн. и вратъ, а въ Чеш.: *brechovati* охуждать. Это *брехать* можетъ быть сродно съ *вратъ* (собств. говорить) и съ Скр. *бру*, тоже. Несомнѣнно относятся къ кор. *бру* Обл. Вр. *бру-с-нуть*,

*) Звукъ ч предполагаетъ к; скр. ç=между прочимъ Слав. ск, сродному съ щ (*çac*=скакать) и самому щ; скр. *çhurъ* въ *пра-çhurъ* и Скр. *çura* *heros*; Слав. щебетать и скр. *çan*, имѣвшее, по Боппу, нѣкогда значение говорить (Ср. *çab*—да, звукъ), но сохранившее только зн. ругать, проклинать, клясться.

Къ этому кор. *çan* можно бы отнести слова *соб-ака* и *жоб-ель* (Скр. ç=Слав. с и к), которые въ такомъ разъ значили бы: ругающій или лающій (ср. название собаки въ Mr. загадкѣ Семент. № 269,270: *лепетя*, *лепета*, собств. говорящая). Это производство, не встречающее препятствій со стороны звуковой, будетъ устраниено, если докажется, что упомянутыя слова сродны съ *жобецъ*, *жобыла*, въ коихъ трудно найти значение корня *çan*. Боппъ (Glos. Sanscrt. и Vergl. Gr. I, 40, 2-е изд.) думаетъ, чтб *собака*—изъ *собака* (невѣроятное сочетаніе сб!), а это изъ предполагаемаго Скр. *çvaka*, сродного съ дѣйствительнымъ скр. *çvan*, собака. Онъ основываетъ форму *svaka* на сохраненномъ у Геродота мидійскомъ *spaka*, собака. На этомъ послѣднемъ и на Зенд. *çna* (Скр. именит. ед. ч. *çvâ*), въ коихъ н изъ в, основана догадка, что и слав. б изъ в. Но съ какой стати столь обычное въ Слав. яз. и удобное сочетаніе св перейдетъ въ сб, котораго и выговорить нельзя, если послѣ с нѣть остатка т, какъ напр. въ *c-басить*?

врать, *брусня*, враль, *брусить*, говорить вздоръ и бредить, *бруснѣться*, казаться во снѣ, сниться. Сонъ есть ложь (Срб. „сан је лажа, а бог је истина“ Поль. „sen mara pan bđg wiara“) и, какъ ложь, сближается съ собачьимъ лаемъ: Серб. „не вјеруј сну, колико ни псу“, потому что сонъ вреть какъ собака.

Какъ въ Обл. Бр. *облай*, кто лается, ругается, сварливый человѣкъ, сравненъ съ собакою, такъ въ собачьей кличкѣ *обругай*, лай названъ словомъ приуроченнымъ къ человѣческой браны. Собака представляется ругателемъ и въ извѣстной пословицѣ: „wolno psu i па rana boga szczekac“, т. е. ругать и Бога; „что пас на звѣзде лаје, то Богъ не слуша“. Та же мысль въ Обл. *собачливы*, склонный къ браны, наглый, дерзкий (но другая=въ Чеш. *psauti*, *psovali*, Серб. *псовати*, Рус. *собачить*, бранить, т. е. называть собакою).

Сближеніе лая и лжи, которое мы видѣли въ словѣ *брехать*, встрѣчается и во многихъ пословицахъ и т. п. „врѣшь, какъ собака, какъ сукинъ сынъ“, „собака бреши, вітеръ несе“, „pies szczeka, wiatr niesie“, „что пас лаје вјетар носи“; ср. Срб. „тешко вуку за киме не лају, и јунаку за кимъ не говоре“; „не вјеруј куме пасјим устима“ говорила кума куму, который на приглашеніе ъѣсть отвѣчалъ, что онъ сыръ; Поль. выражение „odzczekać piergrawdę“, говорять, относится къ прежнему обычай заставлять уличенныхыхъ въ клеветѣ лѣзть подъ столъ и лаять тамъ по-собачьи, въ знакъ того, что они и прежде врали какъ собаки.

О КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЯХЪ И СРОДНЫХЪ СЪ НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХЪ.

Значеніе, придаваемое народомъ купальскимъ кострамъ, видно изъ слѣдующаго.

Около Пожеги въ Славоніи, кто выше скачеть чрезъ огонь, у того будетъ лучше урожай пшеницы и всего прочаго, и ленъ будетъ выше (Pič, Narodni seavon. obič. Zagr. 1846. 164). Въ Бр. на канунѣ Ивана, по заходѣ солнца, вбивають коль въ землю, обкладываютъ его соломою и коноплями, а на самый верхъ кладутъ пукъ соломы, называемый купало. Потомъ зажигаютъ этотъ костеръ и бѣгаютъ вокругъ него, бросая въ него березовыя сучья и приговаривая: „кобъ мой ленъ такъ великий бывъ, якъ етая фарастина!“ (Терещ. V, 75—6). Такъ и въ Чехахъ скачутъ какъ можно выше черезъ огонь, чтобы родились конопли (Hantš. Kalendař bajesl. 187). По Дравѣ головни изъ Ивановскаго костра и остатки факеловъ разносить и бросаютъ по полямъ и огородамъ, чтобы насѣкомыя не портили капустной разсады и посѣвовъ (Pič. 164). Изъ этихъ и подобныхъ свидѣтельствъ видно, что купальские огни имѣютъ отношеніе къ урожаю.

Въ разныхъ мѣстахъ по сей бокъ Днѣпра соблюдаются слѣдующій обычай. Подъ Ивана дѣвки, срубивши дерево чернѣкленъ, вбивають его въ землю на игрищѣ. Потомъ дѣлаютъ изъ соломы чучело (ляльку), одѣваютъ его по женски въ юбку, корсетку и пр., наѣвшивають на него свои кресты и намиста и сажаютъ подъ деревомъ. Кукла эта, какъ мнѣ положительно из-

вѣстно, въ Харьк. г. называется мареною (Скр. маранам (ср. р.) смерть), между тѣмъ, какъ по словамъ Терещенка (V, 79) и Маркевича (Обычаи и пр. 10) Мареною называется чернокленъ, а кукла—Купаломъ. Не сомнѣваясь въ вѣрности этихъ послѣднихъ извѣстій, можно однако видѣть въ нихъ позднѣйшее искаженіе обряда. У Тер. на слѣдующей стр. (V, 80) говорится, что чучело, называемое Купаломъ, одѣваютъ какъ женщину, въ очепокъ-ленты, намисто. Изъ этого слѣдовало бы, что Купало есть женщина, чemu противорѣчать нѣкоторыя извѣстія.

Въ Харьк. г. передъ вечеромъ дѣвчата подъ чернокленомъ накрываютъ столъ, наготовятъ яичницъ и млинцовъ, хлопцы принесутъ водки, ъдятъ и пьютъ. Потомъ дѣвчата поснимаютъ все свое съ Марены и несутъ ее топить вмѣстѣ съ чернокленомъ *). Это дѣлается передъ вечеромъ, а костры зажигаются по заходѣ солнца. Въ другихъ мѣстахъ втыкаютъ въ землю чернокленъ, обвязанный вѣнками и лентами, ставятъ возлѣ него Купала (т. е. куклу) и невдалекѣ

*). При этомъ поютъ:

Якъ пішла Ганна до броду по воду,
Ганно моя, панно моя!
Ягодо моя червоная!
Ta стала Ганна на всхитки кладки,
Ганно моя и пр:
Кладка скитнулася, Ганна втонула.
Ганнина мати громаду збирала,
Громаду збирала, усімъ заказала:
„Не берите, люде, у броду води,
Що й у броду вода, то Ганнина врода,
Не ловите, люде, у Дунаї риби,
Що въ Дунаї риба, то Ганнина тило,
Не косите, люде, по лукахъ трави,
Що по лукахъ трава, то Ганнина коса.
Не ломлите, люде, по лугахъ калины,
По лугахъ калина, то Ганнина краса.

Отношеніе этой пѣсни къ топленью Марены совершенно не ясно. Можно сказать только, что попытка найти въ Ганнѣ паревну Анну, основанная на томъ, что въ другой купальской пѣснѣ упоминается о Володимерѣ, не ведеть ни къ чему.

разводятъ огонь (Марк. iб.). Въ третьихъ—чучело обкладываютъ кучей соломы съ крапивой и зажигаютъ. Черезъ этотъ огонь скачутъ и поютъ:

Ходили дівочки коло Мареночки,
Коло мое водила Купала
Гратиме сонечко на Ивана.
Та купався Иванъ, та въ воду упавъ,
Купала підъ Ивана! (Терещ. V, 80)

Въ Волч. у. Харьк. г., когда водятъ танокъ около марены, сидящей подъ деревомъ, эту пѣсню такимъ поютъ образомъ:

Ходили дівочки коло Мареночки,
Коло Володимеря Купала,
Играло сонечко на Йвана.. ¹⁾

Этой пѣсни нельзя понимать такъ, что танокъ ходить около Марены и около Купала, п. ч. „коло Володимеря и пр.“ есть припѣвъ, неимѣющій grammaticalической связи съ первымъ стихомъ, точно такъ, какъ и въ приведенной въ выносѣ пѣснѣ „Ішли дівочки“. Самый припѣвъ можно понимать различно. Коло „Володимеря“ можетъ быть обозначеніемъ мѣстности, где совершаются обряды Купала; подобно этому въ другой купальской пѣснѣ припѣваютъ:

¹⁾ Тотъ же припѣвъ постѣ каждого стиха въ слѣд. пѣснѣ:

Ішли дівочки въ лісъ по ягідочки
Коло Володимеря и пр.
Та припало дівкамъ та Дунай пливсти,
Та Дунай-море пливсти, річенки брести,
Та всі дівочки въ плахтахъ шовківкахъ,
Дівка Оленка (имя присутствующей здѣсь сироты)
въ плахті чернітці.
Та всі дівочки Дунай перепливли,
Дунай перепливли, річки перебрели;
Дівка Оленка въ Дунаї втонула.
Якъ пришлислихи та до мачухи:
„Ой не жаль мені дівки Оленки,
„Ой та жаль мені плахти чернитки!

Потомъ повторяется тоже, но вм. 5 ст. „Дівка Явдошка (у которой есть родная матъ) въ плахти шовківці“, а вм. 3-хъ послѣднихъ ст.

.... Въ чистімъ полі роса пала,
На улиці—Купала на Івана!

Во-вторыхъ, такъ какъ въ Укр. основное Русское твердое р можетъ неорганически смягчаться, то „Володи-меря (т. е. Володимера) можетъ быть не притяжательнымъ, обозначающимъ мѣстность, а эпитетомъ Купала. Купало можетъ быть названъ Володиміромъ, т. е. володѣющимъ міромъ, княземъ, подобно тому, какъ въ заговорѣ, приводимомъ г. Максимовичемъ, мѣсяцъ (князь, хієзус) названъ Володимеромъ.

Очень не достаточны свѣдѣнія о Болгарскомъ обрядѣ, подобномъ выносу Марены: „на Енёвъ день“ дѣлаютъ куклу изъ разныхъ старыхъ платьевъ или изъ соломы, дѣвушки и парни носятъ ее, какъ покойника, а другіе идутъ за ними, что то говорять и поютъ пѣсни (Каравеловъ, Пам. нар. быта Болгаръ 1,234). Можетъ быть эта кукла изображаетъ мужчину, и въ такомъ случаѣ ср. похороны Ярилы (Терещ. V, 100 слѣд.). и смерть Кострубоныки—Костромы (Zeg. Pauli I, 21—2, Основа 1861. 11 кн. Свидницк. Великденъ 51).

Какъ бы то ни было, но народъ связываетъ топленье или сожиганье Марены—Смерти и купальские костры. Зажиганье костровъ и прыганье черезъ нихъ имѣть цѣлью освобожденіе отъ враждебной силы бо-

---

Якъ прийшли слихи та до матінки:
„Ой не жаль мені плахти шовковки,
Ой та жаль мені дочки Явдошки!“

Смыслъ пѣсни тотъ, что лучше родная мать, чѣмъ мачика; подобно этому, въ нѣсколькихъ другихъ купальскихъ пѣсняхъ: лучше отецъ, мать чѣмъ свекоръ, свекровь и весь мужн. родъ.

Замѣтимъ выраженіе „Дунай—море“. Общеизвѣстно, что сл. море имѣло нѣкогда болѣе широкое зн., чѣмъ теперь, но не знаю, было ли кѣмъ указано, что и у насъ сохранились слѣды такого значенія: о ратныхъ Игоря Святославича и братьи: „пошахутъ (сказывали) Русь (т. е. Руси) съ 15 мужъ утекши, а Ковуемъ мнѣ, а прочіи въ морѣ истопоща (Ип. Л. 132)“; но моря тамъ не было, а были рѣчки. Въ этомъ, болѣе широкомъ, смыслѣ слѣдуетъ, кажется, понимать сл. море и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сл. о П. И.

лѣзни, смерти и связанныхъ съ послѣднею миѳическими существами. Въ Краинѣ малыхъ дѣтей, которыхъ сами прыгать не могутъ, матери переносятъ черезъ огонь, для здоровья. На границѣ между Штиріею и Каринтиею утромъ 24 Іюня собираютъ золу купальскихъ костровъ и ею лѣчатся отъ всякихъ болѣзней. Около Пожеги говорятъ, что самые огни въ ночь на 24 Іюня прогоняютъ разныя болѣзни, особенно головную боль и моровую язву. Во время заразы одна женщина зажгла костеръ и въ отчаяніи бросилась въ него. Ее спасли и вмѣстѣ съ тѣмъ Куга, испугавшись горящаго костра, ушла изъ села (Шіс 165—7). У Литовцевъ, Чеховъ (Hanuš kalend. 187) и Великоруссовъ (Теренц. V, 78) на Купала не только скакутъ черезъ огонь (или его замѣны: кучи крапивы, шиповнику); но и перегонаютъ черезъ него скотъ. Это сближаетъ купальскіе костры съ Нѣм. „Notfeuer“ во время падежа (Grimm myth. 570 слѣд.) и сожиганье коровьей смерти у Бр. (Тор. VI, 42), личности тождественной съ Мареною или Марою, которую сожигаютъ или топятъ въ началѣ весны (Тер. V, 8—9, 10) или на Купала.

У Хорватовъ и Сербовъ вештицы боятся остатковъ купальскихъ огней, и потому чтобы преградить имъ входъ въ село, люди втыкаютъ огарки Ивановскихъ факеловъ въ плетни (Шіс 164). Въ Mr. на Купала раскладываютъ по окнамъ, порогамъ и стойламъ крапиву (замѣну огня) и папоротникъ, чтобы вѣдьмы и вовкулаки не ходили по хатамъ и скотнымъ дворамъ (Тер. V, 87).

Давно уже предполагаютъ, что Купальскіе и другие имъ подобные огни имѣютъ силу давать урожай и прогонять смерть не сами по себѣ, а потому, что изображаютъ солнце. Излѣдованія Куна, почти цѣликомъ примѣнимыя и къ Славянской миѳологии, даютъ прочные основанія этому предположенію.

Для возстановленія древней формы миѳа, лежащаго въ основаніи Купальскихъ обрядовъ и повѣрій обратимъ вниманіе на слѣдующее.

Во-первыхъ всѣ солнечные праздники (по Русс. повѣрью, Рождество, Богоявленіе, Благовѣщеніе, Свѣтлое Воскресеніе, Иваново Рожденіе, Даль, Посл. 1003) ознаменованы игрою Солнца. У Болгаръ на Енѣвъ день солнце пляшетъ, кружится, вѣртить двумя саблями, которыя держать въ рукахъ (Карав. 234), у Вр. иа Ивановъ день солнце, проѣзжая по небу въ колеснице, пляшеть и разсыпаетъ по небу искры, что впрочемъ можно замѣтить только при его восходѣ (Тер. V, 75). Въ Силезіи солнце играетъ въ день Sobótek. Дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, называемые Słonczeta, выходятъ съ ними на зарѣ въ поле и, положивши ихъ на чистый бѣлый платокъ, пляшутъ вокругъ и приговариваютъ graj słońce, graj tutaj sa twoje słończeta“. Потомъ, встрѣтя солнце и поклонившись ему, дѣлятся пирожками, такъ чтобы подарить ими всѣхъ близкихъ своихъ (Срезн. обѣ обож. солнца, 40. Ж. М. Н. Пр. 1846. т. 51. ¹⁾). Въ Тульск. г. на канунѣ Петрова дня поселяне всѣхъ возрастовъ собираются на пригорки, раскладываютъ огонь и въ ожиданіи солнца проводятъ ночь въ играхъ и пѣсняхъ. При восходѣ солнца всѣ начинаютъ испускать радостные крики. Старики наблюдаютъ, какъ солнце играетъ по небу: оно то покажется, то спрячется, то взойдетъ вверхъ, то опустится внизъ, то заблещетъ разными цвѣтами, голубымъ розовымъ и бѣлымъ, то засияетъ ясно (Сахр. II, 7, 41—2). Едва появится солнце, его привѣтствуютъ хоромъ:

Ой ладо, ладо! и пр. (Тер. VI, 48).

Одна Mr. купальская или петровочная пѣсня начинается такъ: „Изъ за гори Сонечко йде й грае“, на Свѣтлое Воскресеніе играетъ солнце, и это обнаруживается черезъ сотрясеніе его лучей. Многіе, чтобъ видѣть, какъ оно играть, взлѣзаютъ на самыя высокія

¹⁾ Другое значеніе придается особеннымъ движеніямъ солнца на Ив. день у Сербовъ и Хорв.: „Приповиједају да је Иванъ дан тако велики светац, да на њега сунце на небу трипут до страха стане“ (Карадж“. Рјечн. Пис 167).

зданія (Тер. VI, 103). Точно такъ солнце играеть, т. е. вертится, катается по небу, раскидываеть лучи и собираеть ихъ вновь, и на Благовѣщеніе (Тер. VI, 23). Во всѣхъ этихъ описаніяхъ играть значитъ: 1) плясать, кружиться, 2) ярко свѣтить, какъ и въ слѣд. Серб. пѣснѣ, въ коей „играући“ противополагается слову похмолово (пасмурно):

Синоћ сунце играјући заће,
А јутроске пошмоло изаће.
Што по синоћ играјући заће,
Оно Јево мајци с војске доће,
А што јутрос пошмоло изаће,
Оно-ћ Јово мајци разбольео (Кар. Пјес. I, 486).

Основное а, я ослабляется въ и: Скр. агра-м, верхушка, конецъ, остріе=во всемъ кроме роды=Слав. игла; Ст. сл. изокъ, кузнецикъ (потомъ—мѣсяцъ юнь) ср. съ скр. аджá-с, аджâ, козелъ, коза, откуда уменьшитель. аджакâ, маленькая коза (кор. ᄑං-ati=aegere идти, гнать); мѣст. инъ по корню=Скр. анja; ст. Сл. Серб. имела (омела)=Скр. а-малâ т. е. безъ пятенъ, бѣлая (Sr. viscum album). Слав. истъ, истовъ, истина (то что есть)—кор. ас; по аналогии съ чеш. oвydli, жилье, и буда (кор. бѣу, быть), къ тому же ист отъ ас можно отнести и сл. истъба, истъба, которое Миклошичъ считаетъ заимствованнымъ съ нѣм. stupa, stoba (stube), а другое, совершенно неправильно ссылаясь на уменьш. истобка, истопка, производятъ отъ топить; слав: им-ѧ, лит. īти, кор. јам; икра, лит. īkrai, є (м. р. мн. ч.), тоже, jeknos, є (ж. р. мн. ч.), печель=Скр. jakrt (въ друг. фор. јакан)=јесир: Сивый=Скр. cjâba, fuscus. Согласно съ этими примѣрами сл. иг-ра предполагаетъ кор. јаг, который находимъ въ Скр. въ формѣ јадж (јаджати, пр. сов. и-јаджа съ и изъ ја, какъ и въ нѣкоторыхъ др. формахъ) со значеніемъ: приносить жертву, жертвою чтить боговъ. Отсюда легко образоваться значеніе пѣть (Вр. играть пѣсню) и плясать (первоначально обѣ обрядныхъ пѣсняхъ и пляскахъ). Значеніе блестать могло появиться

только отъ примѣненія слова играть къ пляскѣ солнца.

Солнце пляшетъ, именно вертясь какъ жорновъ или колесо: въ страстную пятницу восходящее солнце „jako běhoun mlynařsky (svrchní kamen) kolem sebe točí (Houška, pověry 332);

V poledne, s poledne slunečko kolem jde
(Suš. Mor. nár. pís. 444);

Jož to slonyčko kolem de,

Jož se nám blíží poledně (ib. 557);

Сонце колесомъ у гору идзець (Тер. II, 470).

Какъ у другихъ Индоевропейскихъ племенъ, такъ и у Славянъ солнце не только сравнивалось съ колесомъ, но и действительно представлялось имъ. Ср. Скр. сурјася чакрам, греч. ἥλιον κόχλος, сканд. fagrahvel (прекрасное, свѣтлое колесо), sunnu hvel (колесо солнца) съ Mr. пазаніемъ солнца кроковымъ колесомъ (т. е. цвѣту оранжеваго „жогтогарячаго“ цвѣтка крокоса, довольно-обыкновенного въ Mr. садахъ, или цвѣту шафрана):

Крокове колесо

Вище тину стояло,

Много дива видало.

Чи бачило колесо,

Куди нелюбъ поіхавъ? и пр.

Отсюда понятно, почему въ разныхъ мѣстахъ Германіи Ивановскіе костры, по предположенію изображающіе солнце, замѣняются сожиганьемъ колеса, обвитаго соломою. Колесо это мѣстами втыкается на шесть и такъ сожигается, мѣстами зажженное скатывается съ горы (такъ и у хорутанъ, Hanuš kalend. 186) или подbrasывается вверхъ. По этому колесу, какъ по изображенію солнца, гадаютъ объ урожаѣ: въ Лотарингіи, если зажженное колесо не потухло на серединѣ горы, и горя скатилось въ рѣку, то это служить предвѣстіемъ хорошаго сбора винограда (Grimm Myth. 586).

Во вторыхъ, въ Ладогѣ огонь для купальского костра (живой огонь, лѣсной огонь, царь огонь, лѣкарственный) добывался или теперь добывается посредствомъ тренія (Сах. ск. Р. н. II, 7, 39). Хотя известія о

такомъ добываніи Ивановскаго огня довольно рѣдки сравнительно съ такими же извѣстіями объ огняхъ во время мора и падежа (Даля посл. 1055, Gr. *Myth.* см. *notfeuer*), но можно считать несомнѣннымъ, что не иначе добывались всѣ огни, имѣющіе отношеніе къ солнцу. Самый способъ тренія опредѣляется Сербскимъ названіемъ живаго огня: извити огонь, т. е., какъ кажется, добытый посредствомъ витья, крученья, а не простымъ треніемъ одного куска дерева о другой. Такъ какъ солнце есть колесо, то Нѣмецкія свидѣтельства, что живой огонь (*notfeur*) получали, вертя колесо вокругъ оси (Gr. *Myth.* 571) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ огонь, подобно всѣмъ праздничнымъ, особенно купальному, изображалъ, какъ зажигается небесное колесо, солнце. Этимъ объясняется происхожденіе повѣрья о томъ, что солнце пляшетъ, т. е. кружится подобно колесу или жернову.

Изъ вышеприведенныхъ извѣстій о томъ, что солнце вертится колесомъ именно при самомъ восходѣ, можно заключить: во-первыхъ, что по первоначальному представлению солнце вновь зажигалось каждое утро и что только впослѣдствіи это воспламененіе и пляска солнца были приурочены къ извѣстнымъ днямъ въ году; во вторыхъ, что солнце каждый день потухало при закатѣ. Кромѣ этого есть основанія думать, что и у Славянъ, какъ у Индійцевъ, солнце гасло и днемъ, когда скрывалось за темною, бурною тучкою; оно вновь зажигалось огнемъ молніи. Купальскій костеръ, изображающей солнце, имѣть въ тоже время отношеніе къ грозѣ. Какъ, по правилу *similia similibus curantur*, держать въ домѣ громовую стрѣлу (чортовъ палецъ) для предохраненія себя отъ громового удара (Нсуѣка, ров. III, 182), какъ съ тою же цѣлью во время грозы зажигаютъ громницу, страстную или Богоявленскую свѣчу, изображающую огонь молніи (Шейков. Быть Подолянъ II, 22. Поль. *gromnica*, чеш. *hromnice* свѣча, освященная 2 февр. *Hanuš kalend.*); такъ въ чехахъ во время грозы жгутъ частицы купальскихъ вѣнковъ, го-

ловни и уголья изъ купальского костра выносять на засеянные поля, на луга и въ сады и втыкаютъ подъ крыши строеній, чтобы громъ не повредилъ урожаю и не ударилъ въ жилье (SumJork II, 325). Какъ громницею въ Мр. выжигаютъ въ чистый четвергъ кресты на воротахъ и дверяхъ, чтобы удалить дьявольскую силу, враждебную людямъ и громовому божеству (Тер. VI, 99), такъ и остатками купальскихъ факеловъ и костровъ прогоняютъ вѣшицъ вѣдьмъ, вовкулакъ. Объясненіемъ такой связи костра (т. е. солнечнаго колеса) и грозы служитъ слѣдующее. У Инд. Индра во время битвы съ демономъ тучи (т. е. во время грозы) сталкиваетъ солнечное колесо въ облачную гору. Хотя въ Ригведѣ нѣть прямыхъ свидѣтельствъ того, что при этомъ солнечное колесо гаснетъ, но это само собою разумѣется, п. ч. гора, въ которой исчезаетъ солнце, содержитъ въ себѣ воду. За тѣмъ Индра, убивши демона при помощи Кутсы (другая форма самого Индры, т. е. громовой стрѣлы), возвратилъ смертнымъ небесное свѣтило, т. е. по всей вѣроятности зажигалъ его вновь. Это происходило такимъ образомъ. Индра или Кутса вертѣль кусокъ (скр. *прамантха*, тотъ кусокъ дерева, которымъ вертятъ другой для получения огня) въ ступицѣ солнечнаго колеса. Сначала всѣ усилия напрасны: загорается только *прамантха* и вылетаетъ изъ ступицы (это и есть перунъ); но наконецъ воспламеняется и само колесо, и буря проходитъ. Явственный слѣдъ связи громовой стрѣлы (вѣрнѣе въ этомъ случаѣ—громового ствола или клина) и солнечнаго колеса виденъ въ томъ, что Агни, снаряжая Вишну (въ Ведахъ это несомнѣнно солнечное божество) въ бой, дарить ему *ваджранѣбхан* чакранъ, т. е. колесо, въ ступицѣ котораго—перунъ, колесо, отъ обращенія коего вылѣтаетъ изъ ступицы громовая стрѣла (Kuhn Herabk. 65—6, 68).

И такъ изъ всего сказаннаго видно, что человѣкъ, объясняя отдаленное близкимъ, неизвѣстное извѣстнымъ, считалъ солнце за горящее колесо, зажженное

такимъ же самыи образомъ, какимъ зажигается оно на землѣ. Такое объясненіе принадлежитъ относитель-но позднему времени. Оно доказываетъ, что Арійцы до раздѣленія на племена обладали запасомъ механическихъ свѣдѣній, достаточнымъ для того, чтобы сдѣлать колесо, что имъ былъ извѣстенъ возъ, хотя бы и самой грубой формы, что стало быть были у нихъ и животные, тянувшія возъ. Все это, впрочемъ, извѣстно изъ другихъ источниковъ. При томъ зажиганье небеснаго колеса предполагаетъ уже человѣкообразное существо, вertiaющее колесо или праманту въ колесѣ; но антропоморфизмъ есть, какъ извѣстно, явленіе позднѣйшее. Какъ же объяснялся небесный огонь, тогда когда не было извѣстно колесо и когда мысль еще не дозрѣла до созданія человѣкообразныхъ божествъ?

Кунъ думаетъ, что первоначальный способъ добыванія огня былъ указанъ самою природою. Предкамъ Арійскихъ племенъ совершалось это откровеніе въ дѣственныхъ лѣсахъ. Человѣкъ видѣлъ, какъ вѣтеръ, качая деревья, обвитыя ползучими и чужеядными растеніями, терпъ твердый сукъ обѣ высокшую ліяну, какъ отъ тренія рождался огонь, и сталъ рабски подражать этому. Слѣды такого подражанія сохранялись весьма долго. Между тѣмъ какъ въ позднѣйшее время, напр. у Славянъ, для добыванія огня считались пригодными два куска любаго мягкаго дерева, напр. липы (Кар. Речн. живи огань, извѣти огань), — у Индійцевъ, Грековъ и Римлянъ одинъ изъ этихъ кусковъ дѣлялся непремѣнно или преимущественно изъ ползучаго или чужеяднаго растенія: у Индійцевъ, изъ асватхи қамигарбha, т. е. изъ священной смоквоницы (*ficus religiosa*), выросшей на қами (*acacia summa*); у Грековъ — изъ ползучаго или чужеяднаго раст. ἄθρατέυη, что по догадкѣ Куна значить: рождающая огонь (Зенд. ātarъ, огонь); у Римлянъ, по словамъ Плинія, „nihil edera praestantius, quae teratur... probatur et vitis silvestris... ederae modo arborem scandens. Климатическое различие странъ, заселенныхъ этими племенами, заставило упот-

реблять различные растения; но общее сходство при этом сохранилось.

Самый способъ тренія могъ быть указанъ природою. У Инд. Грековъ и Герм. твердый кусокъ дерева (греч. *τρύπανον*), подобно бураву, вертѣлся въ другомъ. Судя по этому и при рожденіи лѣснаго огня, вѣроятно, былъ замѣченъ именно тотъ случай, когда сукъ одного дерева попадалъ въ отверстіе другаго. Позднѣйшій способъ добыванія огня посредствомъ колеса сохраняетъ то общее съ болѣе древнимъ, что какъ въ первомъ ось вертится въ маточинѣ, или на оборотъ колесо вращается вокругъ оси, такъ во второмъ буравъ (*τρύπανον*) вертится въ нижнемъ, кускѣ дерева (*εσχαρа*).

По вѣрованію восточныхъ и западныхъ азіатскихъ Арийцевъ и Германцевъ, на небѣ тоже есть дерево. Первоначально это есть представление облаковъ, расположенныхъ подобно вѣтвямъ огромнаго дерева. Безъ сомнѣнія у Славянъ было дерево, соотвѣтствующее священному ясеню германцевъ (Сканд. *Yggdrasil*), кого вѣтви превышали небо, кореня спускались къ жилищамъ Громтурсовъ, смерти (*Hel*) и людей. Для насть важны три черты германскаго миѳа: на вершинѣ священнаго ясени сидить орелъ, роса падающая съ его вѣтвей питаетъ пчель, змѣи подъѣдаются его коренемъ. Послѣднюю черту ср. съ упоминаемымъ въ Слав. сказкахъ деревомъ, которое перестаетъ приносить золотые, дающіе молодость плоды, п. ч. змѣй или червь гложетъ его кореня; первая двѣ находимъ въ слѣдующихъ колядкахъ.

Хозяину: Стойтъ сосновка середъ дворойка,
Ей въ тай сосновці троякий хосенъ ¹⁾;
Ей отъ кореня—жовти лишайки ²⁾
А въ середині—яри пчлойкі,
А підъ вершайкомъ сиви соколи.
Поносуются ³⁾ жовти лишайки,

¹⁾ Польза, корысть. ²⁾ Лисицы.

³⁾ Гордятся. Ср. Серб. поносити се съ тѣмъ же значеніемъ.

Же іхъ доходять панскі хортойки:
Поносуутся яри пчілойки,
Же ихъ доходять буйни ручейки,
Поносуутся сиви соколи,
Же іхъ доходять дуйни вітрове,
Дуйни вітрове, дрібни дожджове.

(Голов. П'єсни II, 3)

Хозяйкѣ. Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ
Стоіть мі стоіть зеленый явіръ,
А въ тимъ яворі три користоньки:
Єдна мі користь въ верху гніздонько,
Въ верху гніздонько, сивъ соколонько;
Друга мі користь а въ середині,
А въ середині, въ борти пчолоньки;
Третя мі користь у коріненька
У коріненька чорні бобри.
Сивъ соколонько—пану на славу,
Ярі пчолоньки—Богу на хвалу,
Чорні бобри та на шубоньку
Та на шубоньку господиноньці

(ib. 51—2)

Здѣсь прославляется богатство и величие хозяевъ изображенное тѣмъ, что все, что есть на всемирномъ деревѣ и у его кореньевъ, все служить имъ на пользу и гордится этимъ. По скандинавскому сказанью, подъ всемирнымъ деревомъ пасется коза и нѣсколько оленей; о лисицахъ и бобрахъ въ немъ не упоминается Въ слѣдующей колядкѣ дерево, очевидно то самое, о которомъ говорятъ двѣ первыя, названо райскимъ:

Ой долівъ, долівъ, долівъ луженьки,
Идутъ долівъ ними бистрі річеньки.
Ой плине-жъ, плине райское древце,
Райское древце зъ трома вершечки:
Въ однімъ вершечку—сивъ соколонько,
Въ другімъ вершечку—сива кунонька,
Въ третімъ вершечку сивъ ластовлята:
Ой не є-жъ тото сивъ соколонько,
Але є-жъ тото господаренько;

Ой не с-жъ тото сива куконька,
Але с-жъ тото бо й газдиненька;
Ой не с-жъ тото сивъ ластовлята,
Але с-жъ тото еі дитя (ib. 80—1).

Не ясно, почему это дерево представляется плывущимъ. Замѣчательно, что и свадебное „деревце“ называется раемъ; когда „обираютъ деревце“ (укр. вільце вьуть), поютъ:

Колесомъ, колесомъ въ гору солнце йде;
Въ нашій (род. п.) Маруні рай ся въє
„Марусенько дівонько!
„Хтожъ тобі той рай давъ?

Давъ мені Бігъ и Батенько мій (ib. II, 102)

Предположивши, что первое значеніе слова *рай* есть дерево, можно отнести это сл. къ скр. кор. *ар*, со значеніемъ возвышаться, стремиться вверхъ¹⁾. Значеніе *paradisus* могло, конечно, войти въ языкъ вмѣстѣ съ переводомъ св. писанія, но можетъ быть и до христіанства сл. *рай* въ частности обозначало небесное дерево.

Во 2-й изъ приведенныхъ колядокъ небесное дерево названо явромъ. Съ этимъср. Польскую колядку:

Na śród dworu jawor stoi,
Na jaworze złota rzesa
Przylecieli rajske ptaszeta
I odtrzesli złote rzesy

а величимая дѣвица собрала это золото (Zeg. Pauli. P. L. p. 5). По слѣдующему повѣрю, явръ оказывается священнымъ деревомъ, имѣющимъ какое-то отношеніе

¹⁾ Хотя этотъ корень легко могъ принять форму и р, однако, можетъ быть, другое, несомнѣнно языческое, названіе *рай*, иръя (и сему ся подивуемся, како птицы небесныя изъ иръя идутъ“ Лавр. 101), Mr. вирій, род. виръя, относится, м. б., и не въ нему, а если и къ нему, то не непосредственно. Можно напр. независимо отъ окончанія, облизить это слово съ Скр. ирâ, жидкость, питье, вода, при чемъ ирейзначиль бы: небесная вода, потомъ небо вообще. Со стороны значенія такое сближеніе не лишено вѣроятности между прочимъ потому, что по Бр. пѣснямъ птичье царство (ирей)—на морѣ. т. е. на небѣ, въ вирѣ.

къ солнечному празднику, дню Петра и Павла: „на Буковинѣ видали, что чортъ, одѣтый по Нѣмѣцки, рубилъ яворъ въ день Св. Петра и Павла. Каждый, кто послѣ него рѣшался рубить то же дерево, непремѣнно-калечился и оставлялъ работу. Въ горахъ есть много такъ намѣченныхъ яворовъ, и горцы боятся ихъ рубить, особенно въ первые дни послѣ Петра и Павла (Siemieński, pod. i Leg. 114).

И такъ на небѣ тоже есть дерево. Отъ тренія его вѣтвей и сучьевъ происходитъ небесный огонь. Молнія, падающая на землю, есть зажженная вѣтка этого дерева. Возможно, что такимъ же образомъ объяснялся и солнечный огонь, но на это Кунъ не находить прямыхъ указаний.

Когда небесныя явленія объяснены земными, то можетъ начаться обратный первому процессъ, объясненія земныхъ явленій, какъ болѣе слабыхъ, менѣе поражающихъ человѣка—небесными, какъ болѣе сильными. Отъ того, что человѣку много разъ случалось самому добывать огонь изъ дерева, появленіе огня не потеряло своей таинственности. Огонь заключенъ въ деревѣ до своего появленія *). Откуда же онъ взялся тамъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служило вѣрованіе, что извѣстныя растенія суть воплощенія небеснаго огня, который представлялся послѣднею причиной земнаго. Мысль, не привычная къ напряженіямъ, устаетъ, дойдя до такого объясненія и не спрашиваетъ далѣе: откуда взялся огонь въ самомъ небесномъ деревѣ?

Рядомъ съ вышеупомянутымъ объясненіемъ молніи существуетъ и другое. Молнія падаетъ быстро. Изъ живыхъ существъ человѣку извѣстно только одно, способное къ такой быстротѣ, именно птица, особенно орелъ, соколъ. Поэтому молнія есть орель или соколь. Такое представление соединяется съ предыдущимъ: соколь гнѣздится на небесномъ деревѣ, и когда оно загорится, уносить горящую вѣтку на землю. Эти

*) Такъ и въ кремнѣ. По выражению загадки—огонь спить въ камнѣ. (Даль, 1065).

представленія сплетаются съ третьимъ: гроза есть борьба силы благотворной и враждебной. Когда соколь сносить на землю огонь **), то враждебное существо стрѣлою отбиваетъ у него коготь или вышибаетъ перо изъ крыла. Человѣку извѣстны растенія, своимъ существованіемъ обязанныя птицѣ, т. е. выросшія изъ занесенного ею зерна. Частью тѣ же растенія, частью другія формою листьевъ напоминаютъ перо или крыло, цвѣтомъ сока или яркими красками цвѣтовъ—кровь пущенную раненною птицею, шипами—коготь хищной птицы. Все вмѣстѣ взятое заставляло думать, что извѣстная растенія произошли изъ небеснаго огня, объявившаго вѣтку небеснаго дерева и изъ пера, крыла, крови, когтя птицы, принесшей этотъ огонь на землю. Такъ, по индійскому вѣрованію, дерево парна (соств. листъ и крыло) родилось изъ сокольяго крыла или пера, упавшаго на землю и ставшаго листомъ. Цвѣты и сокъ этого растенія красны, потому что красно мясо (Kuhn, Herabkunft des Feuers etc 192). Такъ растенія, изъ коихъ добывался огонь, Ҫами (*acacia summa*—дерево съ перистыми листьями) и выросшее на немъ асватtha (*ficus religiosa*) произошли: первое, служащее какъ бы сосудомъ второму,—изъ сосуда, въ коемъ Гаиднарвы принесли на землю небесный огонь, а второе—изъ самаго этого огня (ib. 193). Болѣе подробная подтвержденія вышеизложенныхъ положеній можно найти у Куна. Я приведу только доказательства того, что явственные слѣды миѳовъ и связи извѣстныхъ растеній съ небеснымъ огнемъ остались и у Славянъ.

Омела, Поль. *jemioła*, Чеш. *jmelí jmel*, Серб. ѡмела, мела, *viscum album* (=Скр. а·мала, безъ пятенъ, чистый, свѣтлый). „На којој би се лјесци напила мела, подъ ономъ лјескомъ има гуја с драгим каменом на глави, или још Бог зна каково друго благо поред ње. Тако прииовиједају: јер се мела ријетко налази на

**) И небесный напитокъ, о которомъ теперь говорить не будемъ.

лијесци". (Кар. Рјечн. мела). Есть подобное нѣмецкое повѣрье: подъ лѣщиною, на которой ростетъ омела (*asarum europaicum*), лежитъ бѣлая змѣя, стерегущая кладъ. Змѣю эту, полагаетъ Кунѣ, можно сблизить со змѣемъ, лежащимъ подъ однимъ изъ корней всемірнаго ясения (Herabk. 225). Въ такомъ случаѣ орѣшникъ съ выросшою на немъ омелой будетъ изображеніемъ всемірнаго дерева, которое, слѣдуетъ думать, представлялось обвитымъ чужеядными растеніями. Сверхъ того кладъ подъ лѣщиною съ омелою указываетъ на то, что оба растенія были воплощеніемъ небеснаго огня, громовой стрѣлы. Кладъ, какъ извѣстно, есть огонь, потому что горить пламенемъ бѣлымъ, краснымъ, желтымъ, смотря по металлу. По польскому разсказу, каждая попытка одной пани взять горсть золота изъ клада ведеть за собой пожаръ въ одномъ изъ ея селъ (Siemieñ. Pod. 69). Кладъ есть именно небесный огонь. Какъ клады появляются на поверхности земли только въ извѣстные сроки, напримѣръ, разъ въ семь лѣтъ, такъ и громовая стрѣла (*strzała rіogipowa, kulicka hromotvá*), убивши черта, уходитъ въ землю и остается тамъ три года (Русс.) или семь лѣтъ (Поль. Чеш.). Ее можно найти только тогда, когда она выйдетъ на поверхность земли по истечениі этого времени (Абевега 172, Houška III, 182; Gołębowski; Lud Polski 151). Сама по себѣ омела есть воплощеніе громовой стрѣлы, по крайней мѣрѣ по Германскимъ повѣрьямъ. Въ Швейцаріи омела называется *donner-besen*. Въ Швеціи ее держать по домамъ, какъ предохранительное средство отъ всякихъ бѣдъ, особенно отъ пожара, какъ въ Чехахъ—громовую стрѣлу. У разныхъ Германскихъ племенъ и у древнихъ Римлянъ омелѣ приписывались и приписываются цѣлебныя свойства, подобно тому какъ у Славянъ—громовой стрѣлѣ, водѣ, которою она обмыта, дождю выпавшему при громѣ или въ праздникъ громового божества (на Ильинъ день) (Абев. 162; Houška III, 332; Сax. Ск. Р. Н. II, 7, 45; Терещ. V, 14). Что Германцы приписывали омелѣ и разрушительную силу громо-

вой стрѣлы, видно изъ миea о смерти Бальдера отъ вѣтки омелы (Kuhn, Herabk. 231 слѣд.).

Лѣщина (орѣшникъ. См. Kuhn Herabk. hasel и wünschelruthe). Чеш. повѣрье: въ первое воскресенье по рожденіи мѣсяца (о novou neděli), до восхода солнца, во имя О. и С. и Св. Д.. съ трехъ разъ отрѣзать но- вымъ ножемъ вѣтку лѣщины (bílé lisky), при чемъ браться за нее рукою, обернутую бѣлымъ платкомъ. Если такую вѣтку окрестить, давши ей имя первого изъ трехъ царей (волхвовъ), Каспара, то она служить для копанія золота; другая, съ именемъ Бальтазара—для серебра; третья съ именемъ Мелихара—для отыски- ванья скрытыхъ водяныхъ источниковъ (Houška Pověru, ib. II, 533). Волшебная вѣтка указываетъ на кладъ, на- клоняясь въ ту сторону, гдѣ онъ лежитъ (Plíč 125. Ильчъ зналъ въ Пожегѣ искателя кладовъ, у коего были двѣ такія вѣтки). Объясняется это слѣдующимъ. У Герман- скихъ племенъ волшебная вѣтка (wünschelruthe) дѣлается изъ растеній, въ коихъ воплотился небесный огонь: изъ рябины, выросшей на другомъ деревѣ изъ занесенного птицею зерна, омелы, терновника, орѣшника. Она не только указываетъ на клады и исполняетъ всѣ желанія обладателя, но, что особенно важно, подобно разрывѣ-травѣ (см. ниже), ломаетъ двери и запоры, разрываетъ скалы, въ коихъ скрыть кладъ. Послѣдній признакъ отожде- ствляетъ ее съ громовою стрѣлою. Изъ Индо-европей- скаго представленія тучи—горою и скалою, а солнечнаго свѣта золотомъ, возникло вѣрованіе, что вѣтка, какъ во- площеніе и замѣна Перуна, разсѣкающаго тучу, ломаетъ скалы и отрываетъ сокровища. Изъ другаго представле- нія тучи колодцемъ или источникомъ произошло по- вѣрье, что волшебная вѣтка, какъ Перунъ, освобож- дающей заключенные небесныя воды, показываетъ скры- тые источники. По нѣмецкому повѣрью, орѣшникъ (hasel) прогоняетъ змѣй, потому что туча, съ кою бо- рется громовое божество, есть змѣй, а земная мелкая змѣи произошли отъ великаго небеснаго. Съ этимъ сродно то, что у хорватовъ—въ середу, четвергъ и

пятницу на страстной недѣлѣ дѣти ходять къ вечернѣ съ вѣтками лѣшины „Ируда туhi“ или „коризму һерати“, т. е. прогонять посты (Ilic 121). Баба коризма (Quadragesima) есть существо тождественное съ мареною и враждебное грому, подобно змѣю. Какъ всѣ замѣны Перуна, вѣтка орѣшника (по Нѣм. пов.) предохраняетъ отъ громового удара. Въ млр. разсказѣ (Sietm . Pod. и Leg. 118, Ср. Зап. о Ю. Р. II, 40) вѣтка лѣшины является въ рукахъ зناхаря символомъ его власти надъ градомъ, градъ замѣнилъ здѣсь грозу (Kuhn, Herabk. 215), на что указываетъ какъ то, что лѣщина первоначально имѣть отношеніе къ небесному огню, а не ко граду, такъ и то, что въ упомянутомъ разсказѣ знахарь упрекаетъ всадника на сѣромъ конѣ — представлѣніе грозаго божества, посылающаго градъ — „почему ты не пришелъ ко мнѣ въ гости на Купала?“ Конечно, онъ не сталъ бы приглашать къ себѣ въ гости града, но посѣщеніе людей огнемъ (Аgni, Индра) — черта очень обыкновенная.—Крещеніе волшебной вѣтки въ Чеш. повѣрьи свидѣтельствуетъ, что и у Славянъ, какъ и у Германцевъ, божеству, воплощенному въ ней, приписывалась человѣкообразная форма. Такъ въ Ведахъ, тождественные съ волшебною вѣткой, по происхожденію, куски дерева, изъ коихъ добывался огонь, представляются мужемъ и женой, отъ совокупленія коихъ рождается огонь.

Основанія сближенія лѣшины съ небеснымъ огнемъ заключаются не только въ томъ, что на ней ростетъ омела, но и въ ея плодахъ, орѣахъ, напоминающихъ громовой камень (Чеш. hromovou kuličku) и въ Слав. Герм. повѣрьяхъ имѣющихъ явственное отношеніе къ грому.

Дубъ считался воплощеніемъ Перуна и у Грек. Рим. Герм. употреблялся для добыванія огня по тѣмъ же причинамъ: и на немъ ростетъ омела; жолуди напоминаютъ громовой камень и повѣрьями приводятся въ связь съ громомъ; сверхъ того могъ приниматься въ соображеніе и красный цветъ дубовой

коры (Kuhn Нерабк. 47). Славянскихъ свидѣтельствъ объ отношеніи дуба ко грому мало. По Сахарову, въ Тул. губ. на Ильинъ день искали старыхъ дубовъ, при которыхъ вытекали бы ключи. Съ такихъ дубовъ сдирали кору, вымачивали ее въ ключевой водѣ, потомъ привѣшивали себѣ на ладонки, въ предохраненіе отъ зубной боли (Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 45). Возможно, что Серб. Грм, родъ дуба и кустарникъ, одного происхожденія съ громъ. Миклошичъ сближаетъ Сл. Грѣмъ, кустъ, съ Лит. krūmas, кустъ, кустарникъ, заросль; но это послѣднее слово=поль. kierz, Чеш. křov (гдѣ въ мн. м., какъ въ червь=Лит. kirmis) которыхъ нельзя отѣлить отъ Поль. kierz, кустъ. Русс. коръ, корень; между тѣмъ согласные зв. слова громъ остаются неизмѣнными и въ Лит. gromti, grumēnti, гремѣть. Вѣроятно, что Серб. грм и Лит. krūmas не имѣютъ ничего общаго. По Бр. загадкѣ, всемирное дерево есть именно дубъ, а на немъ солнце сидить птицею: „стоить дубъ-стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидить птица вѣретеница, никто ея не поймаетъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица“ (Даль, Посл. 1060).

Папороть (см. Kuhn, Нерабк. farnkraut, farnsamen). Наиболѣе близко къ основной формѣ Слав. слова—Литов. papartis (м. р.), съ тѣмъ же значеніемъ; Сл. папороть заключаетъ въ себѣ удвоеніе того-же корня, отъ котораго перо, и значитъ собств. перо, крыло, судя по Бр. обл. папоротокъ, птичье крыло. Тоже основное значение въ Слов. регасепа, папороть, Мадяр. (займствованное отъ Слав.) regje, id., Нѣм. farn, id. (=Скр. парна, перо, крыло и назв. вышеупомянутаго дерева), Греч. πτέρως, id. (по Куну, это старинная женская форма при πτερον, крыло). „По очень распространенному повѣрю, говорить Кунъ, въ горизонтальномъ разрѣзѣ стебля одной изъ породъ папоротника (*pteris aquilina*, *adlerfarnkraut*) видна фигура орла. Это и на самомъ дѣлѣ не лишено некотораго основанія. Видѣлъ всего этого растенія о двухъ большихъ перистыхъ листахъ долженъ былъ напоминать птицу, тѣмъ болѣе, что

ростки этого раст., только что вынедшіе изъ земли, покрыты пухомъ, подобно недавно вылупившимся птенцамъ". Таковы реальная основанія вѣрованія, что папорть есть воплощеніе птицы, принесшей огонь, а тѣмъ самыи и самого небеснаго огня, вѣрованья, которыми объясняются всѣ миѳическія свойства папороти.

Въ нѣкоторыхъ, такъ сказать, огненныхъ или громовыхъ растеніяхъ цвѣтокъ цвѣтомъ напоминалъ огонь; того-же ожидали и отъ папороти. Человѣкъ не могъ помириться съ мыслью, что это растеніе не цвѣтеть, подобно тому, какъ онъ, подъ вліяніемъ предвзятой мысли, не вѣрилъ тому, что у змѣи нѣть ногъ. У змѣи, думалъ онъ, есть ноги, но она ихъ прячетъ *): у папороти есть роскошный цвѣтокъ, но трудно его увидѣть. Такъ слѣдуетъ понимать Mr. „папороть цвѣте безъ усякого цвѣту“ и др. подобныя выраженія пѣсенъ и загадокъ. Папороть цвѣтеть въ полночь подъ Ивановъ день. Изъ широколистаго папоротника подымается свѣтлая цвѣточная почка; она движется и прыгаетъ, какъ по Нѣм. повѣрю жолтый цвѣтъ разрывъ-травы. растущій между папоротникомъ и цвѣтуцій въ ту-же ночь (Kuhn, Hegarb. 218). Иные слышатъ при этомъ щебетанье, что объясняется родствомъ папороти съ птицею. Въ полночь почка съ трескомъ разрывается и распускается огненный цвѣтокъ; невыносимый блескъ его освѣщаетъ все далеко вокругъ (Ter. V, 88—9). По Войницкому, цвѣтеніе папороти сопровождается зем-

*) Серб. „Крује као гуја ноге“. Приповиједа се, да гуја има ноге, које само онда покаже, кадсе у процијену (forceps jiguens, расколотая на концѣ палка) прилече к ватри; али ко ихъ гој види, онай мора одмахъ умријети (Кар. Посл. 161). Замѣчательно сходство начала Серб. ск. Немушти језик съ слѣд. приложениемъ Нала: онъ находитъ царя змѣй, по им. Каркѣ така-с (Ср. это имя, съ Скр. карката ракъ и замѣну змѣя ракомъ въ сказкахъ. Мое соч. О мие. зи. нѣкот. обр. 207.—9), окруженного огнемъ. Змѣй этотъ, вслѣдствіе проглатія пустынника Нарады (Нѣрада—с), лишенъ употребленія ногъ и принужденъ оставаться въ огнѣ, пока не выручить его Наль. Наль выносить его изъ огня, и змѣй отслуживаетъ ему за это.

летрясенiemъ, громовыми ударами, ослѣпительными молніями. Все это, равно какъ и трескъ, съ которымъ распускаются цвѣтокъ папорти, объясняется тождествомъ папорти съ Перуномъ. Въ силу этого тождества папорть предохраняетъ отъ громового удара, (Kuhn, Die Herabk. 222), подобно тому, какъ по Чеш. пов. растенія *netřesk*=*hromotřes* (безъ к на концѣ) (*hauslaub*) и *hromové koření* (Houška II, 547). Наоборотъ, это тождество можетъ давать растенію силу наводить грозу. На лугахъ есть такія растенія, что если скосить ихъ, то неминуемо слѣдуетъ дождь и буря (Wojc. Pieś. II, 217).

Нечистая сила въ разныхъ видахъ и разными голосами старается испугать смѣльчака, добывающаго цвѣтокъ папороти. Если онъ испугается, цвѣтокъ для него потерянъ. Черти здѣсь замѣняютъ враговъ громового божества, змѣевъ. Въ одной сказкѣ чортъ говоритъ: я напустилъ семьдесятъ чертей на царскую дочь. Они сосутъ у нея груди. А вылечить ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ (=цвѣтъ папороти). Это такой цвѣтъ, что когда цвѣтеть, море колыхается и ночь бываетъ яснеѣ дня. Черти его боятся (Аѳ. ск. V, 55—6). Сосанье грудей приписывается змѣямъ, а обладатель жаръ-цвѣта, обыкновеннаго и у Герм. представлениія громовой стрѣлы, есть громовое божество. О свойствѣ папороти прогонять земныхъ змѣй см. Kuhn, Herabk. 220. На тоже свойство указываютъ два Русскія названія растеній: *звѣробой*. Имя это носятъ многія растенія, между прочимъ, изъ болѣе извѣстныхъ,—желтоголовникъ, Mr. горицвѣтъ (кажется *caltha palustris*), коровьякъ или царскій скипетръ, царская свѣча (*verbasum thapsus*), и особенно Купальское раст. *hypericum perforatum*, (Поль. *świętojańskie ziele*, собираемое въ полдень на Ивана Купала, Нѣм. *johanniskraut*). Оно напоминаетъ огонь не только желтыми цвѣтами (какъ и два первыя раст.), но и темно-оранжевымъ цвѣтомъ сока цвѣточныхъ лепестковъ, отъ которыхъ растеніе это получило название Чеш. *krevníček* (*flores hyperici*), Mr. заяча кривця (почему 'заяча?'). *Звѣробой* значить

бьющій волка, а волкъ (звѣрь по преимуществу) въ миѳич. отношеніи есть синонимъ змѣя. Чертополохъ (пугающій чертей) отнесенъ къ тому-же разряду растеній вѣроятно за широкія листья (какъ Инд. парна) и за красные цветы. Сила его такова, что человѣкъ спасается отъ преслѣдованія чертей, ставши на мѣстѣ поросшемъ чертополохомъ и бросая въ чертей шишками этого растенія. По другому повѣрью, вилочками пришибливаютъ чертополохъ къ землѣ, говоря: если сгонишь червей съ моей скотины, то отпущу тебя (Тер. V, 93). Черви тоже враждебная сила, такъ какъ болѣзни вообще съ родни темнымъ силамъ, и такъ можно предположить, что большинство купальскихъ растеній имѣютъ одно и тоже миѳич. значеніе, то понятно, почему зельямъ, собраннымъ на Купала, приписываются целебныя свойства.

Цвѣтъ папортника показываетъ своему обладателю, какъ цвѣтуть въ землѣ клады. Послѣ сказаннаго выше о волшебной вѣткѣ это не потребуетъ объясненія. Прибавлю еще чеш. пов.: кто достанетъ цвѣтокъ мочерака (*květ bylinky močeraka*), которая цвѣтетъ синимъ цвѣткомъ разъ въ семь лѣтъ (какъ громовая стрѣла и кладъ выходитъ на поверхность земли черезъ семь лѣтъ), тотъ можетъ превращать простые металлы въ золото (Houška III, 331). Вѣроятно такова же чудесная сила миѳической золотой метлицы (*slat  metlice*), которая выростаетъ разъ въ году, но неизвѣстно когда именно, на многихъ горахъ напр. у Доможлицъ, у Пльзни, и вскорѣ потомъ исчезаетъ (Houška III, 328).

Цвѣту папортника приписываются свойства разрывъ-травы (Тер. V, 88). По нѣм. пов. эта послѣдняя (*springwurzel, johannis wurzel*) есть ни что иное, какъ корень папортника (*filix mas*). Тождественность папортника и разрывъ-травы видна между прочимъ изъ Бр. повѣрья, что разрывъ-трава достается только тому, у кого уже есть цвѣтъ папортника и корень плакуна (Сах. Ск. Р. Н. i, 2, 43, 4). Разрывъ-трава разрывается запоры, почему ее ищутъ воры и искатели кладовъ.

Коса, напавши на нее, ломается (Тер. V, 92), если лошадь въ желѣзныхъ путахъ набредетъ на нее, то пута отпадутъ (Абевега, разрывъ-), тоже говорятъ у Сербовъ о травѣ *ráskovníkъ*. Одинъ Земунскій купецъ надѣлъ на бабу желѣзныя пута (вѣроятно предполагая, что она знахарка) и пустилъ ее по полю: гдѣ отпадутъ пута, тамъ расковникъ (Рјечн.). По повѣрю, очень распространенному въ Западной Европѣ, у дятла, одной изъ птицъ поджигающихъ дома, т. е. сносящихъ съ неба огонь, есть камень, имѣющій свойства разрывъ-травы (Kuhn, Herabk. 219). По Чеш. пов. *Sojka* (кедровка, сѣрокрасноватыя перья на тѣлѣ и голубыя на крыльяхъ), увидѣвшіи человѣка кричить и ведеть его къ своему гнѣзу, гдѣ у нея есть камышекъ (*sojci kamínek*), при помощи коего можно находить скрытые въ землѣ клады. Иначе: кто найдетъ гнѣздо сойки съ яйцами или птенцами, тому слѣдуетъ молча обвязать это гнѣздо новымъ бѣлымъ платкомъ, такъ чтобы оба узла приходились противъ отверстія. Сойка прилетѣвшіи, выпустить изо рта свой камень, чтобы развязать узлы (Sumlork I, 111—12). Слѣдовало бы ожидать, что камень (то есть громовой, приносимый птицею и тождественный по значенію съ разрывъ травою) своимъ прикосновеніемъ разрываетъ узлы.

Названія разрывъ-травы: скакунъ и прыгунъ (Абев. Сах.) объясняются нѣм. повѣремъ, что огненный цвѣтокъ разрывъ-травы, разцвѣтающій въ ночь на Купала, не стоять на мѣстѣ, а прыгаетъ.

Другая трава, необходимая для обладанія разрывъ-травою—плакунъ. Корень ея копаютъ утреннею зарею на Ивановъ день, безъ желѣза (тоже у Герм. обѣ омелъ и рябинъ); онъ прогоняетъ нечистую силу, какъ и папороть и т. п. По названію, происходящему отъ того, что онъ плачетъ и воетъ (когда его вырываютъ изъ земли, какъ мандрагора, (Gr. Myth. 1053 сл. Kuhn, Herabk. Mandragora) или и въ другое время?), плакунъ тождественъ съ растеніемъ, называемымъ ревенька. Оно ростетъ подлѣ воды и въ водѣ, вышиною отъ полу-

до трехъ четвертей аршина, цвѣтеть красновато; стонетъ и реветь по ночамъ. Кто хочетъ хорошо плавать и никогда не утонуть, тотъ держи при себѣ корень ревеньки (Тер. V, 91). Съ этимъ послѣднимъ ср. слѣдующее: когда сломится коса, попавшая на разрывъ-траву, то чтобы узнать какая именно трава есть разрывъ, слѣдуетъ бросить все скошенное за послѣднимъ взмахомъ въ воду: какая трава вслыветь, та и есть разрывъ-трава (ib. 92—3). Миенческія основанія этого могутъ быть тѣ самыя, по которымъ вѣдьма не тонеть.—По Mr. пов. вѣхъ, болотная ядовитая трава (кажется *cicuta*) „якъ сонце пригрѣе, то й застогне“. Стонъ этихъ растеній есть конечно громъ, тѣмъ болѣе, что стонъ мандрагоры убиваетъ человѣка. Гроза стонеть: „Ноющъ стонущи ему грозою птичъ убуди“ (Сл. о II.); Самый корень слова стонать имѣеть и значеніе грома: Скр. *Стан-ати* стонать, Греч. *стѣуω*, *стан-а-а-ти* гремѣть, Лат. *tonare*; отсюда же *tonitrua* и *thunag*. Относительно связи плакуна съ другими громовыми растеніями ср. то замѣчательное обстоятельство, что луговой авѣробой (*Hypericum argyron*) иначе называемый также плакуномъ.

Цвѣтъ (Сах. Терещ.), а у нѣмцевъ сѣмѧ папортина дѣлаетъ невидимкою, что Кунъ объясняетъ такимъ образомъ: какъ въ шапкѣ невидимкѣ (*nebelkarpe*) можно явственно распознать облако скрывающее Бога и его спутниковъ, такъ и растенію происходящему изъ облака приписывается свойство этого послѣдняго (222). Къ скаzanному выше о сходствѣ папороти и чертополоха въ свойствѣ прогонять чертей здѣсь прибавимъ, что породамъ чертополоха приписываются и свойства шапки невидимки: кто хочетъ воровать ночью, чтобы даже собаки не лаяли, тотъ долженъ носить съ собою лопушокъ (Тер. V, 93). Какъ выше разрывъ-травъ соотвѣтствовалъ *sojčí kamínek*, такъ здѣсь цвѣту дѣлающему невидимкой—камень невидимка. Чижъ вьетъ гнѣздо подъ водою. Кто хочетъ найти это гнѣздо, пусть смотритъ въ воду: иначе его не увидить, потому что

въ немъ есть камень (číškův kamínek), дѣлающій его невидимымъ. И кто носить этотъ камень при себѣ, тотъ становится невидимкой (Sumlork. I, 112).

Есть Хорв. повѣрье, встрѣчаемое и у Mr. и другихъ Славянъ, что у кого есть сѣмѧ папороти, тотъ знаетъ все и разумѣеть языкъ всякой твари (Jlić 167—8). Объясненія можно искать въ томъ, что первоначальный обладатель папороти, т. е. Перуна, есть божество, или въ связи представленій грома, рѣчи и мудрости.

Такъ какъ огонь молніи зажигается по вышесказанному, такимъ же образомъ, какъ и огонь солнца, то a priori можно ожидать связи между громовыми растеніями и солнцемъ. И дѣйствительно есть ясныя, хотя и довольно скучные указанія на эту связь. У Лужичанъ папороть цвѣтеть въ полдень на Купала (Hanuš, Kalend. 183). У Хорутанъ папороть называется Sunčes и разцвѣтаетъ, когда солнце побѣдить чернаго волка (Срезнев. обѣ обож. солнца 45). По нѣмецкому повѣрю, если въ солноворотъ въ самый полдень выстрѣлить въ солнце, то кануть три капли крови, и они то и есть папоротное сѣмѧ (farnsamens. Kuhn, Negabk. 221).

Верба. Что верба принадлежить къ одному разряду съ папортью и т. п. видно изъ того, что у Хор. зеленые вѣтки (вербовыя), освященные въ вербное воскресеніе, сохраняются въ домахъ, для предохраненія отъ громового удара (Jlić 121), а у Чеховъ косіску (Mr. Бруньки) и вѣтки свяченой вербы бросаютъ въ огонь во время грозы (Hanuš Kalen. 106). То же основное значеніе (Перуна) имѣеть верба и въ слѣдующихъ обрядахъ:

Въ Mr., кто проспилъ заутреню въ вербное воскресеніе, того бываютъ свяченой вербою приговаривая: Не я бью, верба бѣ, за тижденъ великденъ, будь високъ, якъ верба, а здоровъ, якъ вода, а богатъ, якъ земля.

Въ Br. вмѣсто 3-хъ послѣднихъ стиховъ, говорятъ: „хира (=богъ) въ лѣсъ, здоровье въ косци“ (Ter. VI, 85). Нѣть никакого основанія желать всякаго добра особенно тѣмъ, которые проспали заутреню; это позд-

нѣйшая прибавка, которая стала возможна только тогда, когда на стеганье вербою стали смотрѣть, какъ на наказаніе. Въ Чехахъ тотъ же обычай имѣлъ мѣсто на 2-й и 3-й день свѣтлаго праздника, когда парни и дѣвочки ходятъ по домамъ „s pomlazkou“. Pomlazka есть вербовая вѣтка, или хлыстъ, сплетенный изъ нѣсколькихъ вербовыхъ или иловыхъ прутьевъ, винныхъ лозъ (откуда *vinovačka*), мѣстами даже изъ ремней или жилья, и украшенный пестрыми лентами и т. п. Помлазкою бьютъ другъ друга—на счастье, парни дѣвицъ—въ знакъ любви; ходящіе по домамъ „s pomlazkou“—хозяевъ—чтобъ у нихъ велся скотъ. Хозяевамъ при этомъ обѣщаютъ: *budete mít co vyhánět ze dvora: z maštale—hřibátko, a z chlívu—telátko, a z toho najtejsího chlívku Jehňátko* (*Sumlork II*, 12 вып. 33—43; Егв. písne 61 сл.; Напи, Kalend. 123). Въ Бр. день Св. Георгія (23 Апр.) считается обычнымъ временемъ, когда въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, именно свяченую вербою, сохраненную отъ вербнаго воскресенія. Иногда выгоняютъ скотъ и раньше, но въ этотъ день служить молебны Св. Георгію (извѣстной замѣнѣ громогласного божества) и просить его пасти скотъ и оберегать его отъ звѣря (Тер. VI, 38. Діевъ, въ И. Об. И. и Др. 1846, кн. 2). Обычай выгонять на Юрья скотъ свяченую вербою есть и въ Mr. Тамъ же мѣстами въ этотъ день втыкаютъ въ хлѣвахъ вѣтки свяченой вербы и страшныя свѣчи, чтобы отогнать нечистую силу и вѣдьмъ, (Тер. VI 29, 30). Всей южной и западной Руси угощаютъ въ этотъ день пастуховъ (ib.). У Сербовъ и Хорватовъ на Юрьевъ день многія хозяйки стараются ударить метлою по вымени сначаласосѣднихъ коровъ, потомъ своихъ, съ тѣмъ чтобы молоко перешло отъ первыхъ къ послѣднимъ. Хорошая хозяйка въ этотъ день сама выгоняетъ своихъ коровъ за село, чтобы сосѣдка не отобрала у нихъ молока (*Hić 127*). У Чеховъ пастушій праздникъ (*Kravské hody*, коровий праздникъ) прежде справлялся повсемѣстно 1 мая, а теперь мѣстами перенесенъ на послѣднюю Троицу. Сравни-

ваютъ навозъ на гноищѣ и утыкаютъ его зелеными вѣтками; рога и шеи коровъ украшаютъ зеленью. На разсвѣтѣ кормятъ коровъ разными травами, въ числѣ коихъ есть netřesk, окуриваютъ ихъ и выгоняютъ въ стадо метлою (помеломъ), свяченую вербою или зеленою вѣткою изъ тѣхъ, которыми было убрано гноище. Уже около 9-ти часовъ дѣвки гонять коровъ домой, при чёмъ поютъ тѣ-же пѣсни и такъ же бьютъ вѣткою встрѣчныхъ мужчинъ, особенно своихъ милыхъ, какъ и на свѣтлый праздникъ (о pomlázce velkonocnї). По полудни коровницы и дѣти, выгоняющія скотъ, устраиваютъ угощеніе изъ припасовъ, собранныхъ отъ хозяекъ наканунѣ. На этомъ пиру коровницы играютъ главную роль; на этотъ разъ они выбираютъ себѣ танцовъ, а не на оборотъ (Sumlork II, 393). Исторія этихъ обрядовъ состоить въ слѣдующемъ. Слово pomlázka (ср. Серб. млаз, струя молока, выдаиваемая за разъ, отъ кор. млѣз, Скр. мардж со знач. доить) значитъ вѣроятно: то что дѣлаетъ коровъ молочными. Во всякомъ случаѣ это слово показываетъ, что вѣткою били первоначально коровъ. Первообразомъ этого служило вѣрованье, что громовое божество (у Инд. Индра, называемый отъ этого gôhan, доящий) своимъ оружiemъ доить небесныхъ коровъ, отъ чего на землѣ дождь. Дождь представлялся и небеснымъ напиткомъ, а потому о помлазкѣ поютъ: „proutek se otočí, korbel piva natočí“, съ чѣмъ сравни слова изъ пѣсни „na smrtnou nedělí“: Svatý Petr hřímá, natočí nám vina. Весьма вѣроятно, что вслѣдъ за тѣмъ вѣтка, какъ воплощеніе Перуна, стала средствомъ давать „богатство“ землѣ, которая, какъ и туча, представляется коровою (ср. Скр. гô, илâ). Отсюда мысль легко перешла къ плодородію женъ, чѣмъ объясняется любовное значеніе стеганья вѣткою, и къ довольству, счастію вообще. Индійскій обрядъ, соотвѣтствующій помлазкѣ и, косвенно, Mr. обычаю бить вербою, состоить въ томъ, что жрецъ, чтобы получить молоко, годное для жертвы, отлучаетъ отъ коровъ телять, выгоняя ихъ на пашу вѣткою сами или парнѣ (см. выше), срѣзан-

ною съ извѣстными обрядами. Тою-же вѣткою бьетъ онъ одну изъ коровъ, вмѣсто всѣхъ, говоря при этомъ между прочимъ: „умножайте долю“ (т. е. долю молока, приносимаго Индрѣ). По традиціональному объясненію, вѣтка эта есть само божество, такъ какъ она есть воплощеніе того священнаго стихотворнаго размѣра гајатрѣ, который въ видѣ сокола снесъ на землю божественный напитокъ. Въ Германіи и Швеціи, давая имя коровамъ, бьютъ ихъ вѣткою рабины или другихъ огненныхыхъ растеній, что имѣеть мѣсто тогда, когда начинаютъ доить коровъ трижды въ день. Этотъ обрядъ въ Вестфаліи называется quiken, т. е. дѣлать (коровъ) сильными, свѣжими, давать имъ новую жизнь (Kuhn Herabk. 181).

2 Генв. 1866.

О ДОЛѢ И СРОДНЫХЪ СЪ НЕЮ СУЩЕСТВАХЪ.

I. Названія доли.

Часть, корень въ скр. чāид, чнинат-ти, scindere; глагольный характеръ, явственный въ Скр., сталъ въ славянскомъ словѣ принадлежностью корня часть зн. собств. нѣчто отрѣзанное, часть, потомъ въ Ст. Сл. Серб. Русс. - счастье, доля въ хоропемъ смыслѣ: „сидень сидить, а часть его ростеть“. Серб. чест-ит въ силу суффикса, собств. имѣющій часть, потомъ счастливый; тоже самое, въ силу предлога съ, зн. съ-частьнъ, имѣющій часть, счастливый, съчастнѣе-состояніе имѣющаго часть и пр.; не-счастье-отсутствие части-счастья. У-часть значить почти то-же, что часть, какъ удѣльь почти то, что дѣль; предл. у во многихъ случаяхъ сообщаетъ корню только зн. окончанія дѣйствія. Серб. злочест, злой, вѣроятно предполагаетъ зн.: имѣющій злую долю (Серб. зла чест), несчастный. Съ этимъ ср. слѣдующее: уже въ Скр. отъ Bhадж (bhag) въ зн. дѣлить-сущ. бнага, часть, потомъ счастье, блаженство, божественное существо, прил. бнага-ват, надѣленный счастьемъ, счастливый. Слав. Богъ (осн. ф. bhagas) легко можетъ быть выведено изъ того-же значенія корня бнаг, именно изъ зн. дѣлить, а не изъ *colere*, *venerare*. Богъ можетъ собств. значить часть, доля, счастье, а потомъ—божество. По крайней мѣрѣ ясно, что производными отъ Богъ предполагается зн. части, счастья, а не Бога: събожие, аналогично съ

Сл. съчастие, значить въ В. луж. звоžo-счастье, въ другихъ слав. нар. имѣніе, богатство и въ частности то, что составляетъ главное богатство земледѣльца: хлѣбъ; бог-ать—надѣленный частю, имѣніемъ, богатствомъ; у-богъ, не-богъ, съ равнозначащими префиксами, собств. не имѣющій части, счастья, потомъ—бѣдный.

Доля, тоже что часть. Корень въ Скр. дѣл-ати, колоться (ср. скр. дѣ, дар и сл. дратъ), откуда Скр. дала м, нѣчто оторванное, отколотое, кусокъ, часть. Само по себѣ Сл. доля не указываетъ ни на добро, ни на зло, изъ чего видна умѣстность эпитетовъ въ Млр. добра, лиха, гірка доля; однако Млр. недоля, безділля противополагаются долѣ въ зн. счастья.

Пай, часть, обл. пора; въ Млр. странный по образованію гл. пайдить, Поль. szczeſcić, везти. Основное зн. Сл. пай—темно; сближенію съ Лит. pjauti рѣзать и т. д. мѣшаетъ коренное у лит. глагола.

Серб. Срећа (Ст. сл. съ-рѣшта, отъ темы наст. вр. гл. съ-рѣсти (кор. рѣт), сърашат), собств. тоже, что встрѣча, которое подобно Серб. слову, отъ зн. осцигнис переходить къ зн. счастья, почему и противополагается худу въ посл.: быть было худу, да подкрасила встрѣча (Даль Посл. 45). Счастье въ Сл. Срећа представляется зависимымъ отъ дѣйствительной встрѣчи, какъ на пр. въ Серб. пѣсняхъ Кар. Пјес. I, 55, 116. и во многихъ повѣрьяхъ. За тѣмъ срећа и несрећа, какъ и доля и т. п. становятся названіемъ миѳическихъ лицъ, представляющихъ счастье и несчастье.

Серб. намјера, соб. то, на что человѣкъ намѣряется (ср. Серб. намјерити се, найти, набрести, наткнуться на что), на что человѣкъ натыкается, потомъ случай: „намјера га намјерила била на...“, случай его наанесь.

Случай, собств. соединеніе (въ смыслѣ столкновенія, встрѣчи), потомъ-Чеш. případek, Поль. przypadek, и въ частности въ Влр.—Счастье (Чеш. nápadné, případné stésti). въ Млр.-случай, рожденіе, смерть.

Притика, притча, соб. приткновеніе, столкновеніе, потомъ случай, несчастье. Приблизительно такимъ образомъ представляется и та пора, когда день стыкается съ ночью. Ср. Скр. Сайднѣа (отъ сайднї. м., соединеніе, изъ самъ=сь и днѣ=дѣ-), сумерки утренніе и вечерніе, время между концомъ одного и началомъ другаго мірового периода (југа), молитва или обрядъ, совершаемый въ сумерки. Влр. суточь, нар., соприкасаясь, одинъ подлѣ другаго; сутычки: 1, передній уголъ, мѣсто подъ образами (гдѣ смыкаются бревна или стѣны); 2. мѣсто въ избѣ, гдѣ у печи сомкнуты два столба; 3, сумерки; сутки—передній уголъ, сѣни, время отъ сумерекъ до сумерекъ; сутники, сумерки.

Я говорю здѣсь объ этомъ за тѣмъ, чтобы объяснить, почему въ Серб. пѣснѣ Сумерки названы временемъ, когда отдѣляется счастіе отъ несчастья:

Кад се дјели срећа од несреће,
Тавна ноћца од бијела дана (т. е. на раз-
свѣтѣ),
Удбњска се отворине врата,
Те изиде једна чета мала (Кар. Пјес. III, 278).

Ночь есть печаль и несчастье, день—счастье и радость, потому сумерки—время, когда стыкаются счастье и несчастье.

Въ нѣсколькихъ словахъ счастье, несчастье, случай, представляются временемъ: время, счастье безвременье, несчастье: „Будень во времени, и нась помяни“; время красить, безвременье старить“; „не гребень холить, а время“; „доля во времени живеть, бездолье въ безвремяни“ (Даль). Вр. обл. безлѣтье, неудачное теченіе дѣль, бѣда, невзгода, что предполагаетъ лѣто въ значеніи удачи и т. п. Серб. догоditи се, случиться, догаћај, случай, Чеш. rѣhoda,—iti se, случай, событие, случиться, Пол. przygoda приключение. Влр. обл. пригода, случай (то, что при времени, во времени; годъ·время) въ Млр. выраженіи „у пригоді

стати“ (быть въ помощь, б. на руку въ нуждѣ) получаетъ значение несчастнаго случая. Отъ того же корня—названія погоды: Млр. година, время, пора, погода вообще и въ частности хорошая, негода—непогодъ и пр. Въ связи съ этимъ—сравненія счастья и несчастья съ погодою: „то и счастье, что иному ведро, а иному ненастье“ (Даль, Посл. 26); Млр. хуртбвина, вьюга, мятель, ненастье:

Одвідай мене безрідну та бездольну
Въ чужій стороні, при лихій хуртовині...
Поки у насъ пивали та ідали...
Тоді насъ куми й побратими добре знали,
А теперъ пришибла мене лихая хуртовина.
Одцуралися куми й побратими (Метл. 356—7),
Ой хвортуно—хуртовино!
Послужи намъ хоть ще трохи,
Служила въ чумацтві, та служила въ бур-
лацтві.
Послужи ще й у хазяйстві.

Подобное значение имѣть и Млр. завирюха, мятель.

Рокъ. Значеніе fatum могло образоваться изъ зн. рѣшеніе (Пол. wugok, Чеш. výrok), въ частности рѣшеніе верховнаго существа. Однако нѣть основаній предпочесть это объясненіе слѣдующему. Чеш. rok, договоръ, то что опредѣлено, установлено договоромъ, между прочимъ, срокъ, опредѣленное время, годъ; Поль. tok, судебный срокъ и годъ; Серб. рок—срокъ. Отсюда можно вывести, что судьба въ Сл. рокъ представляется не непосредственно чѣмъ-то сказаннымъ, рѣшеннымъ, какъ въ сл. fatum, а временемъ, срокомъ. Ср. „безъ року смерти не будетъ, безъ року не умрешъ“ (Даль Посл. 27, 47), т. е. безвременно, безъ срока, хотя съ другой стороны „ловить волкъ роковую овцу“ (ib. 27), т. е. обреченную Св. Юрьемъ.

Срб. „добре часе давати“, желать счастья; Млр.

злідні, мелкія миєнческія существо, представляючія несчастье.

Указаній на зависимость доли отъ времени, особенно отъ времени рожденія, довольно: „подъ злой часъ, подъ злую годину“ (Даль, Посл. 28); Mr. „щаслива, добра, лиха година“;

Марьечка... щасливої годиночки родилася (Метл. 175);

Зійшовъ місяць изъ зорёю
Тай обгородився (радужными кругами);
Щасливої годинонъки
Козакъ уродився:
Ой куди вінъ подумае,
Той Богъ помагає (Метл. 329);

У Середу родилася: та то мое горе (но Четвергъ кажется легкій день: „не теперъ, такъ въ Четвергъ“; во многихъ мѣстахъ сватанье начинаютъ въ Четвергъ или въ Субботу);

Породила мене мати у Святу неділю,
Дала мені гірку долю, нічого не вдію (Метл. 12, 365),

при чемъ неизвѣстно, потому ли должна была дать гірку долю, что родила на Святой, или несмотря на это? Изъ Влр. пѣсни видно, что хорошо родиться на Святой:

Ты умѣлъ хорошъ родитися
И богато снарядитися!
Поносила тебя матушка
Во утробѣ девять мѣсяцевъ.
Тяжелымъ тяжелешенько,
Во десятый-то породила
Во Христовскую заутреню,
Какъ во первый большой благовѣсть
(Гул. Оч. Ю. С. 30).

По словенскому повѣрю, если дитя родилось въ новолуніе, то будетъ красиво, а если на ветху, то нѣть (B. Němcová).

Въ Серб. чаràтан (Итал. ciarlatano?), человѣкъ родившійся „у марчаној свијећи“ (при мартовской лунѣ), черезъ котораго до крещеня перешла кошка или другое „поганое“ животное. Поэтому онъ становится несчастнымъ, не можетъ имѣть никакого ремесла, ни постояннаго дѣла, но шляется весь вѣкъ, фокусами забавляетъ людей и выманиваетъ у нихъ деньги, которыхъ ему однако не въ прокъ и уходить, какъ пришли (Кар. Рјечн.). Родиться при восходѣ зари—хорошо:

Aj Nanynko má milá
Iak jseš ty hezký děvce!
Musěla se narodil
Spiš, než dennice vyšla.
Ja sem se narodila,
Dennice vycházela,
Už me moja maměnka
Na rukach kolibala (Sušil. Mor. Nar. písni 204).

Число подобныхъ свидѣтельствъ можно бы значительно умножить, но не предстоитъ особенной надобности. Зависимость участіи отъ времени можетъ быть легко примирена съ вѣрованіемъ въ долю, какъ живое существо. Время рожденія виною, почему человѣку посылается та или другая доля.

Лихо (въ Млр. Поль. Чеш.), несчастье, бѣда. Корень въ Скр. рич, ринакти, ринктѣ, рѣчати, рѣчајати, разлучить, раздѣлять, оставлять. Относительно Слав. *X*=Скр. чср. Скр. чита долгій и широкъ. Въ Литов. likti, lēkti, оставаться въ излишкѣ, оставлять, какъ и въ Лат. linquo, сохранилось основное k. Въ Литов. и Слав. нечетное число представляется оставшимся, излишнимъ: Лит. lē kas, оставшійся, нечетный lyg' ag lēk', четъ или нечетъ; Ст. Сл. лихъ (оставшійся), излишній, черезъ чуръ большой, лишенный (недо-

стающій); Серб. тако или лихо=Чешс. suda *) neb lich=sudem čili lichoū, sudo li či licho=Пол. cetno—lico=Мр. чіт чи линка. Поэтому можно бы думать, что несчастье въ Сл. лихо представляется нечетнымъ, нечастнымъ числомъ. Однако т. к. тотъ же корень въ Лит. отъ зн. оставить переходитъ къ зн. рѣшить (Лит. tai dêvo žadëta, teip likta, это было изречено, такъ опредѣлено Богомъ, tai prilikta buro это было рѣшено (судьбою), likimas, остатокъ, конецъ, судьба, смерть) то лихо, въ смыслѣ несчастья, скорѣе значитъ рѣшенное опредѣленное, тѣмъ болѣе, что и самое рѣшить относится къ тому же корню.

Бѣда, въ ст. Сл.—ανάγκη, necessitas, въ Поль. Чеш.— тоже что и въ Русс., въ Серб. тоже и сверхъ этого— напраслина победа, calumnia Корень бѣдн, бннатти= findere, откуда бѣда, м. раскалыванье, раздѣленіе, раздоръ, различеніе, различіе. Какъ вывести изъ этого значение нужды, необходимости? Кстати: что значитъ побѣдный, какъ эпитетъ круга:

Князья бояра собиралися,
Собирались, низко кланялись,
Становились въ побѣдный кругъ,
Рѣчи слушали княженецкія (П. и Обр. I, 257).

Неужели тоже, то въ выраженіяхъ: „побѣдная голова“ (бѣдная), „побѣдный голосъ (жалкій)?

Нужа, кроме общественныхъ значеній, есть также название недоли, какъ миѳического лица. Корень, Скр. нуд-ати, толкать, гнать, такъ что нужда есть гоненіе, состояніе гонимаго, или то что гонить. Во всякомъ случаѣ значение необходимости раньше зн. нищеты въ Поль. pѣdza. Основаній Слав. ринезма въ этомъ словѣ въ Скр. невидно.

Горе, Млр. журба (основное зн.—огонь) Влр. кручиня, название печали, переходятъ и къ значенію недоли, какъ мие. существа.

Подъ большою частью разсмотрѣнныхъ названий

*) Чеш. 8 ipr, пара, четъ, ср. съ Скр. сандна, соединеніе.

разумъются или разумѣлись человѣкообразныя, рѣже зооморфическія существа.

Доля приходить къ человѣку, встрѣчаетъ его: зла несрећа Воину прискачи (Кар. Пјес. I, 536); зла Іемину (дат. п.) Срећа прискачила, Те Алила у Сватове зове (ib. 614); сусрела вас добра срећа и господин Бог (ib. 32); На муштулук, браћо наша, добро сте дошли! С вами дошла свака срећа и сам господ Бож (ib. 45); Нашла га биједа на суву путу; Љастя має рога, бїда має ноги (Ном. Приказ. 36); То не бѣда, коли на дворъ взошла, а то бѣда, коли со двора не йдетъ (Даль Посл. 25); пошла бѣда, растворяй ворота. Дома ль хозяинъ? Бѣда пришла (ib. 31); гдѣ бѣда ни была, а къ намъ пришла (ib. 33); бѣда не одна ходитъ, бѣда съ побѣдѣшками (ib.); бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ (ib. 30); Де ти, лихо, ходило? Тебе, пане, шукало; лихо споткало, щастя споткало.

Недоля гоняется за человѣкомъ; отъ нея не уйти; у Притчи на конѣ не уйти (Даль П. 27); отъ бѣды не уйти; бойся, не бойся, а отъ части своей не уйдешь (ib.); Лиха не шукай: воно само тебе найде (Ном. Пр. 40. Ср. сказку, какъ человѣкъ, незнавшій лиха, пошелъ его искать и нашелъ въ видѣ худой, высокой одноокой старухи или одноокаго (слѣпаго) великана, Аѳ. ск. III № 14); Бывали люди у меня горя... До смерти со мною боролися... Не могли у меня, горя, уѣхати (о Горѣ Злоч.). Преслѣдованіе человѣка горемъ, которое то является въ человѣческомъ образѣ (лыкомъ подпоясалось, мочалами ноги изопутаны, Сах. ск. р. 4. I, 224), то оборачивается щукой, волкомъ, и т. п., смотря по тому, какъ ему удобнѣе гоняться за своею жертвою, составляется содержаніе ряда Влр. пѣсенъ (Сах. I. с.; Рыбн. I, № 83—6; Горе Злоч.). Отъ горя уйти или въ монастырь (какъ въ п. о Горѣ Злоч. и у Рыбн. I, № 86), или въ сырь землю. И туда

„За мной горе идетъ, и лопату несетъ,
И копаетъ и закапываетъ,

И ногами притаптываетъ,
И руками пришлепываетъ".

Въ Млр. пѣсняхъ на ту-же тему соотвѣтствуетъ гірка и нещасна доля, біда, которая ни продается, ни въ морѣ не тонетъ, ни въ лѣсу не заблудится (Метл. 12, 365. Послѣднюю ср. съ Рыбн. I, № 84). Доля близка къ человѣку, хоть онъ обѣ ней и не думаетъ: думы за моремъ, а бѣда (смерть) за плечами (Даль. Посл. 40); вечеронька на столѣ, а смерть за плечима.

Несчастье мучить, бѣть человѣка: побила тебе лихая година!; най го злідні побоють (Ном. Пр. 72); не бий, бо й такъ злідні ёго побили (ib. 75). Счастье—не-счастье нападаетъ на человѣка, береть его, схватываетъ, какъ болѣзнь или сонъ: „щаствія якъ трясція: кого схоче, на того й нападе (ib. 35); хорошо тому бѣситься, кого притка береть (Даль); żeby go licho cieźkie porwało; niech cię bieda weźmie. Оно садится человѣку на плечи, наваливается на него.

Да чомусь мині, мили братя,
Медъ—вино пьетця:
Гдесъ (должно быть) на мене молодого
Бідоњка кладетця (Кост. въ Сб. Морд. 195).

Сюда же относится Серб. желанье: Срећице се на-носили (Кар. Іјес. I, 140) и болѣе ясныя свидѣтельства нѣсколькихъ сказокъ, на пр. Эрленв. № 21: нужда сидить у человѣка на плечахъ и подпѣвааетъ ему то-неньkimъ голоскомъ; мужикъ схватываетъ ее, сажаетъ въ кобылью голову и забиваетъ въ трясину. Такъ и нѣм. Unglück, Unsälde сидить у человѣка на шеѣ (Gr. Myth. 832—3). Въ видѣ змѣи недоля вѣтается около сердца:

Чомусь мени, мила, горілка не пьетця,
Коло мого серденъка якъ гадина вьетця.

— Ой то-жъ не гадина, то лиха година
Коло твого серденъка собі гніздо звила
(Метл. 250);

Та чомусь, мені, братці, горілка не пьетця,
Край мого серденъка гадиноњка вьетця.

Извила гніздечко, де мое сердечко,
Извила кубельце, тамъ де мое серце,
А то не гадина, то лиха година.

Изсушила извъялила невірна дружина (ib. 251);

Серб. тако ми се туга на срце не савила (Кар. Посл. 305).

Человѣкъ страдаетъ, когда бѣда не спить; ему становится легче, когда она засыпаетъ: бїда не спить, а по людяхъ ходить (Ном. Пр. 43); коли спить лихо не буди жъ єго (ib. 40); nie budź licha, kiedy licho śpi; drzymie? niech śpi licho; добрѣ тому пить, кого долѧ (т. е. лиха) спить (Ном. ib. 35). На оборотъ, хорошо, когда счастье не спить: чомъ єму не пить, коли єго долѧ не спить (ib.). Такъ и Нѣм. Saeilde (fortuna) спить или бодрствуєть (Gr. Myth. 822).

Счастье, изрѣдка несчастье, несетъ человека, наноситъ его на что: Однесе ме Бог и Срећа Йову на дворе (говорить невѣста: Кар. Пјес. I, 34); сва добра срећа изнијела Игумана Светогорца Васа (ib. II, 443); Намјера је старца панијела, Наће старац сандук од олова (ib. 64); намјера га намјерила била на зелено у гори језеро, сују сиে licho przypiosło? Согласно съ этимъ счастье представляется конемъ: удача — кляча: Садись и скачи (Даль, Посл. 50). Ср. въ кобылью голову счастье (? ib. 51). Слѣдующія отрицанія предполагаютъ положительное сравненіе: счастье не конь (кляча), хомута не надѣнешь (или не взнуздаешь); счастья въ оглобли не впряженешь (Даль 45).

Счастье работаетъ для человека: тобі твоя долѧ робе (Ном. Прик. 34);

Ой я·бъ, мамо, не тужила, ябъ Бога молила,
Щобъ моёму миленькому доленъка служила

(Метл. 20).

Въ Серб. ск. (Кар. № 13) Срећа одного пасеть ему стадо овецъ, тогда какъ срећа другого спить. Въ Русс. ск. (Аѳ. V, № 51) счастье счастливаго пашетъ за него, а счастье несчастнаго лежить подъ кустомъ въ красной рубашкѣ и спить день и ночь. Какъ и въ Серб. сказкѣ, несчастный подкравшись бѣть свое счастье

шалкой. Оно (мужчина) объщает помочь ему въ торговлѣ: я, дѣ, къ вашей (мужицкой) работѣ не привыченъ, а купеческія дѣла знаю.

Счастье приносить человѣку, дарить: Срећа му донесе (Кар. Пјес. I, 71); Богъ и срећа дала (ib. II, 51, 52). Въ сказкахъ горе показываетъ человѣку кладъ, кручина дарить утку, которая несетъ золотныя яйца (Аѳ. ск. III, № 9; V, № 34; VIII, 53, 6). Съ этимъср. Поль. *darzy się*, дарится т. е. везетъ; *zdarzyć się*, случиться.

Этимъ объясняется, почему несчастье, какъ личное состояніе представляется слѣдствіемъ того, что человѣка оставила его доля и стало быть перестала на него работать:

Изъ за гори вітеръ віє,
Моя доля въ гості іде.
Де ти, доле, була,
Що мене забула?
Чи ти въ лісі заблудилась,
Чи ти въ полі опізнилась,
Чи въ беседі була,
Медъ горілку пила.
— Ой я въ лісі не блудилась,
И у полі не пізнилась,
Була на риночку,
Пила горілочку.

Горе заманиваетъ человѣка въ кабакъ и заставляетъ его пропить все (Аѳ. ск. V, № 34); оно нашептываетъ ему сомнѣніе въ людяхъ (о горѣ злоч.) и утѣшаетъ (Рыбн. I, 482). Нужѣ, которая живетъ у хозяевъ, привольно, п. ч. хозяевамъ плохо (Аѳ. ск. VIII, 408).

Въ основаніи всѣхъ приведенныхъ представлений доли лежитъ мысль, что доля есть существо отличное отъ человѣка, которому она принадлежить, и что дѣйствія доли, производящія известныя явленія въ человѣческой жизни, не суть повторенія такихъ же дѣйствій человѣка: счастливый вовсе не работаетъ, но за него работаетъ его счастье; несчастный страдаетъ, но

его доля наслаждается. Рядомъ съ этимъ взглядомъ находимъ другой, по которому между человѣкомъ и его долею существуетъ родъ предустановленной гармоніи. Человѣкъ самъ дѣйствуетъ, радуется, печалится, и въ тоже время его доля дѣйствуетъ, радуется, печалится. Доля является двойникомъ человѣка, полнымъ его отраженіемъ, но тѣмъ не менѣе она есть вмѣстѣ и причина человѣческихъ дѣйствій и состояній. Такъ напримѣръ въ слѣд. Серб. пѣснѣ: (встрѣчая юнаковъ, которые возвращаются съ удачнаго набѣга, дѣвицы говорятъ):

„Боже мили! Чуда великога!
„ће свезаше три добра јунака
„Три јунака тридесет Турака
„И без ране, и без мртве главе!“
„Проговари Сеньанин Тадија
„Не чуд'те се, Сеньянке ћевојке;
„То се срела срећа и несрећа,
„Моја срећа, њихова несрећа,
„Моја срећа несрећу свезала

(Кар. Пјес. III, 292).

Онъ самъ связалъ, но приписываетъ это тому, что его счастье (живое существо) встрѣтилось съ счастьемъ Турокъ и связало это послѣднее.

Я такъ же мало сомнѣваюсь въ томъ, что это говорилось вполнѣ серіозно, безъ всякихъ фигуръ, какъ и въ томъ, что въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Мономаха на Половцовъ (Ип. л. подъ 1111 г.) подвиги мономахова полка не для красоты слога приписываются ангеламъ: „Падаху Половци предъ полкомъ Володимировымъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человѣди, и главы летяху невидимо стинаемы на землю... И въпросиша колодникъ, глаголюще: „како васъ толика сила и многое множество не могосте ся противити, но въскорѣ побѣгосте?“ Си же отвѣщеваху, глаголюще: „како можемъ битися съ вами? а друзіи ъздяху верху васъ въ оружъи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ“. Токмо се суть ангели, отъ бога послан-

ны помогать Хрестьяномъ". Возможно однако, что за этими ангелами скрываются языческія существа, подобные доли или воинственнымъ виламъ.

Съ приведеною пѣснею ср. еще слѣдующее: (пріпѣвка женщинѣ).

Пресличица на полицу пуна бисера

При ныу сједи Станковица вазда весела,

Срећа јој се веселила с Станком заједно

(Кар. Ђес, I, 165)

Замѣчательно, что здѣсь утверждается какъ фактъ, что Станковица весела, и высказывается желаніе, чтобы ея счастье и ея мужъ были веселы, тогда какъ можно было бы ожидать, что ея собственное веселье будетъ поставлено въ зависимость отъ веселья доли. Развѣ понимать такимъ образомъ: срећа, какъ и судьба, получаетъ зн. суженого, суженой, мужа и жены (Кар. ib, 442, 444), „Срећа са Станком.“—м. б. въ томъ смыслѣ, что самъ Станко есть срећа своей жены, подобно тому какъ „кита и сватови“ вм. „кићени сватови“; смыслъ пріпѣвки былъ бы тотъ: она весела; пусть и ея мужъ, ея Срећа, будетъ весель... „Моя-то доля на мосту съ чашкой“ (ср. эко счастье: на мосту съ чашкой, Даль П. 30); моя доля та рубае дрова (Ном. Пр. 36); плаче твоя доля незна чого (ib.) т. е. ты самъ; не я скачу, біда скаче (ib. 43); нужда скачеть и пр.;

Котилося зъ вітромъ листья відъ поля до поля.

„Скажи міні, ти листочку, яка моя доля?“

— Така твоя, якъ и моя: стоіть подъ водою,

Втерає си чорні очи хустковъ шовковою

(Кост. въ Спб. Морд. 47);

Потопає моя доля край синёго моря,

Ой хоті вона потопає, ха ще й виринає,

Вона свого отця, неньку усе споминає

(Метл. 461).

т. е. конечно самъ человѣкъ вспоминаетъ въ горѣ отца, мать.

Вываютъ случаи сліянія такого взгляда на долю съ другимъ, изложеннымъ выше. Такъ напр. если въ

сказкѣ горе, заставляя мужика пьянствовать, вмѣстѣ съ нимъ само напивается до пьяна, спить, чувствуетъ головную боль съ похмѣлья, опохмѣляется, потомъ показываетъ мужику яму наполненную золотомъ; то въ этомъ горѣ можетъ видѣть двойника, представлѣніе душевныхъ процессовъ и дѣйствій самого человѣка. Но такое объясненіе уже неприложимо къ тому, что мужикъ, заманивши горе въ яму, заваливаетъ его камнемъ (Аѳ. ск. V, № 34). Положимъ, это похороненное горе есть ничто иное, какъ прошедшее человѣка; но все же это не двойникъ, въ которомъ повторяется настоящее.

Образы, подобные долѣ и горю, могутъ пониматься двояко: или они кажутся олицетвореніями, не имѣющими объективнаго бытія, или существами, обладающими такимъ бытіемъ. Въ первомъ случаѣ оставимъ за нами название олицетвореній, во второмъ назовемъ ихъ миѳическими лицами.

Существенный признакъ олицетворенія тотъ, что оно всегда ниже серіозной мысли своего творца. Другими словами: та голова, которая создаетъ олицетвореніе, способна при нѣсколько другихъ обстоятельствахъ къ отвлеченному, научному мышленію о томъ же, что выражено олицетвореніемъ, такъ живописецъ изображающей Венецію въ видѣ прекрасной женщины, очень хорошо знаетъ, что Венеція не женщина и способенъ толкомъ разсказать, что она такое. Правъ ли художникъ, поступая такимъ образомъ на перекоръ своему лучшему пониманію, или нѣтъ, это вопросъ другой. Обыкновенно, а можетъ быть и всегда, онъ не правъ, п. ч. олицетвореніе не даетъ ему средствъ ясно выразить свою мысль и, безъ эмблеммъ, похожихъ на надписи выходящія изо рта, само по себѣ непонятно стороннему человѣку. Пусть женщина—Венеція и привлекаетъ зрителя своего красотою и искусствомъ живописца, но она могла бы быть также хороша, если бъ изображала просто женщину, а не Венецію. Олицетвореніе отрасы-

вается, какъ негодная игрушка, мыслью направленною на объясненіе явлений. Художникъ можетъ имѣть цѣну не потому, что создастъ олицетворенія, а не смотря на это. Дѣйствительная его заслуга можетъ состоять только въ образномъ объясненіи сущаго, въ созданіи типовъ, т. е. такихъ очищенныхъ отъ случайностей образцовъ породы, по которымъ можно вѣрно судить о другихъ недѣлимыхъ той же породы.

На оборотъ, для мысли, создающей миѳический образъ, этотъ образъ служить безусловно лучшимъ, единственно возможнымъ въ данное время отвѣтомъ на важный вопросъ. Каждый актъ миѳической и вообще дѣйствительно-художественного творчества есть вмѣстѣ актъ познанія. Самое выраженіе „творчество“ могло бы не безъ пользы замѣниться другимъ, болѣе точнымъ, или должно бы стать обозначеніемъ и научныхъ открытій. Ученый, открывающій новое не творитъ, не выдумываетъ, а наблюдаетъ и сообщаетъ свои наблюденія какъ можно точнѣе. Подобно этому и миѳической образѣ—не выдумка, не сознательно-произвольная комбинація имѣвшихся въ головѣ данныхъ, а такое ихъ сочетаніе, которое казалось наиболѣе вѣрнымъ дѣйствительности. Миѳ можетъ быть усвоенъ народомъ только потому, что пополняетъ извѣстный пробѣлъ въ системѣ знаній. Гдѣ есть научныя свѣдѣнія, тамъ нѣть места миѳамъ. Особенность миѳического творчества сравнительно съ поэтическимъ творчествомъ въ тѣсномъ смыслѣ состоять въ томъ, что первое имѣеть своимъ предметомъ и такія явленія, которыхъ въ послѣдствіи становятся достояніемъ одной только научной мысли ^{“”}).

Миѳический образъ, доживши до болѣе сильного развитія мысли, легко можетъ стать олицетвореніемъ; наоборотъ, олицетвореніе, въ глазахъ человѣка, стоящаго на миѳической точкѣ развитія, можетъ превра-

---

^{“”}) О нѣкоторыхъ отклоненіяхъ отъ такого взгляда у г. Аѳанасьева и другихъ я предоставлю себѣ сказать при другомъ случаѣ.

титься въ миоической образъ. Тѣмъ не менѣе, разница между тѣмъ и другимъ не исчезнетъ.

Г. Буслаевъ рѣшительно утверждаетъ, что „Горе-Злосчастіе есть только поэтическій образъ, а не миоологическое существо“, что Горе-Злочастіе есть такое же олицетвореніе, какъ и изображеніе Венеції въ видѣ роскошной женщины (Оч. I, 638). Однако далѣе онъ говоритъ: „Отрицая миоическое значеніе Горя-Злочастія, я вовсе не хочу этимъ отвергать того предположенія, что наши предки, слушая о немъ повѣсть, могли представлять себѣ этого демона, какъ существо сознательное. М. б. они вѣрили въ какого то злого духа, который принялъ на себя образъ и имя Горя-Злочастія. Но мало ли во что вѣрила простодушная старина? На основаніи ея суевѣрныхъ представлений слѣдовало бы всю апокрифическую литературу цѣликомъ вставить въ Славянскую Миоологію; между тѣмъ критика строго отличаетъ въ Апокрифахъ остатки народной миоологии отъ произвольныхъ фантазій людей грамотныхъ... Горе-Злочастіе есть порожденіе именно... позднѣйшей демонологіи... Не смотря на живое изображеніе дѣйствій и рѣчей этого демона, фантазія уже имѣеть дѣло не съ конкретными образами народныхъ миоовъ, но съ отвлеченными понятіями; съ Горемъ и Злочастіемъ, и олицетворяетъ эти понятія въ демоническомъ существѣ, взятомъ на прокатъ изъ средневѣковой демонологіи“ (ib. 639).

Мысль та, что хотя Горю и могло приписываться дѣйствительное существование и хотя оно въ этомъ смыслѣ, по принятой выше терминологіи и можетъ называться существомъ миоическимъ; однако эта миоичность позднѣйшая, не народная; ей предшествуетъ пониманіе Горя какъ олицетворенія. Пониманіе кѣмъ? Тѣмъ ли, въ чьей головѣ окончательно сложилась пѣсня о Горѣ-Злочастії? Современными ли пѣвцами Mr. пѣсенъ о долгѣ, съ которою самъ г. Буслаевъ сближаетъ Горе? Если рѣчь о позднѣйшемъ пониманіи, то и спору быть не можетъ. Въ глазахъ болѣе развитаго современаго

простолюдина горе и доля могутъ быть похожи на смерть въ гравюрѣ Дюрера (ib. 634). Но если спросимъ, принимались ли доля и горе за олицетворенія отвлеченныхъ понятій тѣми, въ комъ впервые складывались эти образы, то должны будемъ отвѣтить отрицательно. Доля и сходное—происхожденія не книжнаго; образы эти вполнѣ туземны; они обнаруживаютъ явственную связь съ другими миѳическими лицами, они очень древни, такъ что носятъ на себѣ слѣды зооморфизма. Мироизъяніе, съ которымъ они согласны, многимъ отличается отъ нашего хотя отчасти и теперь свойственно простому народу.

До сихъ поръ народу мало доступно понятіе о счастьи и несчастьи (и болѣзни), какъ о сплетеніяхъ личныхъ ощущеній, разложимыхъ и зависимыхъ отъ причинъ, доступныхъ анализу и вполнѣ подлежащихъ наукѣ. Гораздо понятнѣе такой взглядъ: какъ боль отъ удара предполагаетъ бьющее существо и, большую частью умыселъ (дитя бьетъ вещь, о которую ушиблось, п. ч. считаетъ ее живою), такъ счастье и несчастье (и болѣзнь, о чёмъ ниже) происходятъ отъ дѣйствія живаго существа.

Какъ вообще явленіе тѣмъ труднѣедается нашей мысли, чѣмъ ближе оно къ намъ самимъ, такъ и подчиненіе мысли счастья и несчастья должно было произойти относительно поздно. Сначала люди были счастливы или нѣтъ, не давая себѣ въ этомъ никакого отчета, т. е. даже никакъ не называя этихъ состояній. Первымъ шагомъ къ научной мысли объ нихъ было соединеніе стихій мысли о счастьи и несчастьи и въ два комплекса. Безъ отдѣленія предмета отъ другихъ не возможно никакое изслѣдованіе. Этотъ шагъ могъ быть сдѣланъ только вмѣстѣ съ другимъ, т. е. съ названіемъ такого комплекса словомъ, которое до того значило нѣчто другое. Съ этимъ другимъ было сравнено счастье; и такимъ сравненіемъ было оно объяснено. Потомъ явился вопросъ о причинѣ счастья и пр., и отвѣтомъ на него послужило соединеніе въ мысли лич-

паго ощущенія счастья и миѳического существа, какъ причины. Это существо было уже прежде готово, но значеніе его теперь расширилось вмѣстѣ съ расширѣніемъ приписываемаго ему круга дѣйствій. Счастье, какъ причина личнаго состоянія именно потому и представлялось миѳическою личностью, что было еще не разложимо.

Положимъ, понятно, какъ можно видѣть причину доли въ существѣ, которое не есть человѣкъ и не похоже на человѣка; но какой смыслъ можетъ имѣть объясненіе явленія, состоящее въ его раздѣленіи на два явленія, равныя въ существенномъ и различныя только въ томъ, что одно, сверхчеловѣческое, представляется причиною другого, человѣческаго: человѣкъ плачетъ или смѣется, п. ч. его доля дѣлаетъ тоже. Насъ, можетъ быть, не удовлетворяютъ такія объясненія, но многія аналогіи убѣждаютъ, что они нѣкогда успокоивали пытливость мысли. То-же напр. въ извѣстномъ мѣстѣ стиха о Голубиной книгѣ. Кто говорить, что солнце красное отъ лица Божія, тотъ не иначе представляетъ себѣ лицо Божіе, какъ въ видѣ солнца, такъ что въ сущности онъ говоритъ: солнце—отъ другого болѣе небеснаго солнца.

Повидимому, въ непосредственной связи съ представлениемъ доли (и болѣзни) живымъ лицомъ находится взглядъ, что на свѣтѣ есть опредѣленное количества счастья и несчастья, болѣзни, добра и зла, и яѣть избытка ни въ чемъ. Если одинъ заболѣваетъ, то значитъ къ нему перешла болѣзнь, оставивши или уморивши другого. Такъ и „щастья переходя живе“ (Ном. Пrik. 35), т. е. покидаетъ одного и переходитъ къ другому. Счастье одного не можетъ увеличиваться, если въ то-же время не уменьшается счастье другого: док се једноме не смркне, не може другоме да сване (Кар. Посл. 66). Люди, какъ бы, лежать „сutoчъ“, покотомъ, такъ что пока одинъ не сожмется, другому протянуться негдѣ: док се један не отегне, не може други да се протегне (ib.); не би једному добро, док другому не буде-

зло (ib. 193). Поэтому и Богъ не умножаетъ коли-
чество блага, а только различно его распредѣляетъ:
Господь милосердний николи не спить: у того щастя
одбирае, а тому дае (Зап. о Ю. Р. I, 148);

Ой Боже-жъ мій милосердний, ти-то всімъ киruешъ,
Въ еднихъ людей щастіе берешъ, а другимъ даруешъ
(Голов. Пѣсни I, 243);

Богъ не гуляетъ, а добро перемѣряетъ (Даль Посл. 4).

III. Высказанное выше мнѣніе о связи доли и т. п.
съ несомнѣнно-миѳическими лицами могу подтвердить
нѣсколькими доказательствами.

Доля и огонь. Въ Бѣлой Руси молодая, оставляя
отцовской домъ, уже сѣвши на возъ съ мужемъ, при-
читается:

Таткава нивка, да не улекайся:
Радзила при мнѣ, радзи и бязъ мяне!

Добрая доля, да идзи за мной

Съ печи пламенѣомъ, зъ хаты каминомъ!
(Шцилевскій, Бѣлоруссія и пр. Пантеонъ 1853, май).
Она просить долю слѣдовать за собою на новое жилье,
просить идти изъ печи въ видѣ пламени, изъ избы въ
трубу.

Но печной огонь есть домовой, что видно изъ
довольно ясныхъ свидѣтельствъ, напр.

а) Въ Влр. при переходѣ на новоселье переносятъ
изъ старой печи жаръ, и при этомъ просятъ дѣдушку
домового на новоселье (Сах. Ск. Р. Н. 7, 54—5). б) По
Млр. сказанью, разъ встрѣтились два огня и стали
другъ другу рассказывать про своихъ хозяекъ. „Моя
хозяйка, говоритъ одинъ, добрая: она мнѣ каждый разъ
постелетъ и укроетъ меня“ (а она имѣла обыкновеніе,
вытопивши въ печи, сгребать жаръ въ кучку и загре-
бать въ печь). „А моя, говоритъ другой, не такая: она
мнѣ не стелетъ, и не укрываетъ меня. Я ей когда-ни-
будь за это хату спалю“. Дурная хозяйка случайно
услышала эту угрозу и исправилась (Игн. зъ Никло-
вичъ, Казки. Львовъ 1861, 68). По другому варіанту,
каждый день слѣдуетъ дѣлать огню подарокъ, т. е. на

ночь ставить въ печь горшечекъ съ водою. Одинъ огонь, не получая такого подарка, говорить другому, что въ эту ночь рѣшился сжечь избу. Другой, довольный своею хозяйкою, отвѣчаетъ: „Тамъ у васъ на горищѣ есть наше жлукто. Смотри, не спали!“ Дѣйствительно, домъ сгорѣлъ, а чужое жлукто осталось цѣло (Siermieński, Podania 117). Въ Германіи таковы же обязанности хозяйки относительно домового (kobold): каждый вечеръ она должна чисто вымести очагъ и поставить на немъ котель съ чистой водой (Wolf, Beitr. II, 334). Въ Влр. повѣрьи вода замѣняется кашею: 25 генв., чтобы добрый домовой не превратился въ лихого, послѣ ужина оставляютъ на загнеткѣ горшокъ каши, обложивши его жаромъ. Въ полночь домовой выходитъ изъ нодъ печи и ужинаетъ (Сах. ib. Дневникъ 8) *). Нѣмецкій кобольдъ, по общему мнѣнію (Гrimmъ, Вольфъ, Кунъ) есть огонь очага. в) По Польск. разсказу, чортъ Искрицкій (фамилія указывается на огонь) нанимается къ пану экономомъ, невидимкою живеть въ печи, нянѣтъ хозяйственныхъ дѣтей и оказываетъ хозяевамъ всевозможныя услуги (Siem. Pod. 146, изъ Войцицкаго). Очевидно, христіанскій чортъ нисколько не заслоняетъ здѣсь добродушнаго языческаго домового. Grimmъ, приводя этотъ разсказъ, указываетъ на его сходство съ Нѣмедкимъ о кобольдѣ, вѣрномъ слугѣ.

Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, чтобы доля вполнѣ совпадала съ домовымъ, но слѣдуетъ, что въ образѣ первого изъ этихъ лицъ могли войти черты другого; дѣйствительно вошли или, по крайней мѣрѣ, развились изъ общаго для обоихъ лицъ основанія, слѣдующія:

*) О поклоненіи печи см. Бул. Оч. I, 100—1; на кормленье печи указывается слѣдующее: пије пећки на што аја, вѣћ што јој се да (Кар. Посл. 216. Печь зіяеть, раскрываетъ зѣвъ; такъ и другія отверстія, напр. печная труба Ilis 225), пещера (Кар. Посл. 223) представляются зіяющими); Пічъ наша регоче, коровья хоче, А припічокъ усміхаєцца коровья сподіваетса (Метл. 164).

Мѣсто Русскаго домового—за печью или подъ нею, нѣмецкаго кобольда—тоже у очага; но и горе, кручина, нужа, біда тоже живутъ за печью (Рыбн. I 482; Аѳ. Ск. V, № 53, VIII стр. 408; Игн. зъ Никлович Казки, 72).

Нѣмецкаго кобольда можно купить, продать, утопить. Два семейства, живущія пососѣдству, которымъ домовые не даютъ покоя, оставляютъ свои жилья. Когда уже все было вынесено, встрѣчаются двѣ служанки изъ этихъ домовъ. У каждой въ рукахъ вѣнчикъ. „Куда это ты?“ спрашиваетъ одна. „Мы перебираемся“, отвѣчаетъ ей множество тонкихъ голосковъ съ верхушекъ вѣниковъ. Служанки догадались, кто отвѣчалъ, и затопили вѣники въ пруду. Съ тѣхъ порь на новыхъ жильяхъ все было смирино, но въ пруду мерла рыба и по вечерамъ слышались изъ воды тонкіе голоски: „мы перебрались“ (Wolf. Beitr. II. 335). О продажѣ доли см. Метл. 13, 365:

Повезу гірку долю на торгъ продавати.

Люде знаютъ гірку долю, нейдуть куповати.

Въ сказкахъ мужикъ сажаетъ нужу въ кобылью голову или въ пустой балягъ и топить въ болотѣ (Эрленв. Ск. № 20; Игн. зъ Никл. Каз. 70), привязываетъ злыдни къ жерновамъ и сталкиваетъ ихъ въ рѣку (Аѳ. Ск. VIII, 406); въ пѣсняхъ:

Ой бодай ти, моя доле, на дні моря утонул...;

Ой піди, нещасна доле, въ морі утопися...;

Лиха доле, лиха доле пійди утопися,

А за мною молодою тай не волочися.

— Та хотъ я ся въ Дунай пійду и тамъ ся утоплю,

То якъ вийдешъ по водоньку, я ся тебе вхоплю.

(Коломыйки, Львовъ 1864, 47.);

Моя доля утонула, щастя ся не верне,

Охъ Боже жъ мій милостивий, то життя мізерне
(ib.).

Гrimmъ, приводя слѣдующіе рассказы о долѣ, находитъ въ нихъ сходство съ другими о домовыхъ въ родѣ Искрицкаго. Бѣдный рыцарь увидѣлъ на деревѣ чудовище, узналъ отъ него, что оно его несчастье

(Ungelücke), сманилъ съ дерева и забилъ въ дупло. Съ тѣхъ порь ему повеало. Какой-то завистникъ выпускаетъ несчастье, думая, что оно воротится къ тому рыцарю, но оно садится ему самому на шею. Другой разсказъ — о Unsaelde (лиха доля), которая, какъ наше горе, сидить у человѣка на шеѣ, куда бы онъ ни пошелъ.

Домового считаютъ также душою предка между прочимъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Дѣды, какъ извѣстно, названіе предковъ; но и домовой называется въ Влр. дѣдушкою, въ Млр. дідкомъ (обыкн.—чортъ вообще). Сюда же подходитъ Чені, названіе домового хозяина (hospodářička) šetek, позднѣе šotek, при которомъ стоять слова: šiet, šit, старецъ, šietnost, šitnost, старость лѣтъ съ 70, šid, šad, stařec šedivý (Jireček. Čas. Mus. 1863, III). Hospodářiček есть вмѣстѣ названіе насѣкомаго, которое въ стѣнахъ домовъ цокаетъ, какъ часы, и тѣмъ предвѣщаетъ смерть одного изъ домашнихъ; но извѣстно очень распространенное представление души насѣкомымъ.

б) Говоря о первоначальномъ тожествѣ Діониса и Агни (какъ Діонисъ представляется между прочимъ новорожденнымъ ребенкомъ въ колыбели, такъ и Агни, который поэтому уже въ Ведахъ называется ювиштла, младший), Кунъ замѣчаетъ: и Нѣмецкіе кобольды, несомнѣнно огненные божества (хотя обыкновенно не вообще, а въ частности, божества очага), нерѣдко представляются новорожденными мальчиками въ корытѣ (Die Herabk. d. Feuers 246). Тамъ же показано, что рожденіе Агни (огня) изъ дерева есть вмѣстѣ рожденіе первого человѣка, что Агни есть вмѣстѣ первый человѣкъ Ману. Это объясняетъ связь домашняго огня (—Домового) съ душою предка. Вышеприведенное ср. съ Млр. разсказомъ про ребенка, который оборотившись дѣдомъ-карликомъ съ длинною бородою, поѣдаетъ всю с travu, наготовленную на семью. Знахарка заставляетъ его признаться, что онъ живеть уже не одинъ вѣкъ, то рыбью, то птицею, то муравьемъ, то наконецъ человѣкомъ (З. о Ю. Р. II, 34). Такія дѣти-старики обыкновенно

называются обмѣнами, обмѣнышами (Нѣм. wechselbälge), т. е. дѣтьми разныхъ миѳическихъ существъ, эльбовъ воздушныхъ и водяныхъ, у Славянъ—водяныхъ, лѣшихъ, оставленными въ замѣнъ похищенныхъ человѣческихъ дѣтей; но первоначально душа всякаго человѣка могла представляться человѣчкомъ, карликомъ, существомъ не отличнымъ отъ душь, не облекшихся въ человѣческое тѣло и дѣйствующихъ какъ силы стихіи.

в) Домовой имѣеть сходство и съ другимъ образомъ души (der. Alp). Мара давить человѣка во снѣ. У Чеховъ, когда появляется на тѣлѣ черно-синія пятна, какъ бы отъ ушиба, но безъ боли, говорять: umrlý na mne sáhnul v nosi (Houška, Růvěru II, 536). Подобно этому домовой наваливается на спящихъ, такъ что ни однимъ членомъ двинуться нельзя, хотя память есть, щиплетъ до синя, но боли на томъ мѣстѣ не бываетъ (Абевега 190). Какъ Мара замучиваетъ лошадей и косматить имъ гриву, такъ и домовой, если не полюбитъ лошади, выдергиваетъ у ней гриву, подбиваетъ ее подъ ясли, отъ чего по ночамъ подымается въ конюшнѣ стукъ; по утрамъ находять такую лошадь въ поту и въ мылѣ (ib).

Если, такимъ образомъ, доля отчасти тождественна съ домовымъ, а домовой есть душа, то и доля можетъ быть душою.

Доля и душа. Въ одномъ изъ многочисленныхъ вариантовъ сказки о счастьи и несчастьи или о богатомъ и бѣдномъ находимъ представление доли въ видѣ мыши. Было два брата, богатый и бѣдный. Когда богатый справлялъ пиръ (комашню (?)), бѣдный пришелъ къ нему попросить куска хлѣба. Богатый отказалъ. „Ступай, говорить, лучшестереги свой хлѣбъ, чтобы скотъ стоговъ не подѣдалъ“. Тотъ пошелъ, сѣлъ подъ своими двумя стojками и видѣть, что мышь все таскаетъ колосья изъ его стоговъ да въ богачевы носить. Поймалъ онъ эту мышь и давай ее сѣчь. „Такъ мнѣ приказано, оправдывается мышь: я твоего брата счастье“. У этой мыши бѣднякъ узнаетъ, что его соб-

ственное счастье не здѣсь, а ажъ въ десятомъ селѣ.
„Тамъ сгорѣла корчма; выпроси у пана это корчмище;
онъ тебѣ дастъ“. Вѣднякъ такъ и сдѣлалъ, нашелъ на
корчмищѣ кладъ и разбогатѣлъ (Игн. зъ Никл. Каз.
71). Мыши есть также и образъ души. Она принадле-
житъ къ хозяйству Яги, служить у нея на посылкахъ,
приносить дѣтямъ зубы, причинять людямъ смерть:
„живемъ, пока мышь головы не откуситъ“; „смерть,
какъ мышь, голову отъѣстъ“ (Даль, П. 287). Ср. О миѳ.
зн. нѣкот. обр. 90 слѣд.

По взгляду Германской миѳологии, души до сво-
его рожденія находятся у богини Гольды (Сл. Яги) за
облакомъ. Каждый разъ, когда душа сходитъ на землю,
чтобы принять на себя человѣческій образъ, за нею
слѣдуетъ одна, двѣ, три другія души, какъ ея духи
хранители. Въ Скандинавской миѳологии, гдѣ это вѣро-
ваніе особенно развито, такой духъ называется *fylgia*
(weil er dem menschen folgt (Grimm), se adjungens),
hamingia (felicitas). Появленіе этихъ спутниковъ на
землѣ, одновременное съ рожденіемъ человѣка, есть
нѣкоторымъ образомъ тоже рожденіе. Мѣстопребываніе
ихъ есть въ началѣ сорочки, которою иногда бываетъ
обвита голова новорожденного (*glückshabe*), съ чѣмъ
очевидно связано Русск. повѣрье, что родиться въ со-
рочкѣ—счастье. По Исл. повѣрью, если сжечь или вы-
бросить эту сорочку, то новорожденный навсегда ли-
шится своего ангела хранителя. Духъ хранитель часто
принимаетъ образъ животнаго, нравъ котораго наибо-
лѣе подходитъ къ характеру охраняемаго человѣка.
Такъ спутникъ храбраго—волкъ или медвѣдь, хитраго
—лиса и т. д. Съ этимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣютъ
связь изображенія животныхъ на щитахъ (гербы). Духъ
спутникъ обыкновенно слѣдуетъ за человѣкомъ неви-
димкою; но иногда они видимы стороннимъ людямъ, а
самъ человѣкъ передъ своею смертью видѣть гибель
своего хранителя. Фильгъя иногда имѣеть видъ пре-
красной женщины и здѣсь соприкасается съ Валки-
рію; иногда это совершенный двойникъ человѣка, съ

чѣмъ ср. сказанное выше о долѣ—двойникоѣ (Mannhardt, Germ. Mythen p. 306. Simrock, Handb. d. Myth. 378). Есть основанія думать, что такой взглядъ свойственъ и Славянской миѳологіи, что доля до значительной степени совпадаетъ съ Герм. духомъ хранителемъ, существомъ однороднымъ съ душами и эльбами. На послѣднее указываетъ Силезское повѣрье: „когда ребенокъ смеется сквозь сонъ, то это съ нимъ играетъ das Jüdel“ (его ангелъ хранитель) но Jüdel есть Gütel, иначе Gütchen, обыкновенное название эльбовъ, изъ пруда коихъ (Gütchenteich) берутся души (Mannh. ib. 308).

Доля рождается и погибаетъ.

Јунак ми коња јездаше,
Предрагу срећу искаше;
Виле ми њега вићеше,
Јунака сташе дозиват:
„Овамо свраћај, јунаци!
Твоја се срећа родила,
Сунчаном ждраком повила,
Мјесецем сјајним гојила,

Звјездама сјајним росила (Кар. Пјес. I. 191).

Не ясно, хотятъ ли вилы сказать, что встрѣча юнака только что родилась (изъ чего бы слѣдовало, что по взгляду этой пѣсни встрѣча рождается не вмѣсть съ человѣкомъ), или же, что когда родилась его встрѣча (а это могло произойти одновременно съ рождениемъ юнака), то она повилась (сплела)ась солнечнымъ лучемъ и т. д. Послѣднее могло случиться не съ каждою долей, а съ особенно счастливою. Какъ бы ни было, довольно, что встрѣча рождается.

Посл. „Яка бїда уродилась, така и згине“ понимается въ смыслѣ: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку; но за этимъ значеніемъ видно другое собственное: Бѣда рождается и гибнетъ. Изъ словъ Млр. пѣсни:

Ой вернись, бido! чого ти вчелилась?

— Не вернусь, дївчино! я зъ тобою вродилась

(Метл. 365. 6)

видно, что бѣда рождается именно съ человѣкомъ. Можно, пожалуй, это рожденіе понимать только въ отвлеченному смыслѣ, какъ появленіе вообще; подобнымъ образомъ можно бы принять за правило, что въ пословицахъ, какъ: „всякая бѣда по семи бѣдъ рожаетъ“, „бѣда не одна ходить, бѣда съ побѣдушками“, образъ никогда не понимался въ собственномъ смыслѣ. Однако такое правило лишило бы возможности дѣлать какія бы то ни было миѳологическія изслѣдованія, основываясь на данныхъ, дожившихъ въ народной памяти до нашихъ дней, расширившихъ и углубившихъ свое значеніе, соответственно современному развитію народа. Доля представлялась дѣйствительно-существующимъ лицомъ, а потому и хожденіе ея принималось за дѣйствительное событие. Посл. „дитина спить, а доля ії росте“ (Ном. 35), Сидень сидѣть, а часть его ростеть“ (Даль 41), говорятъ, что доля ростеть вмѣстѣ съ человѣкомъ.

„Словаки и Чехи вѣрятъ, что гдѣ въ домѣ ужъ (had), тамъ и счастье, и кто убьетъ такого ужа, у того пропадеть весь скотъ и исчезнетъ все счастье изъ дома. Въ одномъ мѣстѣ мать каждый день давала дѣвочкѣ на завтракъ жидкую молочную кашу. Дѣвочка обыкновенно выходила со своею мисочкою за порогъ, и въ другомъ мѣстѣ не хотѣла ъсть. Разъ отецъ замѣтилъ, что изъ подъ порога выползаетъ бѣлый ужъ и ъсть вмѣстѣ съ дѣвочкою, и слышалъ, какъ дитя ему сказали: „ъешь же и кашу, а не одно молоко“. На другой день отецъ подстерегъ и убилъ ужа; но вмѣстѣ съ ужомъ умерла и дѣвочка. Это было въ Словенской землѣ. О подобныхъ случаяхъ рассказываютъ и въ Чехахъ. Бываетъ, говорятъ, и такой ужъ, что обовьется около ноги коровы и сосеть ея молоко. Эта корова, не смотря ни на какие побои, не даетъ себя доить дома. Въ одномъ мѣстѣ на р. Вагѣ у хозяина была корова, которую сосалъ ужъ. Хозяинъ обѣ этомъ не зналъ. Думая, что она съ норовомъ, онъ продалъ ее въ другое село за Вагъ. Когда пришла пора кормить ужа, корова

убѣжала съ пастьбища, переплыла Вагъ, и стала ждать ужа на прежнемъ мѣстѣ въ лѣсу. Новый хозяинъ, который шелъ въ слѣдъ за нею, увидѣвши что къ ней ползетъ бѣлый, толстый ужъ, убилъ его. Тутъ же издохла и корова” (Boz. Nѣmcove Sebr. Sp. VIII, 217). Во второмъ изъ этихъ разсказовъ можно бы видѣть локализацію небеснаго событія: ужъ—небесный змѣй, изсушающій небесныя воды, представляемыя коровами, хозяинъ—Индра, убивающій змѣя; но, сколько известно, со смертью змѣя не связывается смерть женъ или коровъ; напротивъ Индра освобождаетъ небесныя воды изъ заточенія, а не уничтожаетъ ихъ. Поэтому смыслъ второго разсказа тотъ же, что и первого. Ужъ есть духъ хранитель и дѣвочки, и коровы. Если и боги представлялись животными, то тѣмъ скорѣе чѣловѣкъ могъ быть поставленъ на одну доску съ животнымъ. Поэтому, не удивительно, что и у животнаго есть свой ангелъ хранитель. Ужъ есть доля, которая рождается и умираетъ вмѣстѣ съ земнымъ существомъ и съ жизнью которой связана жизнь этого послѣдняго. У Гrimma (Myth. 1036)—разсказъ (изъ Павла Діакона) какъ изъ усть спящаго короля Гунтрама вышла змѣя, переплыла по мечу, нарочно положенному слугою, черезъ ручей и скрылась въ горѣ, и какъ, вставши, Гунтрамъ разсказывалъ, что во снѣ онъ ходилъ по желѣзному мосту въ гору наполненную золотомъ. Душа самого человѣка и его духъ спутникъ представляются одинаково, и. ч. это существа однородныя. Вѣроятно то же значеніе имѣеть и змѣя, лежащая на сердцѣ богатыря.

Кад је јунак Туру распорио,
У Турчина три срца јуначка:
Једно му се истом уморило,
А друго се истом разиграло,
Али треће још за бој не знаде;
На трећем је гуја троглавкиња

(Vienac Kaćic-Mioš. 17);

Маче Марко може из потаје,
Те распори Мусу кесецију...

... Ал' у Муси три срда јуначка,
Троја ребра једна по другијем;
Једно му се срце уморило,
А друго се јако разиграло,
На трећему љута гуја спава;
Када се је гуја пробудила,
Мртав Муса по ледини скаче,
Још је Марку гуја говорила:
,Моли Бога, кралевићу Марко,
ће се нисам пробудила била,
Док је Муса у животу био:

Од тебе би триста јада било (Кар. Пјес. И, 409).

Если, какъ мы видѣли выше, туга, лиха година змѣю вьется около сердца, то отчего же и духу хранителю въ видѣ змѣи не лежать на сердцѣ? Смерть богатыря произошла отъ того, что его доля спала, когда онъ былъ въ опасности.

„Спутникомъ“ и нѣкоторымъ образомъ двойникомъ человѣка можетъ быть и дерево, о чёмъ нахожу у Нѣмдовой разсказъ, сильно прикрашенный, но вѣроятно основанный на народномъ повѣрьи: у вдовы есть красавица дочь, а передъ окномъ ея избы ростеть вѣтвистая верба, заслоняющая свѣтъ. Жизнь дочери связана съ вербою. Во снѣ ей чудится, что эта верба—прекрасная женщина, царица манить ее въ свое царство. (Этому миѳологическимъ основаниемъ можетъ служить отождествлѣніе души—спутника съ царицею душой). Дочь вдовы выходитъ замужъ. Мужа тревожать ея сны. Ему кажется, что срубивши вербу, онъ уничтожить и причину сновидѣній; но какъ только срубилъ онъ вербу, умерла и его жена (Sebr. Sp. III, 363 слѣд.). И жизнь собирательныхъ личностей можетъ быть связана съ жизнью дерева. Францисканецъ, братъ Петръ Хытковичъ, живши въ Заключинскомъ монастырѣ, посадилъ въ саду небольшую сосну, сказавши при этомъ: „пока будетъ жить это дерево, до тѣхъ поръ сохранится въ монастырѣ и строгая жизнь по нашему уставу; засыханье дерева будетъ знакомъ паденія устава.

И странное дѣло, замѣчаетъ разсказчикъ, хотя этой соснѣ болѣе ста лѣтъ, но она неслишкомъ выросла, и не сохнетъ, хотя въ томъ же саду уже не разъ посыхали отъ морозу всѣ деревья. Зовутъ ее сосною брата Петра (Siem. Podania 74).

Въ соч. Попова (Путешествіе въ Черногорію, Спб. 1847, 220.) нахожу слѣдующее интересное извѣстіе: „О вѣдогоняхъ мнѣ удалось слышать два различныя сказанія. По одному изъ нихъ вѣдогони суть духи людей и животныхъ. Каждый желовѣкъ имѣеть своего вѣдогоня, и особенно люди родившиеся въ рубашкахъ. Этотъ вѣдогоня, когда спитъ человѣкъ или животное, выходитъ изъ него и бережетъ его имущество отъ воровъ и его самого отъ нападенія другихъ вѣдогоней и всякаго колдовства. Часто эти вѣдогони дерутся между собою, и если кто изъ нихъ будетъ убитъ, то человѣкъ или животное умираетъ во снѣ. Если воинъ умретъ передъ битвою, то говорятъ, что вѣдогонъ его дрался съ врагами и убитъ. Прибрежные жители говорятъ, что вѣдогони прилетаютъ съ италіанскаго берега и дерутся съ туземными. Другіе рассказывали мнѣ, что вѣдогони суть не иное что, какъ домашніе духи, оберегающіе жилища и имущество каждого отъ нападенія воровъ и другихъ вѣдогоней. Когда вѣтеръ срываетъ листья съ деревъ, и колеблясь они несутся по воздуху, говорятъ: „дерутся вѣдогони“. Это извѣстіе важное во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ имѣ вполнѣ подтверждается замѣчаніе, сдѣланное выше по поводу разсказа объ ужѣ, сосущемъ корову. Животное имѣеть своего духа хранителя, какъ и человѣкъ. Съ точки, на которой стоитъ Славянская миѳологія, между человѣкомъ и животнымъ существуетъ только вѣнчшнее различіе образа, тѣла, которое скидаются, какъ пласти. Какъ однородны духи хранители человѣка и животныхъ, такъ однородны и душа человѣческая и животная. Этотъ взглядъ, есть основаніе думать, до сей поры живеть и въ Русскомъ народѣ. Во-вторыхъ, изъ сродства душъ съ ихъ хранителями понятно, почему въ одномъ раз-

сказъ вѣдогоня названъ духомъ самого человѣка и животнаго, живущимъ въ немъ самомъ, а въ другомъ —домашнимъ духомъ хранителемъ, т. е. домовыムъ. Оба свѣдѣнія достовѣрны и подкрѣпляютъ тождество доли и домоваго, которое я старался доказать выше. Въ-третьихъ, воинственность вѣдогоней ср. съ приведеною выше Серб. пѣснею и мѣстомъ изъ Ипат. Л. (стр. 14). Причина, по которой Италіянскіе вѣдогони дерутся съ Бокскими объяснена въ Слов. Караджича: „Оваки духови (Једосоње, Вједосоње) по планини из-валъју дрвета те се ныима бију измећу себе, напр. Бокеска с Неаполитанским, па који надвладају, они род од љетине привуку на своју земљу; они и онако (и безъ этого, и безъ цѣли) ломе и горе и ваљају велико каменье“.

Каждая воюющая сторона хочетъ перетянуть плодородіе (т. е. вѣроятно прежде всего перегнать тучи) на свою землю и тѣмъ принести пользу охраняемымъ людямъ. Но этимъ не исчерпывается стихійная дѣятельность духовъ хранителей: бесплодная или вредная для человѣка бури—тоже ихъ дѣло. Подобно этому, душа не вошедшая въ человѣческое тѣло, но служащая спутникомъ этой послѣдней, свѣтить на небѣ звѣздою: по Хорутанскому повѣрю, „всякий человѣкъ, какъ только рождается, получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу, которая предсказываетъ его судьбу“ (Срезневскій). Эта звѣзда не есть рожаница, но связана съ существованіемъ самого человѣка.

Доля и болѣзнь, смерть. Пословица „щастя якъ трясця: на кого скоче, того ћ нападе“, совершенно справедлива въ миѳическомъ смыслѣ. Если бы и не нашлось другихъ доказательствъ сродства доли съ миѳическими образами болѣзни и смерти, то такое сродство могло бы быть выведено изъ того, что какъ духи спутники, такъ и болѣзни, суть существа однородныхъ съ человѣческою душою.

Какъ душа, такъ и болѣзнь, представляется су-

ществомъ материальнымъ. Сказанное выше о томъ какъ недоля нападаетъ на человѣка, еще въ большей мѣрѣ примѣнено къ болѣзни, которая нападаетъ на человѣка, находить на него, прикидывается къ нему, схватываетъ, беретъ, трясетъ, мнеть, жжетъ его и т. д., при чемъ всѣ эти выраженія слѣдуетъ понимать такъ, какъ еслибы они были употреблены о человѣкѣ, нападающемъ на другого и пр. Ср. ненажиръ напавъ (Gr. Myth. 1112; это болѣзнь, по Герм. пов., отъ живущей въ желудкѣ ящерицы); напавъ нѣжидѣ: нѣгде и хлѣба кусокъ не влѣжить (Ном. 239, въ ироническомъ см. о мнимо больномъ; странно, что въ Млр. нежитъ—насморкъ; скорѣе это название многихъ опасныхъ болѣзней, происходящихъ, какъ бы сказалъ нѣмецъ, von einem elbischen wesen; Арх. нѣжить, всякий духъ въ видѣ домового, лѣшаго, русалки); нехай на тебе казъ найде (ib. 49); жаръ мене ухопивъ; за живітъ бере; взявся пьяный за тинъ, якъ за попа трясця (ib. 230); и трясця не бере безъ причины (ib. 137); а щобъ на вастъ чума насіла (ib. 73); мнеть, якъ гостець бабу (ib. 78); щобъ тебе родимецъ побивъ (узявъ) (ib. 73); взяло поперекъ живота (Даль П. 422); подступило, подхваталио, подвалило подъ сердце (ib. 426) и т. п.

Лихорадка и вообще болѣзнь наполняетъ собою извѣстное пространство; какъ выше было упомянуто, она подобно долѣ, не можетъ быть разомъ во многихъ мѣстахъ и нападая на одного, оставляетъ другого. Если ей много дѣла, то она не вселяется въ человѣка и не живетъ въ немъ, или не держитъ его, а „однимъ мечтательнымъ подѣлуемъ“ причиняетъ трясавицу“ (Абев. 231), съ чѣмъ ср. Чеш. повѣрье, что кто ёсть послѣ молитвы на сонъ гряд., тому во снѣ смерть губы облизнетъ (Houška II, 535). Когда у лихорадокъ много дѣла, то онѣ, перелетая отъ одного къ другому, не такъ долго трясутъ и даютъ отдохнуть болѣющимъ, а въ самые недосуги приходить черезъ день, черезъ два и три (ib.). Другое объясненіе перемежекъ въ лихорадкѣ даетъ Млр. выраженіе „трясця невси-

пуща“, изъ котораго видно, что бывають лихорадки, котораяя засыпаютъ, и даютъ въ это время отдыхать больнымъ. Подобнымъ образомъ и зараза въ Серб. „она болест прелази“ (заразительна) представляется переходомъ болѣзни отъ одного къ другому.

На такомъ представлениі болѣзни основано множество заговоровъ и симпатическихъ средствъ (отъ разныхъ болѣзней), разсчитанныхъ на то что болѣзнь должна оставить человѣка, если она будетъ передана или перейдетъ къ другому существу. Въ заговорахъ болѣзнь, частью угрозами, частью просто силою слова отсылается къ собакѣ, кошкѣ, птицѣ или (вроки, бишиха)—„на Чорне море, на мхи, на болота (очереты), на гниле колоддя, де люде не ходять, де собаки не брещуть, де чоловічий голось не заходить“. Многія симпатическая средства состоять въ томъ, чтобы выкинуть болѣзнь, въ замкнутомъ ли сосудѣ, или платьѣ, или какой вещи больного, и бросить подальше, или передать дереву и пр.

По германскимъ повѣрьямъ, многія болѣзни происходятъ отъ эльбовъ. Такъ ревматическія боли, переходящія съ мѣсто на мѣсто, называются „die fliegen-den elbe, die gute kinderen, die gute holde“. Они представляются мотыльками или червями, которые гложутъ человѣка и производятъ этимъ опухоли въ суставахъ рукъ и ногъ (Grimm. Myth. 1109). Такъ о красныхъ пятнахъ на лицѣ у дѣтей говорятъ: „das jüdel hat das kind verbrannt“ (ib. 1112). Iüdel—название эльба, который можетъ быть и духомъ хранителемъ. И царица эльбовъ, Гольда, причиняетъ болѣзни. Какъ эльбъ и мара связываютъ въ узлы и сбиваютъ въ космы волоса людей, гривы и хвосты лошадей, отчего колтунъ называется alpzopf, drutenzopf и т. п.; такъ и Frau Holle ключетъ и косматитъ пряжу и волоса, почему колтунъ называется также Hollenzopf (ib. 433). Родъ эпилептическихъ припадковъ приписывали въ средніе вѣка Діанѣ, имя которой обыкновенно скрываетъ Гольду или Берхту.

По русск. заговорамъ, лихорадки *) это двѣнадцать дѣвъ, дщерей Иродовыхъ. Съ этимъ ср. то, что и Гольда въ христіанскія времена стала Иродіадою (Grimm. Myth. 263). По Чеш. пов. лихорадокъ 99. Такъ какъ неизвѣстно, которая именно овладѣла человѣкомъ, то всеобщимъ лѣкарствомъ отъ лихорадки служить то, которое совмѣщаетъ въ себѣ свойства 99 и другихъ лѣкарствъ, именно отварь раст. *jitrocel* (*plantago*), у котораго 99 корешковъ, по одному отъ каждой лихорадки. Было нѣкогда сто лихорадокъ, но люди одну изъ нихъ спровадили со свѣта такимъ образомъ. Когда лихорадка, чтобы забраться въ человѣка, опустилась на куски хлѣба, накрошенные въ молоко, люди замѣтивши ея присутствіе, собрали эти куски вмѣстѣ съ лихорадкою въ пузырь, завязали и повѣсили на деревѣ. Лихорадка стала трясти пузырь, какъ она дѣлала это съ человѣкомъ, и трясла, пока не задохлась (Houška, Nar., Povѣту III, Č. Mus. Kr. Č. 1855, I). Тѣмъ, что лихорадка садится на непотонувшій въ молокѣ кусокъ хлѣба, она обнаруживаетъ свое сродство съ марою (Чеш. *mýga*). Это сродство подтверждается Нѣм. названіемъ лихорадки *der Ritt* (отъ *reiten*), происшедшіемъ отъ мнѣнія, что лихорадка ъздитъ верхомъ на человѣкѣ, какъ Мара и Альпъ (*der Alp zountet dich, der mar rѣtet dich*, Gr. Myth. 1107). Лихорадка попадаетъ въ пузырь, какъ Мара въ пустую бутылку, смерть въ

*) Подъ лихорадкою разумѣются многія болѣзни. Сл. лихорадка, собств. дурно дѣлающая; по 2-й половинѣ ср. съ Скр. *rādīnōti*, дѣлать, совершать, радити. Лихоманка, собств. существо злодушное; по 1-й половинѣ ср. дурманъ (раст.) = Скр. *dūr-mānas pravam mentem habens*. Чтобъ не накликать и не разсердить лихорадки, называютъ ее, въ противоположность ея настоящему имени, добруха, тетка, кума, кумаха, комуха, комоха, камаха. Постѣднее есть вмѣстѣ назв. червца (красильного насѣкомаго), съ чѣмъ ср. представление эльбовъ насѣкомыми. Не основано ли на мнѣнч. связи червца съ богинею, замѣненною въ христіанствѣ Богородицею, мнѣніе, что въ день Казанской камаха (червецъ) лежитъ въ одномъ мѣстѣ клубкомъ или собирается подъ одинъ кустъ (Даль. П. 989).

Русск. ск. въ табачный рожокъ, какъ горе и нужа въ яму, сундукъ или корчагу.

По иному еще повѣрю, лихорадокъ десять сестеръ; онѣ крылаты, что по общему правилу предполагаетъ представлениѳ ихъ птицами и ихъ воздушное происхожденіе (Абев. 230 **). Или: старшая лихорадка съ одиннадцатью сестрами живетъ въ дремучемъ лѣсу (лѣсь=облако), въ непокрытой губѣ (губа = усадьба, изба) Сах. Ск. Р. Н. 4. П. Даль. 14).

Названіе старшей изъ лихорадокъ, Невѣя (изъ Навія, навъя?), роднитъ лихорадку со смертью.

Какъ лихорадка, такъ и чума, холера, представляются постоянно существами женскими. По Польск. или Западно-Русскому повѣрю, повѣтріе есть моровая дѣвица. Она всовываетъ въ дверь или окно руку и машетъ краснымъ платкомъ, отчего вымираютъ всѣ живущіе въ домѣ. Одинъ шляхтичъ посвященію саблею отрубилъ у нея эту руку съ платкомъ (Sieni. Pod. 127. Изъ Мицкевича). Чума—простоволосая женщина вся въ бѣломъ (ib. 125). Холеру еще въ 1848 г. въ Киевской г. представляли женщиной, какъ и лихорадку и оспу (Rulikow. Op. N. Wasylk. 168). Изъ Серб. пѣсни (Кар. Пјес. III, 42) видно, что и Серб. Морія есть молодая женщина. Напротивъ, коровья смерть, которая въ сущности не отличается отъ человѣческой, какъ и духи хранители людей не отличаются отъ хранителей животныхъ, представляется старухой или коровой (Теш. Б.Р.Н. VI, 42); въ томъ и другомъ она сходна съ ягою.

Отъ лихорадки—положить подъ изголовье больного лошадиную голову (Даль, Посл. 430). По правилу: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись, это значитъ, что лихорадка, какъ яга и мара, представлялась нѣкогда кобылью головою и кобылою. Гриммъ (Myth. 809) нахо-

---

**) Тамъ же сказано, что онѣ содержатся въ земныхъ челюстяхъ на цѣпяхъ, пока ихъ не спустятъ на людей. Я не знаю, что дѣлать съ этимъ извѣстіемъ. Сравненіе съ чудовищами Германской миѳологии, которыхъ освободятся отъ цѣпей въ концѣ міра, сюда не идетъ.

дить въроятнымъ, что и символомъ смерти была между прочимъ кобылья голова. Изъ собранныхъ имъ свѣдѣній приведу слѣдующія: Венды имѣли обычай для предохраненія скота отъ падежа, втыкать на шесты у хлѣбовъ и загоновъ конскія и коровы головы: конскія головы клали подъ кормъ въ ясли лошадей, на которыхъ по ночамъ ъездили Мары; въ Мекленбургѣ (въ нѣкогда Славянскомъ селеніи?) кладутъ конскую голову подъ подушку больного; въ Мейсенѣ и Тюрингіи бросали конскую голову въ пламя Ивановскаго костра (Myth. 626—7, 585). Съ послѣднимъср. сожиганье илитопленье Марены-смерти на Ивана Купала.

Какъ бѣду или нужу, такъ и заразу, смерть, люди носять на плечахъ или возять. По Русск. ск., солдату, который не могъ ужиться на томъ свѣтѣ, приказано было воротиться на этотъ иносить смерть на плечахъ. Хитростью (какъ заманиваютъ черта въ бутылку) заманилъ онъ ее въ табачный рожокъ и такъ десять лѣтъ носилъ въ карманѣ. Въ эти десять лѣтъ никто не умиралъ. „Срби кажу, да је куга (моръ) жива, као жена (то особито доказују они, који су лежали од ње). Многи кажу, да су је вићали где иде завјешена бијелом марамом; а где који приповијedaју да су је иносили. т. ј они нађе човјека у пољу, или срете где на путу, а гдјеком дође и у кућу, на му каже: „ја сам куга, већ хајде, да ме носиш тамо и тамо“. Онај је упрти на кркаче драговољно (јер већ њему и његовој кући неће ништа учинити) и однесе је без и каке муке (јер није тешка ни мало) куд му каже“ (Рјечн. Куга). Есть подобное Хорватское повѣрье. Куга нѣсколько разъ спрашиваетъ у человѣка, который ее несетъ на плечахъ, тяжело ли ему. Тотъ отвѣчаетъ, что нѣтъ, но съ каждымъ разомъ она становится тяжелѣе, такъ что наконецъ онъ насилиу передвигаетъ ноги. Замѣчая это, куга предлагаетъ ему отдохнуть. Когда отдохнулъ, она опять навалилась на него и опять стала спрашивать. Человѣкъ не смѣлъ сказать, что ему тяжело, и съ каждымъ его отвѣтомъ куга становилась

все легче и легче, такъ что подъ конецъ ему казалось, будто вовсе никто не несетъ Valjavec, 243). Разъ Русинъ несъ на плечахъ заразу (powietrze). Куда махнетъ она платкомъ, тамъ все вымираетъ. Дошедши до Прута, Русинъ задумалъ ее утопить (ср. топленье лихой доли!) и бросился съ нею въ воду. Самъ онъ утонулъ, но зараза выплыла (Wojc. Klechdy I, 51). Разъ человѣкъ ъхалъ изъ города порожнемъ. Подходитъ какая-то бѣлая женщина, садится на возъ и говоритъ: „вези меня къ себѣ“. Пріѣхали поздно вечеромъ. „Мнѣ, говорить она, нечѣмъ тебѣ заплатить, но я за то покажу тебѣ знаменіе. Наступи мнѣ на ногу“. Тотъ наступилъ, и увидѣлъ много крови, отрубленныя головы, мертвыхъ людей. „Что ты видѣлъ, сказала бѣлая женщина, то скоро сбудется. Поэтому бѣги изъ этого села съ семью, по крайней мѣрѣ за три дня хода“. Такъ онъ и сдѣлалъ. Пришла въ то село куга, поморила людей, а многіе, другъ съ другомъ стали биться и рѣзаться, такъ что было не мало крови и мертвыхъ головъ (Valjav. 243—4). Подобнымъ образомъ ъздить и коровья смерть. Ъхалъ мужикъ съ мельницы позднею порою. Плетется старуха и проситъ: „подвези меня, дѣдушка!“—А кто же ты, бабушка?—Лѣчейка, родимый, коровъ лѣчу.—Гдѣ же ты лѣчила.—А вотъ лѣчила у Истоминой, да тамъ всѣ переколѣли. Что дѣлать? Поздно привезли, и я захватить не успѣла“. Мужикъ посадилъ ее на возъ и поѣхалъ. Пріѣхавши къ разстанямъ (къ перекрестку), онъ забылъ свою дорогу—а уже было темно. Онъ снялъ шапку, сотворилъ молитву и перекрестился, глядь, а бабы какъ не бывало. Оборотившись черною собакою, она побѣжала въ село, и на завтра въ крайнемъ дворѣ пало три коровы. Мужикъ привезъ коровью смерть (Ter. B. R. n. VI, 42, Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 10—11). Въ слѣдующемъ разсказѣ отъѣздъ смерти напоминаетъ торжественные отъѣзы богинь (на пр. Grimm. Myth. 230). „Говорятъ, что повѣтrie въ видѣ женщины въ бѣлой одеждѣ обѣзжало всѣ села. Прибывши къ какому дому, эта женщина спрашивала: „что вы дѣлаете?“

Если отвѣчали: „ничего не дѣлаемъ, только Бога хвалимъ“, она мрачно прибавляла: *хвалите же его во вѣки*“, и въ томъ домѣ не было заразы. Если она прибывала куда вечеромъ и если на ея вопросъ „спите?“ отвѣчали „спимъ“, то она говорила: „спите же навѣки“, и весь домъ вымиралъ (изъ Мицкевича, Siemień. Pod. 127). Вѣроятно, насыщаемая Богинею смерть представлялась наказаниемъ, хотя изъ приведенного и не видно, чѣмъ провинились тѣ, которые отвѣчали: спимъ.

„Куге имају преко мора своју земљу, где само оне живе, на их Бог пошље амо, кад људи зло раде и много гријеше, и каже им, колико ће људи поморити“ (Кар. Рјечн. Куга). Море и рѣка во множествѣ сказаній есть замѣна воздушнаго моря, небесной рѣки. Слѣдовательно родива кугъ—небо. Чтобы достигнуть земли, кугъ приходится переплывать воздушное море, на чемъ основаны сказанья, что и на землѣ она перевивается черезъ рѣку. „Разъ куга пришла къ Савѣ. Сава была тогда въ разливѣ, броду не было, и куга просила перевезти ее на лодкѣ. Она не замѣтила, что на днѣ лодки, подъ гунею лежала собака. На серединѣ перевправы собака проснулась, бросилась на кугу, стала ее рвать и принудила броситься въ воду. Куга насилиу выбралась на тотъ берегъ, грозя, что она отомстить за свои раны, какъ только передохнутъ собаки. „Слава Богу, это будетъ не скоро, п. ч. съ каждымъ днемъ становится больше собакъ“ (Valjav. 243). Соответственно этому die Mâr, der Alp переправляются черезъ рѣку въ раковинѣ или въ челнокѣ (Mannh. Germ. Mythen 346 и др.), Берхту и Эльбовъ перевозятъ перевозчикъ на паромѣ, по Бретан. пов. заразу въ бродъ перевозятъ на конѣ (Gr. Myth. 1136—7). Въ Серб. заговорѣ отъ мары: „ушла ујајску љуску, утопила се у морску пучину“ (Кар. Рјечн. Мора), чему въ Млр. заговорѣ соответствуетъ желаніе, чтобы болѣзнь ушла „на Чорне море“. Извѣстно, что и русалки плаваютъ въ яичныхъ скорлупахъ, и что существа доплывающія въ такихъ скорлупахъ,

пахъ до блаженныхъ Рахмановъ передають этимъ по-
стѣднимъ земныя вѣсти.

„Лихорадки боятся собачьихъ удавокъ“ (?)
(Абев. 231); по Серб. пов. многія куги гибнутъ отъ
злыхъ собакъ (Кар. Рјечн. Куга). Съ этими, кромѣ выше-
приведенного разск. изъ Вальявца, кромѣ страха, кото-
рый вѣдьмы питаютъ къ собакамъ-ярчукамъ и сказки
о ягѣ (О миѳич. зн. нѣкот. обр. и пов. 119), ср. слѣдую-
щее: „Во время мора пѣтухи хрипнутъ, собаки, хотя
издали чуютъ приближеніе чумы, которая любить ихъ
дразнить, не могутъ лаять на нее, и только ворчатъ.—
Паробокъ спалъ на высокомъ стогу сѣна, къ которому
была прислонена лѣстница. Вдругъ послышался шумъ,
въ которомъ явственно можно было различить вор-
чанье и визгъ собакъ. Паробокъ поднялся и видѣть,
что прямо къ нему несется высокая женщина вся въ
блѣломъ сѣ (распущенными) всклокоченными волосами,
а за нею—собаки. На пути стоялъ ей высокій и длин-
ный плетень. Она перепрыгиваетъ черезъ него, вскачи-
ваетъ на лѣстницу, и находясь въ безопасности, драз-
нить собакъ, выставляя имъ ногу и приговаривая: на
гога, нога! на гога, нога! Паробокъ сразу узналъ въ
ней чуму, подкрался и повалилъ лѣстницу. Женщина
упала, и собаки ее схватили. Она погрозила отомстить
и исчезла. Паробокъ тотъ не умеръ, но всю жизнь онъ
выставлялъ ногу, повторяя: на гога, нога! (изъ Войц.
Siem. Pod. 125). Всѣ эти повѣрья можно объяснить та-
кимъ образомъ: собака одарена способностью видѣть то,
чего человѣкъ не замѣчаетъ; она чуетъ злого человѣка,
чуяетъ привидѣніе; притомъ, она другъ хозяина: есте-
ствено было сдѣлать ее врагомъ существа, враждебнаго
людямъ. Можетъ быть такой взглядъ до нѣкоторой сте-
пени и участвовалъ въ созданіи приведенныхъ по-
вѣрьевъ; но трудно допустить, чтобы такимъ полура-
циональнымъ образомъ можно было вполнѣ объяснить
миеъ весьма распространенный и потому весьма древ-
ній. Тождество чумы смерти съ ягою, соотвѣтствующей
Гольдѣ и Берхтѣ, приводить къ другому объясненію..

Одно изъ представленій бури въ видѣ охоты (wilde Jagd) состоить въ слѣдующемъ. Frau Gauden была нѣкогда знатная госпожа. Она такъ страстно любила охоту, что говоривала: „еслибъ мнѣ можно было постоянно охотиться, то не хотѣла бы и въ рай“. У нея было 24 дочери съ такими же желаніями. Разъ, когда мать съ дочерьми скакала по полямъ и лѣсамъ, изъ устъ ея вырвалось грѣшное слово: „охота лучше раю!“ Вдругъ платья ея дочерей превратились въ шерсть, сами они стали собаками. Четыре изъ нихъ вмѣсто лошадей стали тянуть колесницу матери, остальные съ лаемъ окружили ее. Весь поѣздъ поднялся къ облакамъ, и съ тѣхъ порь тамъ, между небомъ и землей вѣчно продолжается охота. Frau Gaudе или Gôde изъ Frau Wode, а это—изъ названія Водана Fro (господинъ) Woden. Тѣмъ не менѣе, Frau Gaudе, какъ видно изъ другихъ повѣрьевъ, есть самостоятельная личность, отличная отъ Водана, тождественная съ Гольдою-Бертою, представленіями тучи. Собаки и Герм. и Инд. мифологіи—образы вѣтра. Такимъ образомъ въ основаніи приведенного сказанія лежитъ образъ тучи, гонимой вѣтрами. Душа по выходѣ изъ тѣла или до соединенія съ нимъ есть вѣтеръ и стало быть собака. Гольда,—туча, въ обители которой души находятъ пріютъ, представляется матерью этихъ душъ. Поэтому собаки сопровождающія Frau Gauden названы ея дочерьми. Вѣтры разрываютъ гонимую ими тучу: отсюда легко могло произойти повѣрье, что собаки Годы, будто бы въ гнѣвѣ на наказаніе, навлеченнное на нихъ матерью, стараются ее растерзать (Grimm. Myth. 877 слѣд.; Mannh. Germ. Mythen во мн. мѣстахъ). Славянскія повѣрья, если сближеніе наше вѣрно, удержали только вражду собакъ къ лихорадкѣ, чумѣ или вѣдьмѣ,—вражду, которой не нужно было объяснять, потому что предметы ея казались человѣку враждебными, а потому должны были казаться такими и собакѣ, спутнику человѣка.

90 Найдутся еще нѣкоторыя Слав. повѣрья, изображающія тоже, что Нѣм. wilde Jagd, wirthendes Heer,

именно гоньбу облаковъ и свистъ вѣтра—въ видѣ поѣзда или полета миѳическихъ существъ. Таково напримѣръ слѣдующее млр., пересказываемое Войцицкимъ вѣроятно не безъ прикрасъ. Русинъ, потерявши жену и дѣтей во время чумы, чтобы спастись отъ смерти, бѣжалъ въ лѣсъ изъ опустѣвшей избы. Тамъ построилъ онъ себѣ шалашъ изъ вѣтвей, развелъ огонь и заснуль. Послѣ полуночи онъ просыпается и слышитъ громкое пѣніе, звуки бубновъ и сопѣлокъ. Звуки все ближе и ближе, и вотъ онъ видѣтъ, широкою дорогою тянется гоменъ (Млр. гомбнъ, гоминъ, Укр. гомінь), процесія странныхъ привидѣній, окружавшихъ чорную, высокую колесницу, на которой сидѣла чума. Съ каждымъ шагомъ увеличивался этотъ страшный поѣздъ, почти все встрѣчное становилось привидѣніемъ. Ко-стерь чуть тлѣлъ. Когда приблизился гоменъ, большая дымящаяся головня встала на ноги, протянула руки, засверкала жаромъ, какъ глазами, и запѣла вмѣстѣ въ другими. Мужикъ въ страхѣ схватываетъ сѣкиру, чтобы ударить ближайшее привидѣніе, но сѣкира выскользнула изъ его руки, оборотилась высокою чернокосою женщиною и съ пѣніемъ повѣялась у него передъ глазами. Гоменъ шелъ дальше и Русинъ видѣлъ, какъ деревья и кусты, совы и филины вытягивались въ длину и приставали къ поѣзду. Онъ упалъ безъ чувствъ, и когда утромъ очнулся, пригрѣтый солнцемъ, то увидѣлъ, что утварь его поломана и побита, одежда порвана, сѣйствное попорчено (Siem. Pod. 175). Очевидно, это—небесное событие, перенесенное на землю; туча—смерть стала чумою; завыванье вѣтра—пѣніемъ и звуками инструментовъ. Весь разсказъ согласенъ съ названьемъ заразы повѣт-риемъ, тѣмъ что несется по вѣтру.

Съ выше приведеннымъ представленіемъ бури битвою вѣдосоней сравнивранье моряковъ (изъ Сѣв. Влр. племени?), что когда воетъ вѣтеръ—воютъ и плачутъ души утопленниковъ, въ тихую погоду пребывающія на морскомъ днѣ. Чтобы помирить это съ христіан-

ствомъ, говорятъ, что это души иновѣрцевъ (Морской Сборникъ).

„Прииде, бувало, такій циганище або циганка въ хату, то заразъ щось приповість, що або хата на перелеті, або щось обійшло, то хтось урікъ, або нечисте місце, або щось, то зачне свое ворожінье та замовлюванье“ (Вѣнокъ. Вѣдень 1847. ч. II, 262—3). Изъ сравненъя съ подобными Нѣмецкими повѣрьями, напр. съ тѣмъ, что въ одномъ мѣстѣ das wüthende Heeg каждый разъ проходило сквозь три дома, въ которомъ было по три двери въ одномъ направлениі, видно что хата на перелеті—это такая, которая стоитъ на пути вѣтра, представляемаго поѣздомъ миѳическихъ существъ.

По Серб. пословицѣ „бура гони, враг се жени“, полетъ бури есть женитьба существа, неопределенно называемаго врагомъ или чортомъ. Это объясняется многочисленными нѣмецкими сказаньями о погонѣ „des wil- den Jägers“ (Воданъ, вѣтеръ) за нагими женщинами, полногрудыми (какъ полногруда туча, дающая молоко-дождь), у которыхъ, какъ и у другихъ человѣческихъ образовъ тучи, спина корытомъ.

Все отступленіе о болѣзни и смерти можетъ служить къ тому, чтобы сдѣлать вѣроятнымъ, что какъ болѣзни, такъ и женские образы доли (какъ однородные съ болѣзнями), имѣютъ связь съ богинею, которая изъ образа тучи стала олицетворенiemъ смерти.

IV. Находилась ли личная человѣческая доля въ зависимости отъ верховнаго божественнаго существа? Если да, то какого рода это верховное существо? Быть ли у Индо-европейскихъ племенъ единый Богъ, понимаемый не какъ *primus inter pares* (каковъ Юпитеръ, Зевсъ, Воданъ, вѣроятно—Перунъ), не какъ старшій въ ряду стихійныхъ божествъ, подчиненный всѣмъ превратностямъ, какимъ подчинены прочіе Боги, а какъ вѣчна и всеобъемлюща конечная причина? (Рѣчь здѣсь не о стремлениі многобожія къ единобожію, стремлениі, результатомъ котораго можетъ быть и точно бываетъ понятіе о конечной причинѣ, а о единобожіи,

какъ исходной точкѣ миѳологии). Миѳологи, которые склоняются къ утвердительному отвѣту на упомянутый вопросъ, обыкновенно гадательно высказываютъ свои личныя мнѣнія, подтверждая ихъ очень шаткими доказательствами. Такъ Гриммъ считаетъ возможнымъ разложеніе основнаго единаго бога на трилогіи и дodeкалогіи боговъ, потому между прочимъ, что хочетъ извинить и оправдать многобожіе, предположивши, что въ груди язычника никогда вполнѣ не угасала вѣра въ зависимость боговъ отъ одного верховнаго. Какъ христіанину, ему кажется, что монотеизмъ есть религіозная форма наиболѣе достойная божества, наиболѣе разумная и естественная (Myth. XLIV—V). Другіе христіане могутъ думать иначе. Такъ католикъ Зимрокъ смотритъ на единобожіе германцевъ, какъ на гипотезу (Handb. d. Deutschen Mytb. 2-е Ausg. 168—9). И въ самомъ дѣлѣ, почему же ревностному послѣдователю откровенной религіи, убѣжденному въ безконечномъ ея превосходствѣ предъ язычествомъ, не допустить, что мысль человѣческая предоставленная самой себѣ, можетъ исходить только изъ чувственныхъ впечатлѣній, частныхъ по самой своей природѣ, и что если въ основѣ языческой трилогіи и лежитъ единое божество, то это есть всегда божество, представляющее извѣстное явленіе природы, божество чувственное и ограниченное, весьма отличное отъ Бога еврейскаго или христіанскаго? Безполезно ссылаться въ подтвержденіе мысли обѣ основномъ единобожіи на существованіе въ индоевропейскихъ языкахъ названія бога вообще. Скр., Лит., Греч., Лат. названія бога имѣютъ въ основаніи корень див, свѣтить, что ясно указываетъ на чувственное происхожденіе мысли, связанной съ этими названіями. Скр. дѣва, дѣви есть эпитетъ многихъ (первоначально, конечно, только свѣтлыхъ) боговъ и богинь. О происхожденіи слав. богъ было сказано выше. Оно первоначально вовсе не означало божества, а съ теченіемъ времени стало эпитетомъ многихъ боговъ (Даждьбогъ, Стрибогъ).

Иные, какъ Мангарть, толкуютъ о чувствѣ божественной единицы (*gefühl einer göttlichen einheit*) какъ о древнѣйшемъ состояніи всячаго язычества. Подъ этимъ чувствомъ разумѣютъ страхъ и благоговѣніе, внушаемые яко бы всей природою. Но, во-первыхъ, всякая миѳологія есть міросозерцаніе своего времени, своего рода научная система, въ которую входитъ только сознанное, только результатъ мысли. Можетъ быть рѣчь о свойственномъ извѣстной миѳологіи единомъ божествѣ, какъ о сознанной и выраженной словомъ причинѣ явлений, а не какъ о чувствѣ. По чѣмъ знаетъ изслѣдователь объ этомъ чувствѣ, если оно ничѣмъ не выразилось, или выразилось косвенно, но созданіемъ многихъ боговъ? Во-вторыхъ понятно въ первобытномъ человѣкѣ чувство страха предъ извѣстнымъ, дѣйствующимъ на органы чувствъ явлениемъ природы; но такое или подобное чувство, внушаемое всей природою взятою вмѣстѣ, предполагаетъ (если оно возможно), что человѣкъ предварительно обнялъ мыслью космосъ. Спрашивается, какая это вся природа первобытного человѣка? Не однимъ уже замѣчено, какъ странно, слѣдя словамъ миссионеровъ, думать, что дикарь, который буквально не умѣеть считать далѣе десяти, можетъ возвыситься до мысли о единой природѣ и великому духѣ, какъ единой причинѣ ея явлений. Первый камень, о который ушибся этотъ человѣкъ есть для него конечная причина. Всякое положительное изслѣдованіе, различающее сложныя миѳологическія явленія, находить въ ихъ основаніи фетишизмъ, который прямо противорѣчитъ предположенію о единобожіи, какъ началѣ миѳологіи.

Возвращаясь къ славянской миѳологіи, можемъ спросить: быть можетъ славяне уже обособившись выработали понятіе о единомъ верховномъ богѣ, отличномъ отъ Перуна и прочихъ? Въ пользу утвердительнаго отвѣта можно привести различіе Бога и Перуна въ договорахъ съ Греками: „елико ихъ (Руси) крещеніе прияло есть, да примутъ мѣсть отъ Бога въ седер-

жителя, ...и елико ихъ есть не хрещено, да неимутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна“. Однако, по весьма вѣроятному мнѣнію Иречка, здѣсь рѣчь о Богѣ христіанскомъ. Иные изъ язычниковъ, участвовавшихъ въ договорѣ, могли потомъ, принявши христіанство, порушить этотъ договоръ, оправдываясь тѣмъ, что клялись соблюдать его только Перуномъ, въ кого теперь не вѣрять, а не богомъ христіанскимъ. Предвидя этотъ случай Греки заставляли клясться не только Перуномъ, но и Богомъ. Объясненіе это подтверждается другимъ мѣстомъ, въ которомъ подъ Богомъ можетъ разумѣться только Богъ христіанскій; „аще ли кто отъ князь или отъ людий русскихъ, ли хрестіянъ или нехрестіянъ приступить се, да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна“. Въ з-мъ мѣстѣ изъ договора Святославова: „да имъемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, въ Перуна, и въ Волоса скотія Бога“, Богъ можетъ быть эпитетомъ Перуна.

Въ позднѣйшихъ источникахъ, которыми почти исключительно приходится пользоваться при миѳологическихъ изслѣдованіяхъ, довольно часты сопоставленія Бога и встрѣчи, доли, частью какъ миѳического существа, частью какъ состоянія:

Подими се, првијенче, бријеме ти је,
Сусрела вас добра срећа и Господин Бог
Ко ти шћео наудити, недаому Бог (Кар. Јес. I, 32);

Однесеме (невѣсту) Бог и срећа Јову (жениху)
на дворе (ib. 34);
На мушкулук, браћо наша, добро сте дошли!
Свама дошла свака срећа и сам Господ Бог
(ib. 45);

Ой иде Маруся на посадъ,
Зостріча ії Господь самъ
Изъ долею щастливою,
Изъ доброю годиною (Метл. 144);

Ако би ти Бог и срећа дала... (Кар. Јес. I, 37, 199, 398; II, 52 и др.); што Бог даде и срећа јуначка

(ib. II 598); што Бог да и срећа од Бога (ib. III, 316): ... онога, кода Бог ми у срећу дадне (ib. I, 426); Бог му даде и срећа донесе (ib. II, 71); Бог им даде и од Бога срећа (II, 547); данас ми је (туркињу) Бог у срећи дадне (ib. III, 244); Богъ дасть долю и въ чистімъ полі (Ном. Пrik. 25); лежень лежить, а Богъ для него долю держать; лежухові Богъ долю дає (ib. 35); може Господь милосерний не все лихо роздастъ, іще останетца.

Иногда отрицается мысль, что долядается по дѣлому,—мысль, очевидно существовавшая до отрицанія: „што я у Бога телять покраль?“ (что на меня такая напасть).

Людскі діти долю мають, я єї не мала,
Такъ якъ би я у Богойка камінѣмъ метала
(Коломыйки, 47);

Ой гаю мій зелененкий, ой гаю мій, гаю!
Ни я перша, ни последна доленьки не маю.
Найвисиному деревоныку вершокъ усихає;
Найкрасшому дітятоныку богъ дилі недає (ib.);
Ой Боже мій милосерний, чи то твоя воля?
Чи, въ світі така друга, чи йно моя доля?
Не нарікай, доню, на Божую волю,
Тилько, доню, ти нарікай на лихую долю

(Голов. пѣсни I, 240).

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ выражений могутъ быть соглашены съ христіанскимъ взглядомъ: „Бог у срећу дадне“, „Богъ дасть долю“, т. е. Богъ пошлетъ счастье, какъ состояніе или какъ обстоятельства, окружающія человѣка. Но въ другихъ выраженіяхъ такое соглашеніе невозможно. Христіанскій Богъ не долженъ сопоставляться съ миѳическимъ существомъ, отъ кото-раго тоже зависитъ судьба человѣка. Выраженія, какъ „сусрела вас срећа и Бог“, понимаю буквально, т. е. срећа (живое существо) и Богъ пусть встрѣтять васъ. Богъ въ подобныхъ случаяхъ есть или христіанская прибавка, которой и не старались примирить съ языческимъ вѣрованіемъ, или—языческое божество, посылающее долю. На послѣднее указываетъ представление этого-

бога обладателемъ скота, какъ бы скотъ имъ богомъ. Вѣроятно въ язычествѣ коренится и метанье камней въ бога, о которомъ упоминаетъ Млр. пѣсня.

По Млр. пѣснямъ доля дается и матерью, по крайней мѣрѣ отчасти зависитъ отъ нея;

Уродила мене мати въ зеленій діброві,
Та не дала мені мати ні щастя ні долі,
Тільки дала станъ хороши, та чорній брови
(Метл. 108);

Десь (должно быть) ти мене, моя мати, въ барвінку купала,

Купаючи примовляла (за—, проклинала), щобъ долі
не мала.

„Проклинала, доню, тогдѣ твою долю:

На гору йшла, тебе несла, щей води набрала“,
Или: Въ церкву я ходила, богу молилася (и не смотря
на то)

Така тобі, моя доню, доля судилася (Метл. 274—5);
Сама не знаю, чомъ доленьки не маю:

Прокляла мене мати малою дитиною (Метл. 278).

Это не противорѣчить вѣрѣ въ зависимость личной доли отъ бога, какъ молитва и чары, склоняющія волю боговъ, не отрицаютъ ихъ власти надъ міромъ. Пословица „доля лучшая божая, піжъ матчиная“ (Ном. 35), отдавая преимущество одной долгѣ предъ другою, предполагаетъ, что обѣ существуютъ рядомъ.

Очень распространено вѣрованіе, что всѣ случаи жизни, особенно бракъ и смерть заранѣе опредѣлены рѣшенiemъ Суда. Женихъ и невѣста, какъ извѣстно, называются сужеными другъ для друга: сужено-ряжене не обѣдешь въ кузовѣ; сужена ряжена не обойдешь и на конѣ не обѣдешь; суженое ряженому, ряженое суженому (Даль, Посл. 27); тимъ я єго полюбила, ꙗо судився мій (Метл. 136);

Хотай же вінь зарученый, якъ говорять люде,
А коли вінь сужений, то вінь моімъ буде

(Метл. 28);

Не разлучить ні батько, ні мати,

Ні чужая чужина,

Коли судилася дружина (ib. 53);

Люблю я дівчину, треба ії взяти:

Хочъ я бъ ії любивъ не любивъ,

Може-жъ мені ії Богъ судивъ (ib. 47);

,итти къ суду Божію“—подъ вѣнецъ. Смерть тоже судъ:

,ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія

не минути“ (Сл. о П.); „Бориса же Вячеславича слава

на судъ приведе“ (ib.); „до віку, до суду (до смерти,

на пр. не буду дѣлать того-то); нема смерти безъ суїна

дана; суїн данакнаїе—смерть. Жеребей—Божій судъ

(Даль П. 50). Не всегда судить Богъ; иногда Святые:

Свята пречиста Христа вродила...

То розіслала поусіхъ святихъ,

По усіхъ святихъ, по монастирехъ

Служби служити, имъя судити (т. е. судить, какое дать имя. Голов. пѣсни II, 27): Роженицы су-

дять дитя (došle Rojenice sudit dѣteta, Valjav. 82 и др.), т. е. присуждаются, какою ему смертью умереть и т. п., откуда могло произойти название ихъ Судицами (Чеш. Слов.); что же до Хорут. sojenica sujenica, то въ образованіи этихъ словъ участвуетъ оконч. прич. прош. стр., такъ что слова эти могутъ значить не судящая, а сужденная, опредѣленная высшимъ существомъ. Подъ словами судьба, судъ. Серб. судиште, судња, суђење, сколько известно никогда не разумѣется миѳическое лицо; но оно разумѣется подъ Серб. усуд, fatum. Послѣднее слово имѣеть въ Mr. (у Бойковъ) и у Чеховъ форму осудъ—со значеніемъ отвле-ченнымъ: judicium, fatum.

Серб. сказка „Усуд“ (Кар. Прип. 89) утвердительно отвѣчаетъ на вопросъ, зависитъ ли личная доля отъ верховнаго миѳического существа? „Срећа“ (дѣвица) посыпается Усудомъ. Замѣчательно, что Усудъ находится подъ властю необходимости, съ которой его цар-скій дворецъ периодически измѣняется въ бѣдную из-

бушку. Эта послѣдняя необходимость остается безо всякихъ опредѣлений.

Сказку объ Усудѣ можно раздѣлить на три части:

1) Безчастный братъ идетъ навѣстить счастливаго.

Сначала находить онъ долю своего брата, прекрасную дѣвшку, которая прядеть золотую нить и пасеть овецъ своего господина. Потомъ, погостивши у брата и добывши у него на дорогу постолы и денегъ, отправляется искать своей доли. Видитъ въ лѣсу, подъ дубомъ спить съдая материа дѣвка. Отъ палочного удара она насилиу двинулась, чутъ раскрыла глаза, заплывшіе раною, и говоритъ: „Благодари Бога, что я спала, а то не добыть бы тебѣ и этихъ постоловъ“. Это его „среѣа“, по ея словамъ, данная ему Усудомъ. Безчастный идетъ къ Усуду спросить о причинѣ своей бѣдности.

2) На пути зажиточный хозяинъ поручаетъ ему узнать у Усуда, почему ему никакъ неудается накормить до сытга своей челяди; другой—почему у него не ведется скотъ; вода, которая переносить безчастнаго на другой берегъ, просить вывѣдать, почему въ ней не водится ничто живое. Пустынникъ показываетъ ему путь къ Усуду, и научаетъ дѣлать, не говоря ни слова, все, что будетъ дѣлать Усудъ.

3) Безчастный застаетъ Усуда въ царскихъ палатахъ, окруженнаго толпою слугъ, Усудъ ужинаетъ, ужинаетъ и онъ, Усудъ ложится спать, ложится и онъ. О полночи слышится страшный гулъ и чей-то голосъ: „О Усудъ, Усудъ, родилось сего дня столько-то душъ: дай имъ что хочешь“. Усудъ всталъ, открылъ сундукъ съ деньгами и стала разсыпать по комнатѣ одни дукаты, говоря, какъ мнѣ сегодня, такъ имъ и до вѣка“. Въ слѣдующіе дни домъ Усуда все уменьшался и все окружающее его измѣнялось къ худшему. Наконецъ онъ съ гостемъ очутился въ бѣдной избушкѣ. Съ утра взялъ онъ заступъ и сталъ копать землю; по его примеру, гость—тоже. Только вечеромъ Усудъ досталъ кусокъ хлѣба, отломилъ половину и далъ гостю. Ночью послышался голосъ, какъ и въ тѣ дни. Усудъ вмѣсто

отвѣта отворилъ сундукъ и сталъ разсыпать по полу одни черепки, между коими изрѣдка попадалась мелкая поденщицкая денежка. При этомъ, какъ и въ тѣ разы, онъ говорилъ: „какъ мнѣ сегодня, такъ имѣ до вѣка“. Тутъ завершился кругъ: на утро хижина стала опять царскимъ дворцемъ. Тогда Усудъ, узнавши что привело гостя, сказалъ: „ты родился въ бѣдную ночь и вѣкъ останешься бѣднякомъ, а братъ твой и его дочь Милица—въ счастливую. Ты возьми къ себѣ эту Милицу, и обо всемъ, что ни добудешь, говори, что это не твоё, а ея“. На другіе вопросы Усудъ отвѣчалъ: хозяинъ не насытить челяди, потому что не чтитъ старыхъ родителей, бросаетъ имъ кости за печь, а не сажаетъ ихъ въ переднемъ концѣ стола; другому не ведется скотъ, п. ч. на „красно име“ онъ рѣжетъ что похуже, а не что получше; въ водѣ нѣть плоду, п. ч. еще никого не утопила. „Но смотри, говоритъ, не сказывай ей этого, пока не перенесеть тебя на тотъ берегъ“.

Третьей части Сербской ск. соотвѣтствуетъ Малорусская (Аѳ. о Родѣ и Рожаницѣ, Арх. Калачова, II, 1—137): вмѣсто Усуда—старуха судьба (какъ по Малорусски?), которая живеть поперемѣнно то какъ нищая, то въ богатствѣ. Каждую ночь подъ окномъ ея слышится голосъ: „столько-то родилось мальчиковъ, а столько дѣвочекъ. Какая ихъ судьба?—Ta, что у меня сегодня, отвѣчаетъ старуха. Сказка эта не разъясняется, кто такой Усудъ, т. е. какое миѳическое лицо, какое явленіе природы лежить въ основаніи этого образа. По мнѣнію г. Аѳанасьеваго разъясняется Чеш. ск. „Tři zlaté vlasy děda Vševeda“ (Erben Citanka 1):

1) Царь, заблудившись, заночевалъ у угольщика, которому въ ту ночь жена родила сына. Къ новорожденному пришло три старухи-судички въ бѣломъ платьи, со свѣчами въ рукахъ. Одна судила ему быть въ опасности, другая—миновать бѣду, третья—жениться на родившейся сегодня дочери того царя, что лежитъ здѣсь на сѣнѣ. Царь слышалъ это. Онъ выпросилъ у угольщика сына и приказалъ его утопить. Ребенокъ спасенъ

и воспитанъ рыбакомъ. Черезъ много лѣтъ царь узнаетъ въ воспитанникѣ рыбака того, кому суждено быть его зятемъ. Онъ посыаетъ его къ царицѣ съ запискою: „Этого молодца—немедля убить: онъ мнѣ врагъ“. На пути Судичка подмѣняетъ записку другою: „Этого молодца—немедленно обвѣнчать съ нашей дочерью; онъ мой суженый зять“. Воротившись домой, царь отправляетъ нелюбаго зятя на вѣрную погибель, за тремя золотыми волосами Дѣда Всевѣда.

2) На пути перевозчикъ просить узнать у Дѣда, когда будетъ конецъ его работѣ; царь—почему его яблоня уже 20 лѣтъ не родитъ моловавыхъ яблокъ; другой царь—почему уже 20 лѣтъ, какъ высохъ его ключъ живой воды.

3) Въ золстомъ замкѣ Дѣда Всевѣда молодецъ застаетъ только старую пряжу, ту самую, которая присудила ему быть царскимъ зятемъ и подмѣнила записку. „Дѣдъ Всевѣдъ, говоритъ, она,—мой сынъ, ясное солнце: утромъ онъ дитя, въ полдень—мужъ, а вечеромъ—старый дѣдъ“. Она прячетъ молодца подъ пустую бочку. Вечеромъ влетаетъ въ западное окно золотоволосый дѣдъ—солнце, ужинаетъ и ложится спать, положивши голову на колѣни матери. Она три раза будитъ его, выдергивая по волосу, и за каждымъ разомъ передаетъ ему по вопросу, въ видѣ своего сновидѣнія. „Снилось мнѣ, что въ одномъ городѣ былъ ключъ живой воды, и вотъ 20 лѣтъ, какъ онъ высохъ, какъ сдѣлать, чтобъ потекла вода?“—Легко, отвѣчаетъ дѣдъ: на источникѣ сидѣтъ жаба и не даетъ водѣ течь; убить жабу, вычистить колодезь и вода потечетъ. На другіе вопросы отвѣтъ: подъ яблонею лежитъ гадъ; убить его, яблоню пересадить, и она станетъ ростъ; перевозчикъ пусть первому сѣдоку передастъ весло, а самъ пусть выскочить на берегъ.

Конецъ сказки не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Г. Аѳанасьевъ заключаетъ такъ: Дѣдъ Всевѣдъ есть солнце и соответствуетъ Усуду Сербской сказки;

слѣдовательно Усудъ-судьба есть солнце. Въ подкрайненіе этому приводится еще нѣсколько соображеній: Лучи солнечные и сверкающія въ тучахъ молнии уподоблялись золотымъ волосамъ, такъ какъ солнце называется золотокудрымъ, борода, Инды золотая, а Тора—красная. Солнечные лучи представлялись также нитями. Такъ какъ съ одной стороны теченіе человѣческой жизни уподоблялось тянущейся ниткѣ (нить жизни), а съ другой признавалось, что участъ людей зависитъ отъ воли верховнаго существа, то понятно, что подъ судьбою первоначально разумѣли солнце (Ае. Ск. VIII, 520, 522). Судица—мать солнца въ Чеш. ск. подходитъ къ пословицѣ: „дожидайся солнцевой матери, Божія суда“. „Славяне, говоритъ г. Аѳанасьевъ, называли судьбу судомъ Божіемъ и матерью солнца, п. ч. ея приговоромъ создалось и самое солнце, источникъ всякой жизни“. (О Родѣ и Рожаницѣ 138).

О второстепенныхъ доказательствахъ можно бы говорить, еслибы главное было убѣдительно. Но есть основанія думать, что чешская сказка есть спивка: рубцы знать. Многія очень древнія сказки составлены изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ мотивовъ, но здѣсь, по видимому, спивка поздняя и неумѣлая. Двѣ черты Чеш. сказки, именно тождество Судицы 1-й части съ женщиной живущей у главнаго лица 3-ей части (у Дѣда) и тождество этого главнаго лица съ солнцемъ, стоять уединенно и не подтверждаются ни одною изъ сказокъ этого семейства. Чеш. ск. заключаетъ въ себѣ не только миѳы, но и ихъ толкованія, что внушаетъ къ ней недовѣріе. Въ другихъ соответствующихъ Слав. и Герм. сказкахъ мѣсто дѣда занимаетъ существо совершенно другого рода, но, по нѣкоторымъ вар.—съ нѣсколькими золотыми волосами. Составитель сказки легко, но ошибочно сообразилъ, что всякое золотоволосое существо есть солнце; кстати изъ другой сказки онъ вспомнилъ, что солнце представляется ребенкомъ, мужемъ и старикомъ, что у него есть мать-пряха; но такъ какъ и Парка—пряха, но солнцеву мать безъ осо-

бенной натяжки можно было соединить въ одно лицо съ Судицею. Само собою, что почтенный издатель этой сказки можетъ отвѣтать только за вѣрность передачи того, что ему было сообщено, но никакъ не за древность и цѣльность самой сказки.

Варіанты: А. Марко богатый и Василій безчастный, Аѳ. Ск. I, 61; Б. ib II, 121; В. ib 124; Г. Словен. Тѣ pera z draka, Škult a Dobš. slov. roh. 125.

1) Въ А. долю новорожденному даютъ два старика нищие. Одинъ изъ нихъ говоритъ другому: „тамъ-то родился сынъ; какъ ему велимъ нарещи имя и какимъ надѣлимъ счастіемъ?“—Имя нарещи ему Василій, прозваніе—Безчастный, а богатствомъ наградимъ его Марка богатаго, у котораго ночуемъ.—Въ Б. вместо нищихъ—Ангель небесный, въ В.—Господь Богъ въ видѣ нищаго, въ Г. нѣть ничего соответствующаго первой части сказки о дѣдѣ-Всевѣдѣ.

Марко напрасно старается извести своего нареченаго зятя и, наслѣдника. Ребенкомъ бросаетъ его въ снѣжный сугробъ, пускаетъ на воду въ засмоленномъ боченкѣ. Узнавши его потомъ въ молодомъ монастырскомъ служкѣ, онъ посылаетъ его къ себѣ домой съ запиской, въ которой приказываетъ его убить. Одинъ изъ стариковъ, давшихъ Василію долю, перемѣняетъ записку. Наконецъ Марко посылаетъ зятя къ царю змію, якобы получить съ него дань за 12 лѣтъ и узнать у него о 12-ти Марковыхъ корабляхъ, которые пропадаютъ уже три года. Въ В.—къ вѣщуну людоѣду, спрятавшися, какъ велико Марково богатство. Въ Г. боячъ посылаетъ юношу искать зла и добра, и въ доказательство что нашелъ, принести три пера съ хвоста змія.

2) Относительно задачъ, задаваемыхъ герою сказки на пути къ змію, пока замѣчу только, что во всѣхъ русскихъ вар. перевозчикъ просить узнать, когда конецъ его работѣ, а въ Г. босорка (вѣдьма), какъ бы ей можно и въ бурю перевозить людей,—черта по видимому испорченная, равно какъ и то, что Янко не разъ, а два раза переправляется черезъ море. Во всякомъ слу-

чай, вода есть небо, и герой сказки идетъ къ существу небесному, въ чёмъ впрочемъ никто не сомнѣвался.

3) Благодаря прекрасной дѣвицѣ, похищенной змѣемъ (А.), или женѣ людоѣда (В.), Василій получаетъ отвѣтъ на свои вопросы. Въ Г. одна изъ задачъ Янка состоять въ томъ, чтобы возвратить отцу царевну, похищенную змѣемъ. Онъ находить ее за моремъ у змѣя, котораго записыватель или разсказчикъ, достойный благодарности за догадливость, въ текстѣ называетъ богомъ *) вѣтровъ. Царевна вывѣдываетъ что нужно у змѣя, вырываетъ три пера изъ его хвоста и бѣжитъ съ Янкомъ.

Многочисленные Германскіе варіанты этой сказки объясняются слѣдующимъ образомъ. Юноша, который идетъ за море за тремя золотыми волосами или перьями змѣя, великаны или чорта, есть Торъ, на что между прочимъ указываетъ и его название Торкиллемъ (Thorkill) въ соотвѣтствующемъ разсказѣ Саксона грамматика. Змѣй и его замѣны—одно лицо съ Инд. Аги; у Саксона онъ названъ Ugartilocus, т. е. Utgardaloki, именемъ Локи, того изъ Асовъ, который по всему близокъ къ ихъ врагамъ, Гигантамъ. Вторая и третья часть сказки первоначально тождественны. Задачи получаемыя и исполняемыя юношою тождественны съ самою важною, именно съ задачею убить спящаго змѣя и освободить похищенную имъ дѣвицу. Такъ жаба, которая заткнула собою источникъ живой воды (чеш. ск.) есть тотъ же змѣй Бритра, замыкающій дождевые источники (Mannhardt, germ. Mythen 203—4; Gr. Myth. 223). Въ Слов. вар. Г. двѣ огненные скалы, которые постоянно стакиваются между собою, далеко вокругъ разсыпая искры, спрашиваютъ, когда онъ перестанутъ биться? Это извѣстный образъ тучъ. Моментъ ихъ покоя или исчезновенія изображаетъ тоже явленіе, что и пораженіе змѣя. Однако сказка говоритъ, что скалы стонутъ, когда убьютъ первого прохожаго, что непонятно. Сухая груша (вар. Г.) зазеленѣваетъ и дастъ золотые плоды, когда

*) Сказочникъ изъ народа, сколько мнѣ извѣстно, не назоветъ дѣйствующаго лица сказки богомъ. Тутъ слышна книга.

убыть червя, подтачивающаго ея корень. Но червь есть тотъ же змѣй. Царевна больна (ib), ни жива, ни мертвa, п. ч. въ ея постели лежитъ ядовитый гадъ. Это тоже небесная жена во власти змѣя.

Мангартъ не понимаетъ одной черты, именно перьевъ или волосъ змѣя. Какъ бы ни объяснялась эта черта, но объясненіе ея не поведеть къ отождествленію Бритры съ солнцемъ. Въ Слав. сказкахъ непонятна личность перевозчика или перевозчицы.

И такъ, повторяю, вторая часть этой сказки должна заключать въ себѣ мотивы, первоначально тождественные съ мотивами третьей. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ соединенія нѣсколькихъ представлений того-же события, или (что менѣе точно) разложенія одного и того-же события на нѣсколько, различныхъ по формѣ. Если во второй части говорится объ изсякшемъ источнику, о деревѣ переставшемъ приносить плоды, о большои или похищенной дѣвицѣ, тамъ въ третьей части слѣдуетъ ожидать рѣчи о змѣѣ или его замѣнѣ и объ освобожденіи отъ него дѣвицы. На оборотъ, отъ змѣя 3-ей части можно заключать къ поименованнымъ выше задачамъ 2-ой части. Связь эта сохранилась въ вар. Г. и въ Нѣмеckихъ сказкахъ, но она нарушена въ ск. о Дѣдѣ-Всевѣдѣ, въ которой двѣ послѣднія задачи 2-й части противорѣчатъ появлению въ 3-ей Солнечнаго Божества вмѣсто змѣя. Въ А. и В. въ 3-ей части—рѣчь о змѣї или людоѣдѣ; хотя связь этой части со 2-ю нѣсколько затмнилась, однако двѣ задачи (именно узнать, долго ли еще стоять дубу, который стоитъ уже триста лѣтъ, и долго ли терпѣть мужичку, который, стоя одной ногой на колышкѣ, мотается, куда вѣтеръ повѣетъ) принадлежать къ одному кругу съ содержаніемъ 3-ей части. Василій толкнулъ дубъ цогою, ударили палкою мужичка, и они разсыпались золотомъ, серебромъ и камнями самоцвѣтными. Извѣстно, что добываніе сокровищъ (то есть солнечнаго свѣта, скрытаго за тучами) посредствомъ удара есть дѣло Громового Божества.

Пока божественность героя сказки была ясна, не нужно было объяснять, зачѣмъ, онъ, Громовое Боже-

ство, идеть къ своему врагу змѣю. Но когда герой сталъ обыкновеннымъ смертнымъ, то понадобились объясненія, заключенные въ 1-ой части рассматриваемой сказки. Судьба (какъ бы она ни представлялась, въ видѣ ли судицѣ, бога въ образѣ нищаго или въ видѣ теченія звѣзднаго объясняемаго звѣздочетами, какъ въ нар. ск. Ае. ск. I, 122) назначила герою быть мужемъ дѣвицы (лица, тождественнаго первоначально съ тою, которая въ 3-ей части освобождена героемъ отъ змѣя) и наслѣдникомъ богатства существа представляемаго отцемъ этой дѣвицы, но первоначально тождественнаго со змѣемъ хранителемъ сокровищъ.

Положимъ, Усуга нельзя сравнивать съ дѣдомъ Всевѣдомъ Чеш. сказки; но нельзя ли его сравнить со змѣемъ сказки о Маркѣ Богатомъ и др. подобныхъ? Конечно, для этого сравненія имѣется больше данныхыхъ, чѣмъ для первого, но все таки слишкомъ мало. Первая часть сказки объ Усугѣ есть варіантъ самостоятельной сказки о долѣ, или о богатомъ и бѣдномъ; 2-я и 3-я ч. этой ск. только въ самыхъ общихъ чертахъ сходны съ соответствующими частями сказки о Маркѣ. Задачи 2-ой части вовсе не указываютъ на основной миѳ о борьбѣ змѣя и грома; согласно съ этимъ и въ 3-ей части появляется не змѣй или его замѣна, а Усугь, обставленный чертами, вовсе не указывающими на его сходство со змѣемъ. Сказка эта, хотя можетъ быть сравнительно нова, но замѣчательно цѣльна въ томъ смыслѣ, что все въ ней имѣть прямое отношеніе къ судьбѣ.

Кто же такой Усугь? Можетъ быть онъ есть солнце, хотя это и ничѣмъ не доказано. Можетъ быть онъ мѣсяцъ, на что пожалуй указываетъ, периодичность съ которою дворецъ Усуга измѣняется въ избушку, периодичность, которую легче замѣтить въ мѣсяцѣ, чѣмъ въ солнцѣ. У мѣсяца тоже есть дома (mondhäuser, mondsäle) или по крайней мѣрѣ огороженные дворы („місяцъ огородився“); онъ имѣть вліяніе на участъ людей. А можетъ быть Усугь—ни солнце, ни мѣсяцъ.

Ноябрь 1865 г.